

ИЗВЕСТИЯ

Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины

№ 5 (146)

Социально-экономические и общественные науки

Гомельский государственный университет
имени Ф. Скорины

ИЗВЕСТИЯ

Журнал зарегистрирован в Министерстве
информации Республики Беларусь
(свидетельство о регистрации
№ 546 от 06.07.2009 года)

Журнал включен ВАК Республики Беларусь
в перечень научных изданий Республики Беларусь,
в которых публикуются результаты
диссертационных исследований
(приказы № 207 от 13.12.2005, № 9 от 15.01.2010,
№ 57 от 16.05.2013)

Журнал включен в библиографические базы данных
ВИНИТИ, Научную электронную библиотеку
eLIBRARY.RU и банк данных Национального
центра правовой информации
Республики Беларусь

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор С.А. ХАХОМОВ,
д-р физ.-мат. наук, доцент
Зам. главн. редактора Д.Л. КОВАЛЕНКО,
канд. физ.-мат. наук, доцент
Зам. главн. редактора А.Р. МИРОТИН,
д-р физ.-мат. наук, профессор
Зам. главн. редактора Г.Г. ГОНЧАРЕНКО,
д-р биол. наук, профессор, чл.-корр. НАН Беларуси

Члены редакционной коллегии:

Ф.В. Кадол, д-р пед. наук, проф.
В.Н. Калмыков, д-р филос. наук, проф.
В.И. Коваль, д-р филол. наук, проф.
И.В. Семченко, д-р физ.-мат. наук, проф.,
чл.-корр. НАН Беларуси
В.С. Смородин, д-р тех. наук, проф.
В.М. Хомич, д-р юрид. наук, проф.
О.Г. Шляхтова, ответственный секретарь

Члены редакционной коллегии по социально-экономическим и общественным наукам:

С.Н. Лебедева, д-р экон. наук, проф.
Г.И. Нарскин, д-р пед. наук, проф.
Р.М. Нижегородцев (Россия), д-р экон. наук, проф.
В.Г. Никитушкин (Россия), д-р пед. наук, проф.
В.Г. Ротань (Россия), д-р юрид. наук, проф.
М. Шеневуа (Франция), д-р. наук, проф. права

АДРЕС РЕДАКЦИИ:
246028, Беларусь, Гомель, ул. Советская, 104,
Телефоны: +375 (232) 51-03-21
E-mail: vesti@gsu.by
Интернет-адрес: <http://vesti.gsu.by>

Francisk Skorina Gomel State University

PROCEEDINGS

The Journal is registered in the Ministry of Information of
Republic of Belarus
(registration certificate
number 546 dated 06.07.2009)

The Journal is included in the Republic of Belarus High-
er Attestation Commission list of scientific publications
of the Republic of Belarus, which publish the main re-
sults for the degree of Doctor (Candidate) of Sciences
(Order number 207 dated 13.12.2005, number 9 dated
15.01.2010, number 57 dated 16.05.2013)

The journal is included in the bibliographic Databases of
the All-Russia Institute of Scientific and Technical Infor-
mation (VINITI), Scientific Electronic Library
eLIBRARY.RU and Database of the National Center of
Legal Information of the Republic of Belarus

EDITORIAL BOARD

Editor-in-chief S.A. KHAKHOMOV,
Sc. D., Docent of Physics
Deputy editor-in-chief D.L. KOVALENKO,
PhD, Associate Professor
Deputy editor-in-chief A.R. MIROTIN,
Sc. D., Professor
Deputy editor-in-chief G.G. GONCHARENKO,
Sc. D., Professor, Corresponding Member NASB

Members of editorial board:

F. V. Kadol, Sc. D., Professor
V.N. Kalmykov, Sc. D., Professor
V.I. Koval, Sc. D., Professor
I.V. Semchenko, Sc. D., Professor,
Corresponding Member NASB
V.S. Smorodin, Sc. D., Professor
V.M. Homich, Sc. D., Professor
O.G. Shlyahтова, executive secretary

Members of editorial board for the socio-economic and social sciences

S.N. Lebedeva, Sc. D., Professor
G.I. Narskin, Sc. D., Professor
R.M. Nizhegorodtsev (Russia), Sc. D., Professor
V.G. Nikitushkin (Russia), Sc. D., Professor
V.G. Rotan (Russia), Sc. D., Professor
M. Shenevua (France) Sc. D., Professor

EDITORIAL OFFICE ADDRESS:
246028, Belarus, Gomel, Sovetskaya Str., 104,
Tel: +375 (232) 51-03-21
E-mail: vesti@gsu.by
Site: <http://vesti.gsu.by>

© Учреждение образования «Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины», 2024
© Educational Establishment «Francisk Skorina Gomel State University», 2024

ИЗВЕСТИЯ

Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины

НАУЧНЫЙ И ПРОИЗВОДСТВЕННО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Издается с 1999 г.
Выходит 6 раз в год

• 2024, № 5 (146) •

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ:
ПЕДАГОГИКА • ПРАВО • ЭКОНОМИКА

СОДЕРЖАНИЕ

ПЕДАГОГИКА

Аверьянова В.В. Проблемы и перспективы использования искусственного интеллекта в преподавании иностранных языков.....	5
Акулич Ю.Е. Использование чтения как средства обучения коммуникативной грамматике.....	11
Аяшева Д.Б., Нуркенова С.С., Сажина А.В. Интерактивные технологии в обучении иностранному языку в вузе: дидактические стратегии и методы.....	15
Бабишов Н.А. Приведение системы общего среднего образования в Туркменистане в соответствие с мировыми стандартами.....	21
Даниленко О.С., Тозик О.В. Влияние системы Табата на физическую подготовленность учащихся 10–11 классов.....	25
Ермаков В.Г. Об использовании элементов развивающего обучения в преподавании основ высшей математики студентам гуманитарных специальностей.....	31
Матькунова Т.В., Лосева О.В., Алешкевич Н.А., Никитюк Ю.В., Зайцева О.Г. Результаты анкетирования работодателей в рамках мониторинга качества образовательной деятельности.....	35
Новак Н.Г., Бейзеров В.А., Никитюк Ю.В., Зайцева О.Г. Межведомственное взаимодействие по повышению качества профильного обучения белорусских школьников..	40
Починок Т.В. Из опыта реализации молодежной воспитательной и идеологической работы в университете.....	44
Яо Цзе. Предпосылки зарождения и развития системы музыкального образования Китая.....	49

ПРАВО

Афонченко Т.П. Отстранение от работы в контексте мер уголовно-процессуального принуждения.....	53
Гончаров В.В. Федеральное собрание Российской Федерации и органы парламентского контроля как объекты общественного контроля.....	59
Денисенко Н.В. Правовое регулирование опеки и попечительства на белорусских землях (конец XVIII – начало XX вв.).....	66
Караваева Е.М. Правовое регулирование электронного нотариата в Республике Беларусь.....	72
Краснобаева Л.А., Голынец Т.А. Аттестация как метод оценки профессионализма государственных гражданских служащих.....	76

Масловская Т.С. <i>Конституционная модернизация в государствах СНГ: тенденции и динамика последних пяти лет</i>	82
Середа А.Е. <i>Распознавание по лицу в криминалистике: научное понимание и значение для системы криминалистической техники</i>	88
Степаненко А.А. <i>Субсидиарная ответственность аффилированных лиц неплатежеспособной организации как инструмент защиты прав кредиторов</i>	95
Шаматульский И.А., Осипова Н.А. <i>Становление и развитие национальной системы правового регулирования в сфере незаконной миграции населения</i>	101
Шляхтова О.Г. <i>К вопросу об объективных и субъективных признаках несанкционированного доступа к компьютерной информации</i>	107

ЭКОНОМИКА

Авдейчик О.В., Струк В.А., Антонов А.С., Лесун А.Н. <i>Методологические аспекты реализации концепта «Университет 3.0» в белорусской высшей школе. Ч. 3. Особенности реализации концепта «Университет 3.0» в белорусском образовании</i>	113
Балабанович О.А., Балабанович И.Д. <i>Формирование критериев эффективного управления предприятием</i>	119
Глухова И.В. <i>Антикризисное управление деятельностью организаций в Республике Беларусь: законодательный аспект</i>	125
Земцов А.Г., Зенькова Л.П. <i>Государственное регулирование здравоохранения в Беларуси: методика оценки</i>	130
Пугачева О.В. <i>Использование искусственного интеллекта в экономике и обществе: направления, проблемы и регулирование</i>	136
Шалупаева Н.С. <i>Внешиэкономическая безопасность Республики Беларусь в сфере внешней торговли</i>	142
Шишко А.В. <i>Экономика спорта: понятие, структура, модели развития</i>	148

PROCEEDINGS

of Francisk Skorina Gomel State University

SCIENTIFIC, PRODUCTION AND PRACTICAL JOURNAL

Published since 1999

Released bimonthly

• 2024, № 5 (146) •

SOCIO-ECONOMIC AND SOCIAL SCIENCES:
PEDAGOGICS • LAW • ECONOMICS

CONTENTS

PEDAGOGICS

Aviaryanova V.V. <i>Problems and prospects of using artificial intelligence in teaching foreign languages</i>	5
Akulich Yu.E. <i>Reading as a means of teaching communicative grammar</i>	11
Ayasheva D.B., Nurkenova S.S., Sazhyna A.V. <i>Interactive technologies in teaching foreign language: didactic strategies and methods</i>	15
Babishov N.A. <i>Bringing the system of general secondary education in Turkmenistan to world standards</i>	21
Danilenko O.S., Tozik O.V. <i>The impact of the Tabata System on physical fitness of 10th–11th grade students</i>	25
Ermakov V.G. <i>On the use of elements of developmental training in teaching the basics of higher mathematics to students of the humanities</i>	31
Matkunova T.V., Loseva O.V., Aleshkevich N.A., Nikityuk Yu.V., Zaitseva O.G. <i>Results of the survey of employers as part of monitoring the quality of educational activities</i>	35
Novak N.G., Beizerov V.A., Nikityuk Yu.V., Zaitseva O.G. <i>Interdepartmental interaction to improve the quality of specialized education for Belarusian schoolchildren</i>	40
Pochinok T.V. <i>From the experience of implementing youth educational and ideological work at the university</i>	44
Yao Jie. <i>Prerequisites for the genesis and development of the Chinese music education system</i>	49

LAW

Afonchenko T.P. <i>Suspension from work in the context of criminal procedural coercive measures</i>	53
Goncharov V.V. <i>Federal Assembly of the Russian Federation and parliamentary control bodies as objects of public control</i>	59
Denisenko N.V. <i>Legal regulation of guardianship and trusteeship in the Belarusian lands (late 18th – early 20th centuries)</i>	66
Karavaeva E.M. <i>Legal regulation of electronic notaries in the Republic of Belarus</i>	72
Krasnobaeva L.A., Golynets T.A. <i>Certification as a method of evaluating the professionalism of state civil servants</i>	76
Maslovskaya T.S. <i>Constitutional modernization in the CIS countries: trends and dynamics of the last five years</i>	82
Sereda A.E. <i>Face recognition in forensics: scientific understanding and implications for the forensic technology system</i>	88
Stepanenko A.A. <i>Subsidiary liability of affiliates of an insolvent organization as a tool for protecting the rights of creditors</i>	95

Shamatulski I.A., Osipova N.A. <i>Formation and development of the national system of legal regulation in the field of illegal migration of the population.....</i>	101
Shlyahova O.G. <i>On the issue of objective and subjective signs of unauthorized access to computer information.....</i>	107
ECONOMICS	
Avdeichik O.V., Struk V.A., Antonov A.S., Lesun A.N. <i>Methodological aspects of the implementation of the concept «University 3.0» in Belarusian higher education. Part 3. Features of the implementation of the concept «University 3.0» in Belarusian education</i>	113
Balabanovich O.A., Balabanovich I.D. <i>Formation of criteria for an effective enterprise manager.....</i>	119
Glukhova I.V. <i>Anti-crisis management of organization's activities in the Republic of Belarus: legislative aspect.....</i>	125
Zemtsov A.G., Ziankova L.P. <i>State regulation of healthcare in Belarus: assessment methodology.....</i>	130
Pugacheva O.V. <i>Use of artificial intelligence in the economy and society: directions, problems and regulation.....</i>	136
Shalupayeva N.S. <i>External economic security of the Republic of Belarus in the sphere of foreign trade.....</i>	142
Shyshko A.V. <i>Economics of sports: concept, structure, development models.....</i>	148

Педагогика

УДК 378.147:004.8:811'243

EDN: CBTVFT

Проблемы и перспективы использования искусственного интеллекта в преподавании иностранных языков

В.В. АВЕРЬЯНОВА

Изучаются различные аспекты применения инструментов искусственного интеллекта в образовании и, в частности, в обучении иностранным языкам. Предлагается решение некоторых проблем, связанных с использованием ИИ-инструментов. Анализируются возможности, которые предоставляет преподавателю иностранного языка использование таких ресурсов, как Twee, BAI Chat, ChatGPT, Replica AI и др. Выделяются такие ключевые преимущества ИИ-инструментов, как персонализированное обучение, предоставление обратной связи и система автоматического оценивания, геймификация.

Ключевые слова: искусственный интеллект, преподавание иностранных языков, Twee, Replica, BAI, ChatGPT, Duolingo, чат-бот, дебаты, ИИ-инструменты, запрос, обратная связь, геймификация.

Various aspects of the application of AI tools in education and, in particular, in foreign language teaching are studied. The solutions to some of the problems associated with the use of artificial intelligence are proposed. The possibilities that the use of such resources as Twee, BAI Chat, ChatGPT, Replica AI, etc. provides to a foreign language teacher are analysed. The key advantages of AI tools such as personalised learning, providing feedback and automatic assessment system, gamification are highlighted.

Keywords: artificial intelligence, foreign language teaching, Twee, Replica, BAI, ChatGPT, Duolingo, chatbot, debate, AI tools, enquiry, feedback, gamification.

Появление искусственного интеллекта стало поворотным моментом развития информационного общества, в котором мы сейчас живем. Отличие искусственного интеллекта от других информационных ресурсов – это возможность выполнять действия, которые до этого мог выполнять только человек. Например, понимать и воспроизводить речь, самообучаться, рассуждать и анализировать, учитывая множество факторов и аргументов.

Развитие технологии искусственного интеллекта происходит очень быстро: за несколько лет она из теоретической концепции превратилась в мощную силу, способную кардинально изменить многие сферы жизни человека. Эти изменения несут революционный характер и имеют как огромное количество преимуществ, так и недостатки.

Использование искусственного интеллекта предоставляет множество новых возможностей, главной из которых является освобождение человека от рутинных, повторяющихся задач. Ориентированность технологий искусственного интеллекта на воспроизведение текстов, речи, несомненно, является определяющим фактором для применения этих технологий в обучении языкам. Интеграция технологий искусственного интеллекта в образование становится необратимым процессом развития информационного общества.

Новая технология может помочь преподавателю иностранного языка в создании заданий и упражнений; в проверке работ, в предоставлении учащимся обратной связи, в планировании работы с учетом индивидуальных особенностей учеников, например, их уровня языка и интересов и т. д.

Однако появление новых, даже самых перспективных, инструментов часто сопровождается возникновением проблем. Увеличивается зависимость от технологий, когда часть задач по поиску, обработке и креативному воспроизведению информации можно поручить машине. Это может повлечь снижение уровня собственных когнитивных и креативных возможностей субъектов образовательного процесса [1, с. 33], [2, с. 63].

Обучение иностранным языкам при помощи искусственного интеллекта может привести к утрате человеческого взаимодействия, эмоционального контакта и поддержки, нивелированию воспитательного воздействия личности учителя.

Цель данной статьи – обозначить некоторые проблемы, связанные с использованием искусственного интеллекта, и предложить способы их решения, а также выделить основные преимущества и способы использования ИИ преподавателем иностранного языка.

В настоящее время появилось большое количество научных статей, посвященных внедрению ИИ в образование и, в частности, в обучение иностранным языкам. Большинство авторов описывает преимущества использования искусственного интеллекта. Проблемы, связанные с его внедрением, пути преодоления трудностей исследуются не так часто.

Наиболее очевидной и выраженной проблемой для преподавателя иностранного языка является то, что студенты начинают очень активно использовать искусственный интеллект для выполнения домашних заданий, написания творческих работ. Это усложняет выработку навыков и умений, порождает трудности, связанные с контролем знаний. В связи с этим важно установить понятные правила использования ИИ, которые не позволяли бы подменять реальную учебную деятельность.

Например, при написании творческих работ важно следить, чтобы в процессе написания ученик не пользовался информационными ресурсами и приспособлениями, например, мобильным телефоном. Для этого написание письменной творческой работы лучше проводить в аудитории, под контролем преподавателя, и работа, соответственно, должна быть написана ручкой, а не напечатана на компьютере. При этом вполне приемлемо объявить о написании этой творческой работы предварительно. Тогда ученик сможет подготовиться к ней, используя в том числе инструменты ИИ. Ведь искусственный интеллект предлагает тексты, созданные на основе множества примеров, на которых он обучается. Чтобы создать великое произведение, писателю нужно почитать сотни книг, увидеть сотни и тысячи хороших примеров, чтобы на их основе создать что-то лучшее и уникальное. По аналогии ИИ может служить здесь средством предоставления лучших примеров творческих работ, сочинений. Изучив эти примеры, ученик сможет творчески использовать их в своем сочинении, передать своими словами полученную информацию и добавить новые смыслы на основе предоставленных искусственным интеллектом. Хорошие примеры дают большой простор для их креативной интерпретации.

Большой потенциал для применения в условиях бурного развития ИИ имеет использование на занятиях иностранного языка такого приема, как дебаты, обсуждение проблемных ситуаций. Непосредственно во время проведения обсуждения или дебатов обучаемым не разрешается пользоваться устройствами. Ученики могут выражать свое мнение, спорить, импровизировать. Этот вид деятельности в полной мере развивает навыки говорения на иностранном языке. Однако, как и в предыдущем примере с письменными сочинениями, ученики могут готовиться к дебатам дома. Эта подготовка может включать поиск информации и аргументов «за» и «против» при помощи ИИ, а также симуляцию дебатов при помощи чат-ботов, например, *ChatGPT* или *BAI*.

При работе с чатом важно правильно сформулировать запрос. Нами использовался *BAI chat* (<https://beta.theb.ai/>). Для организации обсуждения с чатом в письменной форме можно задать запрос «*Debate with me on the topic of... You think that... My opinion will be contrary. Present arguments in favor of your point of view and correct my grammatical and spelling errors.*».

Очень интересными и полезными ИИ-инструментами для организации диалога будут *Replica AI* и *Gliglish*. Приложение *Replica AI* в бесплатном режиме позволяет общаться в письменной форме, устное общение доступно в платной версии. При этом можно настроить внешний вид, характер *Replica* и в процессе общения она будет подстраиваться под собеседника, организовывать взаимодействие с учетом его интересов и индивидуальных особенностей. *Gliglish* – менее универсальный инструмент. В бесплатной версии на сайте предлагается общение в рамках ограниченного диапазона тем. Такой формат подойдет для невысокого уровня владения языком, если нужно отработать навыки говорения в типовых ситуациях («*Greetings*», «*At the restaurant*», «*During the job interview*», «*Understanding and using prices*»...).

В некоторых заданиях можно даже использовать недостатки искусственного интеллекта. ИИ прекрасно пишет сочинения на отвлеченную тему, однако предоставленную им фактическую информацию нужно тщательно перепроверять. Например, очень часто ИИ приводит несуществующие цитаты и искажает факты. В связи с этим можно дать задание студентам попытаться сбить с толку *BAI* или *ChatGPT*, оценить его ответы и аргументы. Это будет прекрасным упражнением на развитие критического мышления.

С точки зрения критического анализа общения с ИИ интересен прием изучения диалога с чат-ботом в условиях учебной аудитории. Студенты делают распечатки диалога с ИИ, а затем анализируют их на занятии в малых группах, определяя причины коммуникативных сбоев и пути выхода из них с целью достижения коммуникативных целей иноязычного взаимодействия [3, с. 53].

Общение с чат-ботами наиболее эффективно для учащихся, уровень владения иностранным языком которых – A2-B1 [3, с. 51], [4, с. 323]. Если уровень ниже – обучаемому сложно понять собеседника и подобрать лексику для выражения своих мыслей, обучаемым с уровнем B2 и выше уже необходима практика языка с носителями, просмотр фильмов, чтение прессы и произведений на иностранном языке в оригинале.

Выше были обозначены основные проблемы, с которыми сталкивается преподаватель иностранного языка, определены способы, как можно частично нивелировать воздействие негативных факторов. Существование ИИ – объективная реальность, и он будет развиваться, поэтому преподаватель должен не бороться и противостоять этому процессу, а поставить ИИ к себе на службу, максимально использовать новые возможности и перспективы.

Здесь можно обратить внимание еще на одну неочевидную проблему, связанную с внедрением ИИ в сферу образования. И связана эта проблема непосредственно с личностью преподавателя. Дело в том, что студенты, в силу своей большей восприимчивости к внедрению новых технологий и адаптивности, зачастую значительно больше, чем преподаватели, заинтересованы в овладении инструментами ИИ [5, с. 312]. Последние исследования на основе опроса преподавателей вузов показали, что на данный момент большинство преподавателей вузов осведомлены о существовании ИИ, знают о его возможностях, но редко используют его для подготовки к занятиям [6, с. 24]. Это связано с тем, что эффективные инструменты на основе ИИ, предназначенные для преподавателей, появились совсем недавно. Нужно прилагать специальные усилия, проводить активную работу по популяризации ИИ среди преподавателей, включать вопросы применения ИИ в программы повышения квалификации или переподготовки педагогических кадров [6, с. 27], [7, с. 1440], создавать нормативную базу, с регламентом и рекомендациями по использованию ИИ. Важно предпринимать действия, позволяющие сформировать компетенции педагогов, связанные с использованием современных информационных технологий.

Несмотря на все описанные выше проблемы, внедрение ИИ в образовательное пространство имеет огромное количество преимуществ, в первую очередь, для преподавателя.

Во-первых, это возможность максимально учитывать индивидуальные особенности обучаемых, их уровень языка, интересы и способности. ИИ создает контент и упражнения, адаптированные под потребности обучаемых. Такое персонализированное обучение – одно из ключевых преимуществ приложений для обучения иностранным языкам, основанных на ИИ-технологии. Приложение анализирует уровень языка, предпочтения, ошибки ученика и предлагает задания, исходя из указанных данных.

Следующим и очень важным преимуществом ИИ является предоставление обратной связи и система автоматического оценивания. Эта функция позволяет освободить преподавателя от огромной рутинной работы по проверке заданий и тестов учащихся, больше времени уделить личному общению с учениками и развитию их навыков. Инструменты ИИ позволяют объективно и детально оценивать учащихся, анализировать их результаты, практически исключая фактор человеческой ошибки и усталости [8, с. 140], [9, с. 69–70]. Затем на основе этого анализа ИИ может предложить идеи для повышения успеваемости и создать эффективный план обучения.

При использовании чата *BAI* для проверки работы ученика важно задать правильный запрос. Например, попросить проверить и исправить работу, а также дать пояснения по ошибкам. Часто чат при таком запросе также может улучшить текст, перефразируя и используя более удачные и подходящие выражения. Можно поручить ИИ оценить стиль работы, проверить работу по заданным критериям, сгруппировать ошибки по типам и под.

Алгоритм работы с ИИ здесь требует первичной и итоговой оценки преподавателем. Первичная предшествует оценке ИИ и включает определение общих параметров соответствия, а итоговая оценка проводится с целью анализа и коррекции комментария ИИ.

Среди недостатков использования ИИ для оценки работ можно отметить то, что оценка производится исходя из усредненных показателей, не учитывается индивидуально-авторский стиль, динамика показателей ученика в общем контексте его предыдущих работ. ИИ также не способен самостоятельно принимать решения об оценке работ по заданным критериям [9, с. 73].

Одной из важнейших составляющих успешного обучения является мотивация. Этот аспект учебной деятельности играет ключевую роль в обучении – если обучаемым интересно учиться, они будут использовать большое количество своего свободного времени, чтобы заниматься иностранным языком, и результаты такой работы будут очень впечатляющими. Использование игровых приемов (геймификация) – это один из лучших способов сформировать интерес и мотивировать. Игра позволяет объединить чувственное и логическое, подразумевает наглядность, вовлеченность и активное участие. Навыки и коммуникативные умения вырабатываются в близких к реальным ситуациям, что помогает обучаемым применять свои знания на практике.

При помощи искусственного интеллекта возможно создание разнообразных игровых заданий по разным темам. Наибольшее применение принцип геймификации нашел в приложениях для изучения иностранных языков. Например, приложение *Duolingo* предлагает интерактивные упражнения, обратную связь и персонализированный подход к обучению. Это приложение предлагает изучать иностранный язык без участия преподавателя, что предполагает высокую степень автономии и самостоятельности обучаемых, свободу выбора времени и места обучения. В приложении используются такие игровые приемы, как возможность зарабатывать очки, продвигаться по уровням, получать награды и соревноваться с другими участниками учебного процесса [5, с. 318]. Важной характеристикой приложений такого типа выступает интерактивность – активное взаимодействие участников, немедленная обратная связь и персонализированный подход.

Интерактивность – основное преимущество таких ресурсов, как *Replica AI* и *Gliglish*, которые упоминались выше. Эти чат-боты поддерживают диалог в письменной и устной форме, имитируя человеческую речь на основе технологий естественного языка, машинного обучения и заложенных в них алгоритмов речевого поведения человека [10, с. 206].

Диалог в письменной форме можно организовать с помощью *BAI* и *ChatGPT*. Например, задать чат-боту следующий запрос: *Let's argue about different environmental issues. You will argue for immediate and radical solutions, and I will argue for ones that are more gradual.* Или другой запрос: *Convince me that animal testing should be banned.* Чат начнет беседу, будет ее активно поддерживать, выдвигая аргументы в пользу своей точки зрения. Таким образом, можно задать ученикам упражнение побеседовать и поспорить с чат-ботом на заданную тему. Такой собеседник доступен в любое время, проявляет гибкость и уважение к вашему мнению. С ним интересно, так как он может высказывать необычные и оригинальные идеи и приводить нестандартные аргументы.

Чат на основе ИИ может быть наставником во внеурочное время. Например, в случаях, когда нужно объяснить правило или прокомментировать ошибку. При этом учитывается уровень знаний ученика, например, задается такой запрос: *Explain the Present Tense to a 5th grade student.* Также чат можно использовать для оказания другой информационной поддержки обучаемым.

Чат-боты, созданные на основе ИИ, например, *BAI* и *ChatGPT*, можно очень успешно использовать для создания упражнений и тестов, планирования уроков иностранного языка. Например, можно попросить сделать упражнение на вставку слов с заданными словами. Также чат делает очень интересные вопросы для обсуждения в паре (группе) с заданной лексикой. Например, был задан запрос: *Ask me interesting questions using these words: fragile, frankly, furious, foster, glorious.*

Вот какие вопросы предложил *BAI*:

*Have you ever broken something **fragile** that was important to someone else?*

*Can you be completely honest and speak **frankly** about your feelings in any situation?*

*What makes you **furious** or angry?*

*Who in your life has **fostered** your personal growth or development?*

*Can you describe a **glorious** moment in your life that you'll never forget?*

Если вам не нравятся созданные чатом вопросы, можно попросить сделать еще раз, он предложит другие вопросы. Можно также попросить создать связный текст, используя заданную лексику, чтобы ученики могли увидеть использование изучаемых слов в разных контекстах.

При помощи ИИ-чата можно делать тесты по тексту лекции. Очень часто сложность при создании тестов заключается в том, что нужно придумать неправильные ответы теста, и это занимает много времени. С такой задачей ИИ справляется быстро и эффективно, что многократно облегчает работу по созданию тестов. Для запроса нужно попросить создать тест, например, с 5 вариантами ответа на каждый вопрос, и ввести, частично или полностью, текст лекции.

Для создания разнообразных коммуникативных упражнений можно с успехом использовать такой ИИ-инструмент, как *Twee* (<https://twee.com/>). Это сайт для преподавателей английского языка, созданный на основе искусственного интеллекта, который позволяет делать упражнения по категориям: *Reading, Vocabulary, Writing, Speaking, Grammar, Listening*. В каждой категории есть несколько типов упражнений, например, на данный момент в категории *Reading* можно создать 8 типов упражнений, *Vocabulary* – 10, *Speaking* – 9.

Примеры упражнений:

Reading

Create True / False statements based on your text

Create open questions to the text

Create ABCD questions for a text with only one correct answer

Vocabulary

Fill in the gap

Create a matching exercise word-definition

Create communicative situations with your vocabulary

Rephrase Using the Word Given

Speaking

Find interesting facts on a given topic

Create a list of advantages and disadvantages on the given topic

Four opinions (Creates four opinions by random people on the topic. Use it to encourage students to consider different points of view and evaluate arguments).

Особого внимания заслуживает категория *Listening*. Здесь можно использовать ссылку с YouTube (в бесплатной версии) или загрузить файл с видео- или аудиоконтентом с компьютера (в платной версии). Ресурс предлагает следующие варианты действий с аудио- или видеоматериалами:

Convert Audio & Video to Text

Audio & Video Question Creator

Choose the Right Summary

Audio & Video Summary GapFill

Одной из ключевых особенностей сайта <https://twee.com/> является возможность выбора уровня языка обучаемых. Этот ресурс позволяет значительно экономить время преподавателя, предлагает большое разнообразие типов упражнений, которые можно создать на основе определенной лексики или контента. Многие упражнения предполагают творческую деятельность обучаемых. Задания будут вызывать интерес у учеников, формировать мотивацию к изучению языка. В то же время исследователи отмечают некоторые недостатки *Twee* – необходимость проверять задания на наличие фактических ошибок, ориентация на выработку преимущественно лексических навыков, отсутствие обратной связи [7, с. 1436–1438].

Искусственный интеллект учится решать все более сложные задачи. Пока он выступает как дополнительное средство обучения, но в перспективе, как считают ученые, ИИ должен будет восприниматься не в качестве средства, а в качестве третьего субъекта образовательного процесса наряду со студентом и преподавателем [6, с. 17].

Что касается идеи о том, что искусственный интеллект в будущем заменит преподавателя, то здесь можно привести несколько аргументов против этой точки зрения. Во-первых, эмоциональная поддержка и опыт преподавателя позволяют чутко реагировать и более успешно подстраиваться под потребности обучаемых. Во-вторых, функция контроля, которая является

одной из ключевых в процессе обучения, наиболее эффективно осуществляется только при «живом» контакте, при участии преподавателя. Здесь играет роль и авторитет педагога, а также воспитательное воздействие. В-третьих, воспитательная цель обучения может быть реализована только под влиянием личности учителя, его ценностных и этических установок.

Обучение только при помощи инструментов искусственного интеллекта будет означать утрату человеческого взаимодействия, отсутствие реальных межличностных контактов. Преподаватель помогает выбрать адекватную реакцию на различные ситуации в процессе коммуникации на иностранном языке, помогает овладеть культурным контекстом общения в том обществе, которое использует этот язык [4, с. 326]. Педагог несёт ответственность за процесс и результат обучения. В отличие от искусственного интеллекта, преподаватель обладает эмоциональным интеллектом – способностью распознавать свои эмоции и эмоции других людей, управлять ими, понимать желания обучаемых и формировать мотивацию к изучению предмета. Интуиция, обаяние, эффективное взаимодействие с учениками на основе эмоциональных связей – это все составляющие эмоционального интеллекта.

Таким образом, в настоящее время технологии искусственного интеллекта демонстрируют значительный прогресс в образовательной сфере, однако прогнозировать полную замену преподавателя в обозримом будущем нельзя. Скорее всего, педагоги, активно внедряющие возможности нейросетей в свою деятельность, будут заменять тех преподавателей, которые не проявляют готовности к внедрению новых технологий и не стремятся к профессиональному развитию.

Эффективное использование нейросетей в образовании требует не только технической готовности, но и педагогической компетенции со стороны преподавателей. Педагоги, открытые к внедрению новых технологий и обладающие навыками в области цифрового образования, будут способствовать интеграции нейросетей в учебный процесс, повышая качество образования.

Литература

1. Дитковская, И. Э. Технологии искусственного интеллекта в персонализированном образовании в контексте философии личностного образования / И. Э. Дитковская // *Universum : общественные науки*. – 2024. – № 3 (106). – С. 32–34.
2. Осипова, Л. Б. Искусственный интеллект в образовании : реальные возможности и перспективы / Л. Б. Осипова // *Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета*. – 2024. – № 1. – С. 60–73.
3. Сысоев, П. В. Чат-боты в обучении иностранному языку : проблематика современных работ и перспективы предстоящих исследований / П. В. Сысоев, Е. М. Филатов, Д. О. Сорокин // *Вестник Московского университета*. – 2023. – № 3. – С. 46–59.
4. Бурина, Е. В. Лингводидактический потенциал технологий искусственного интеллекта для обучения иностранным языкам / Е. В. Бурина // *Мир науки, культуры, образования*. – 2023. – № 6 (103). – С. 323–326.
5. Евстигнеев, М. Н. Принципы обучения иностранному языку на основе технологий искусственного интеллекта / М. Н. Евстигнеев // *Вестник Тамбовского университета*. – 2024. – Т. 29, № 2. – С. 309–323.
6. Сысоев, П. В. Искусственный интеллект в образовании : осведомлённость, готовность и практика применения преподавателями высшей школы технологий искусственного интеллекта в профессиональной деятельности / П. В. Сысоев // *Высшее образование в России*. – 2023. – Т. 32, № 10. – С. 9–33.
7. Евстигнеев, М. Н. Нейросеть Twee – новый инструмент для педагога английского языка / М. Н. Евстигнеев // *Вестник Тамбовского университета*. – 2023. – Т. 28, № 6. – С. 1428–1442.
8. Пшихачева, А. А. Возможности использования искусственного интеллекта в практике высшего образования / А. А. Пшихачева // *Общество: социология, психология, педагогика*. – 2023. – № 4. – С. 137–141.
9. Корнев, А. А. Стратегии использования искусственного интеллекта для предоставления письменной обратной связи в обучении иностранному языку / А. А. Корнев // *Вестник Московского университета*. – 2024. – № 2. – С. 68–77.
10. Сысоев, П. В. Методика развития иноязычных речевых умений студентов на основе практики с чат-ботом / П. В. Сысоев, Е. М. Филатов // *Перспективы науки и образования*. – 2023. – № 3 (63). – С. 201–218.

Использование чтения как средства обучения коммуникативной грамматике

Ю.Е. АКУЛИЧ

В статье раскрываются вопросы использования аутентичных текстов в качестве заданий при обучении коммуникативной грамматике в рамках формирования и совершенствования навыков употребления грамматических явлений английского языка, которые необходимы для понимания смыслового содержания текста. Использование текстового материала в образовательном процессе должно грамотно чередоваться и балансировать с разговорной речью и выполнением грамматических упражнений. Метод коммуникативного подхода с использованием аутентичных текстов является эффективным для обучения грамматике, поскольку способствует не только овладению грамматическими явлениями, но и дает возможность обучаемым познакомиться с культурными реалиями, которые необходимы для правильной интерпретации контекста. Анализируются преимущества и недостатки использования текстовых материалов на занятиях, а также демонстрируются примеры текстов для совершенствования конкретных грамматических конструкций: времен активного и пассивного залога, косвенной речи, сослагательного наклонения.

Ключевые слова: аутентичный текст, коммуникативная грамматика, иноязычное общение, грамматический навык, интерпретация текста

The article reveals the issues of using authentic texts as tasks in the process of teaching communicative grammar being the part of formation and improvement of skills while using grammatical phenomena of the English language, which are necessary for understanding the semantic content of the text. The use of textual material in the educational process should be competently alternated and balanced with oral speech practice and grammar exercises. The method of a communicative approach with authentic texts is effective for teaching grammar, since it contributes not only to the improvement of grammar, but also allows students to become acquainted with the cultural realities which are necessary for the correct interpretation of the context. The advantages and disadvantages of using text materials in the classroom are analyzed, and examples of texts for improving specific grammatical structures are demonstrated: tenses of active and passive voice, indirect speech, subjunctive mood.

Keywords: authentic text, communicative grammar, foreign language communication, grammatical skill, text interpretation.

Чтение является одним из четырех основных видов речевой иноязычной деятельности, успешное владение навыками которого позволяет студентам обогатить свой мир знаний. Анализ занятий, включающих работу с аутентичными текстами, показывает, что интерпретация информации, закодированной в текстах, зависит от многих факторов: орфографии, лексической наполняемости, грамматики, базовых знаний и метакогнитивных стратегий. Преподавание грамматики английского языка в контексте требует от студентов не только высокого уровня владения языком (то есть иметь достаточный лексический запас, знать значения грамматических конструкций, строение текста), но и уметь осуществлять оценку коммуникативной ценности культурных реалий страны изучаемого языка. Ведь с помощью текстов передается и усваивается социальный опыт, формируется разнообразие человеческих индивидуальностей, происходит социализация личности. Из аутентичного текста обучаемый получает не только рациональную информацию, формирует способы мыслительной деятельности, но и применяет метакогнитивные стратегии (усваивает эмоции, настроения, формы поведения). Аутентичные текстовые материалы являются незаменимым инструментом для изучения социального, культурного и языкового аспекта иностранного языка.

Целью работы является изучение возможностей использования текстовых материалов в качестве практических заданий, используемых при обучении коммуникативной грамматике английского языка. Так как коммуникативная грамматика подразумевает использование коммуникативного подхода в обучении, то логично, что все грамматические структуры и явления должны вводиться на занятии не только на уровне предложения или высказывания, но и контекста, то есть необходимо смоделировать коммуникативную среду, в которой студен-

ты сначала знакомятся с текстом и готовятся к использованию изучаемых грамматических конструкций, а затем обучаемые приступают к следующему этапу использования языка уже в реальном обсуждении ситуативных проблем.

Научная новизна определяется необходимостью внедрения аутентичных текстов в процесс преподавания коммуникативной грамматики для улучшения понимания семантической и структурной значимости конкретных грамматических конструкций на уровне текста, вовлечения студентов в различные речевые задания для тренировки и закрепления грамматических явлений в различных проблемных сферах.

Рассматривая аутентичные текстовые материалы как средство обучения коммуникативной грамматике, можно отметить их преимущества.

Во-первых, аутентичные материалы предоставляют точные примеры того, как язык используется его носителями или подавляющим большинством пользователей целевого языка, то есть тексты представляют язык в том виде, в котором он используется в контексте реальной жизни, предоставляя обучаемым возможность познакомиться с подлинным использованием языка, включая идиоматические выражения, разговорные фразы и культурные нюансы. Тексты дают студентам возможность тренировать грамматические явления в аутентичных коммуникативных ситуациях, запоминая основные значения и структурные особенности данных грамматических формул.

Во-вторых, аутентичные материалы с наличием культурных реалий способствуют повышению интереса обучаемых к изучению иностранного языка, так как они могут предоставить информацию о целевых культурных нормах, правилах межкультурного поведения и представить точку зрения этой культуры на проблему или событие. Богатый язык, обнаруженный в аутентичных материалах, является источником информации, необходимой изучающим язык для его усвоения. Аутентичные материалы зачастую более интересны, актуальны и увлекательны по сравнению с традиционными искусственными учебными материалами. Используя внутреннюю мотивацию и личные интересы обучаемых, преподаватели могут создать более динамичную и увлекательную среду обучения, которая способствует активному участию и успеху в изучении языка.

В-третьих, материалы из реальной жизни более неформальны и социально ориентированы. Аутентичные тексты представляют собой богатый источник лингвистической информации, которая может улучшить процесс овладения языком. Благодаря текстам обучаемые знакомятся с аутентичными языковыми структурами, использованием словарного запаса, моделями дискурса, спецификой употребления грамматических конструкций, что в дальнейшем позволит студентам развивать свои языковые навыки естественным и контекстуально значимым способом. Кроме того, аутентичные материалы дают студентам возможность решать аутентичные языковые задачи, такие как чтение реальных текстов и взаимодействие с носителями языка через аутентичные каналы связи. Этот опыт не только способствует овладению языком, но и повышает коммуникативную компетентность студентов [1].

Следует отметить, что аутентичные тексты также могут вызывать некоторые трудности при обучении коммуникативной грамматике. Среди них можно отметить сложность лексического и грамматического материала, неподходящего по уровню знаний студентов; ограниченное воздействие разговорной речи, а также возможности для взаимодействия, которое важно для развития грамматических навыков; отсутствие навыков просмотрового, изучающего и ознакомительного чтения. Использование текстов для обучения иностранным языкам должно помогать обучаемым развивать навыки чтения, но порой студенты просто концентрируют свое внимание на словах, структурах предложений, не вникая в смысл текста.

Следует отметить, что литературные и другие аутентичные тексты не следует упрощать или видоизменять с целью помочь обучаемым их понять. Скорее, обучаемым следует предоставить стратегии и виды деятельности по чтению до начала занятий, которые помогут студентам понять аутентичный материал. Обычно данные стратегии делятся на три категории: действия перед чтением, во время чтения и после чтения, в зависимости от того, когда они используются по отношению к интерпретации текста.

Изучение грамматических явлений в аутентичных текстах обычно труднее, чем изучение лексических единиц. Это не означает, что вся грамматика должна быть точно такой же, которую студенты уже изучали ранее на уровне предложения. Просмотр грамматических структур в контексте облегчит задачу, если эти структуры будут находиться в пределах од-

ного уровня (например, курс Upper-Intermediate), тогда студенты могут вывести значение конструкции, догадываясь по контексту. Если есть какая-либо грамматическая конструкция еще более высокого уровня, то можно предоставить студентам так называемый «грамматический глоссарий», аналогичный словарному глоссарию [1].

Два самых надежных способа проверить, что большая часть грамматических конструкций находится на должном уровне, – это использовать оцененные тексты и переписывать аутентичные тексты. Другая возможность – просто использовать короткий отрывок из аутентичного текста, в котором есть только правильные грамматические элементы. Если вы хотите найти аутентичный текст с правильной грамматикой, один из способов поиска – по жанру. Например, в историях обычно используется Past Perfect, Past Continuous и Past Simple, но в заметках новостей или сюжете романа вместо них может использоваться настоящее время.

На основе вышеперечисленных требований можно привести следующую классификацию коммуникативных заданий, используемых на основе прочтения аутентичных текстов разной тематики.

1. *Заполнение пробелов.* Задание по тексту «Уровень дорожно-транспортных происшествий в Европе не достигает целевых показателей» [2, с. 9] ориентировано на тренировку употребления простого и длительного настоящих времен действительного залога с глаголами чувственного восприятия, состояния, мыслительных процессов. Перед прочтением текста следует разъяснить студентам разницу значений таких глаголов, как *be, imagine, suppose, think, expect, have, see, hope, wonder, enjoy, appear, look, seem, ache, feel, hurt, measure, weigh*, семантическая нагрузка которых меняется в зависимости от контекста. Данный аутентичный текст знакомит студентов со статистикой смертности, связанной с дорожными авариями, способами борьбы для снижения смертных случаев на дороге. Актуальная тема смертности на дороге дает возможность осуществлять коммуникативную деятельность на занятии посредством речевых заданий. В качестве закрепления биполярных значений глаголов можно сориентировать студентов на обсуждение следующих вопросов по теме: *Do you think it's dangerous to drive a car? Do you agree that traffic safety is improving? What do we need to reduce the number of accidents? How often do you have heavy traffic? Do you agree that it is the younger generation who needs to be blamed for car accidents? Who do we need to blame for (drivers or pedestrians)? Do you expect to obtain a driving license?*

2. *Соответствие.* Данное задание направлено на нахождение соответствия грамматической конструкции с основным значением. Основная задача задания – умение студента дать определение конкретному грамматическому явлению. Например, задание по теме «*Learning languages*» предлагает студентам прочитать текст по способам улучшения навыков владения иностранным языком, грамматическая тема которого – модальные глаголы. *In many cases, when you are concentrating on how to form sounds, you may not be aware of how they actually turn out. A tape recorder is very useful for helping you learn the results of your efforts. As you listen, you will be able to hear the difference in what you intended to sound out, and what actually occurred. You can also compare these results to tapes of native English speakers and work on specific sound groups that are difficult to manage. A tape recorder will also help you learn how to control the pace of your speech, as well as your breathing pattern. Once you have mastered the basic sounds, it may be helpful to listen to these words spoken by people with different accents. As an example, you might want to try and imitate everything from Texan accents to Irish ones. In the process, you may find that some letter pronunciations fit better with your own natural speech patterns* [3, с. 9]. Студенты сопоставляют использованные в тексте модальные глаголы с их основными значениями, которые используются в данном контексте. Для совершенствования навыков употребления глаголов с модальным значением способности, возможности, уверенности, необходимости, обязательства можно предложить задание на нахождения новых способов тренировки своих языковых навыков. Тема обсуждения является актуальной для студентов-лингвистов, поскольку совершенствование навыков говорения на иностранном языке, включая аспекты чтения и грамматики, важно для реализации будущих планов профессиональной деятельности.

3. *Коллективное мнение.* Студенты, работая в небольших группах, обсуждают проблему или вопрос, который был затронут в прочтенном тексте, и предлагают свои возможные разрешения коммуникативной ситуации. Это задание направлено не только на получение информации, но и совершенствование определенного грамматического явления. Примером может послужить текст «*The If generation*» [4, с. 121]. Студентам предлагается прочесть текст, в котором

обсуждается важная для молодых людей тема – «Если бы я был ...». Предложенный текст позволяет отработать такое грамматическое явление, как условное предложение. В качестве послетекстовых заданий студенты должны определить три типа условных предложений, вариативные конструкции, выражающие условия, представить варианты структур сослагательного наклонения, использованных в данном тексте, а также обсудить значения и формы их образования, ответив на вопрос: *Can you imagine what would you do if you could do all you can?*

4. *Обсуждение названия текста.* Студентам предлагается изучить название текста и предположить его содержание. Данное задание не только интересное, разряжает обстановку на занятии, но и является продуктивным, так как с его помощью можно тренировать и совершенствовать любое грамматическое явление. Примером может послужить текст «*She said you would pay*», грамматическое содержание которого – косвенная речь и согласование времен [3, с. 133]. Студентам будет сложно догадаться об основной теме беседы, поэтому преподавателю необходимо описать заранее предполагаемую коммуникативную ситуацию, в данном случае речь пойдет о ситуации в ресторане или кафе. Текст насыщен косвенной речью в различных вариантах: общие и специальные вопросы, предложения и побуждения. Основная задача студентов правильно передать различные коммуникативные предложения в косвенную речь, соблюдая согласования времен.

5. *Альтернативный финал.* Данное задание настраивает студентов на творческую волну, мотивируя раскрыть свой потенциал и придумать альтернативное окончание отрывка текста. В данном упражнении можно совершенствовать навыки употребления герундия и инфинитивных конструкций. Предложенный текст «*Hospital window*» представляет особый интерес, так как в нем заключается основная мораль человеческой жизни – любовь к ближнему. Студенты должны представить свое понимание конца истории, используя в своем высказывании конструкции: *make somebody do something, be allowed to, be used to, be blamed for doing, would do something* [5, с. 44–45].

6. *Ранжирование.* Задание направлено на развитие умений предоставлять свою оценку происходящему, логически аргументировать свою точку зрения, используя тренируемый грамматический материал. Так, например, можно использовать текст «*Alternative medicine*» для совершенствования навыков употребления конструкций в пассивном залоге. Используя в своих аргументах глагольные формы оценки *exist, admit, accept, remain* в пассивном залоге, а также конструкции *it's said, is used, have something done* [6].

Следует отметить, что использование аутентичных текстов при обучении коммуникативной грамматике дает студентам преимущества по сравнению с традиционными методами преподавания. Среди этих достоинств – возможность подлинного использования языка, лингвистический вклад, соответствие реальным языковым потребностям, а также повышенная мотивация и вовлеченность. В то время как традиционные материалы играют ценную роль в обеспечении структурированного введения грамматических конструкций, аутентичные материалы предоставляют обучаемым возможности развивать свои языковые навыки в аутентичных коммуникативных контекстах. Поэтому преподавателям следует стремиться интегрировать аутентичные тексты в свою практику преподавания, чтобы создать для своих студентов более значимый и эффективный опыт изучения языка.

Литература

1. Nunan, D. Teaching grammar in context / D. Nunan // *ELT Journal*. – 1998. – Vol. 52, № 2. – P. 101–109.
2. Vince, M. *Macmillan English grammar in context. Advanced* / M. Vince. – Macmillan publishers limited, 2008. – P. 9.
3. Карпилович, Т. П. Обучение грамматике английского языка в общении : пособ. для студ. высш. учебн. заведений, обуч. по спец. 1-23 01 02-05 «Лингвистическое обеспечение межкультурных коммуникаций (внешнеэкономические связи)» / Т. П. Карпилович. – Минск : МГЛУ, 2012. – 176 с.
4. Карпилович, Т. П. Коммуникативная грамматика английского языка : учеб. пособ. : в 2 ч. / Т. П. Карпилович. – Минск : МГЛУ, 2007. – Ч. 1. – С. 121.
5. FlipBuilder : *speakout upper-intermediate student's book* – Flip PDF [Electronic resource]. – Mode of access : <https://online.flipbuilder.com/rlsowa/jpsq/mobile/index.html#p=1>. – Date of access : 03.01.2024.
6. ISLcollective : *Alternative medicine* [Electronic resource]. – Mode of access : <https://en.islcollective.com/english-esl-worksheets/grammar-topic/verb-tenses/alternative-medicine/68405>. – Date of access : 03.01.2024.

Интерактивные технологии в обучении иностранному языку в вузе: дидактические стратегии и методы

Д.Б. АЯШЕВА¹, С.С. НУРКЕНОВА¹, А.В. САЖИНА²

В данной статье рассмотрены дидактические стратегии и методы обучения иностранным языкам с использованием интерактивных технологий. Исследование направлено на выявление дидактических стратегий и методов, способствующих эффективному использованию интерактивных технологий при обучении иностранным языкам. Интерактивные технологии, такие как виртуальные классы, онлайн-курсы и мобильные приложения, обеспечивают гибкое и индивидуализированное обучение, особенно в динамичной современной жизни. Цель статьи – выделить новые подходы и инновации в использовании интерактивных технологий при обучении иностранным языкам в ВУЗе.

Ключевые слова: интерактивные технологии, обучение иностранному языку, дидактические стратегии, методы обучения, виртуальные классы, онлайн-курсы, мобильные приложения, персонализированный подход, образовательная среда.

This article discusses didactic strategies and methods of teaching foreign languages using interactive technologies. The study is aimed at identifying didactic strategies and methods that promote the effective use of interactive technologies in teaching foreign languages. Interactive technologies such as virtual classrooms, online courses and mobile applications provide flexible and personalized learning, especially in today's fast-paced lives. The purpose of the article is to highlight new approaches and innovations in the use of interactive technologies in teaching foreign languages at universities.

Keywords: interactive technologies, foreign language education, didactic strategies, teaching methods, virtual classrooms, online courses, mobile applications, personalized approach, educational environment.

Введение. В современном образовании ключевую роль играет эффективное использование интерактивных технологий в процессе обучения иностранным языкам. Этот направленный взгляд на образовательный процесс позволяет соединить традиционные подходы с инновационными методами, создавая более гибкую и адаптированную среду для формирования языковых навыков и межкультурного взаимодействия. В данной статье мы нацелены на разбор дидактических стратегий и методов, связанных с использованием интерактивных технологий в обучении иностранному языку в ВУЗе.

Цель исследования заключается в выявлении оптимальных дидактических стратегий и методов, обеспечивающих эффективное использование интерактивных технологий в обучении иностранным языкам в ВУЗе. Для достижения этой цели ставятся следующие задачи:

1. Провести обзор традиционных и современных методов обучения иностранным языкам с акцентом на использование интерактивных технологий.
2. Проанализировать опыт применения интерактивных технологий с целью выявления успешных практик.
3. Исследовать возможности персонализированного обучения с использованием интерактивных технологий, а также определить критерии успешности такого подхода.

Объектом нашего исследования выступает образовательный процесс в области обучения иностранным языкам, а предметом исследования являются дидактические стратегии и методы, применяемые с использованием интерактивных технологий.

Практическая значимость нашего исследования заключается в том, что результаты могут быть использованы преподавателями иностранных языков для оптимизации образовательного процесса и повышения эффективности обучения иностранным языкам.

Теоретическая значимость данного исследования заключается в расширении научных знаний об обучении иностранным языкам с использованием интерактивных технологий. Результаты исследования могут служить основой для дальнейших теоретических разработок в области методологии обучения и внедрения современных технологий в образовательный процесс.

Дидактическая стратегия – это систематизированный подход к обучению, включающий выбор методов, техник и инструментов для достижения образовательных целей. Она направлена на эффективное обучение с учетом особенностей учащихся и контекста образовательного процесса.

В следующих разделах статьи мы более детально рассмотрим каждую из поставленных задач и представим результаты нашего анализа, нацеленные на достижение поставленной цели и решение актуальных проблем в обучении иностранным языкам с применением интерактивных технологий.

Основная часть. 1. Обзор существующих методов обучения иностранным языкам: от традиционных к инновационным (интерактивным). Традиционные методы обучения иностранным языкам включают в себя классические подходы, такие как грамматика-перевод, аудирование и чтение. Однако, с развитием образовательных технологий, эти методы стали недостаточными для полноценного освоения иностранного языка [1]. Они ориентированы на формальные правила и не всегда способствуют развитию коммуникативных навыков. По мнению исследователей, традиционные методы преподавания, в основном ориентированные на формальные правила и структуры языка, часто сталкиваются с ограничениями в создании атмосферы, способствующей активному вовлечению студентов [2, с. 28–29]. Итак, осознавая эти ограничения, преподаватели всё чаще обращают внимание на новые педагогические подходы, в частности, на перспективы, предоставляемые интерактивными методами обучения.

В отличие от традиционных методов, интерактивные подходы призваны создать динамичное образовательное окружение, где студенты могут более активно участвовать в процессе изучения иностранного языка [3]. В этом контексте важно осветить не только различия между этими методами, но и понять, как переход от традиционных подходов к интерактивным методам может обогатить образовательный опыт и обеспечить более эффективное освоение языка.

Интерактивные методы обучения представляют собой подход к образованию, основанный на использовании современных информационных технологий, целью которого является активное вовлечение студентов в обучающий процесс [4]. Рассмотрим основные компоненты интерактивных методов более подробно, учитывая возможность и их практического применения в обучении иностранному языку.

Виртуальные классы становятся важным компонентом обучения, предоставляя студентам возможность участвовать в уроках в онлайн-среде. В этом виртуальном пространстве они могут не только взаимодействовать с преподавателем и своими однокурсниками, но также получать непосредственную обратную связь, способствующую более глубокому усвоению учебного материала.

Онлайн-платформы являются еще одним важным элементом современного обучения языкам, предоставляя студентам цифровые ресурсы с разнообразными материалами и инструментами. Интерактивные уроки, видеоматериалы, тесты и форумы на этих платформах обогащают образовательный опыт, поддерживая самостоятельное изучение языка.

Мобильные приложения, ставшие неотъемлемой частью обучения, усиливают доступность процесса обучения. Благодаря разнообразию интерактивных упражнений, игр и аудио- и видеоматериалов, а также функций для отслеживания прогресса, эти приложения позволяют студентам учиться в любом месте и в любое время, обеспечивая удобство и эффективность в обучении иностранному языку.

Игровые технологии включают в себя использование игр и симуляций в обучении. Это включает в себя языковые игры, викторины и ролевые игры, которые не только делают процесс обучения увлекательным, но и стимулируют активное использование языка в различных контекстах. Сведем определения в таблицу 1 (по материалам исследователей Н.В. Солововой, Н.В. Суханкиной, Д.С. Дмитриевой, Д.С. Дмитриева [5]):

Таблица 1 – Основные компоненты интерактивных методов (в рамках обучения иностранному языку)

№	Компоненты	Описание
1	Виртуальные классы	Онлайн-платформы, обеспечивающие взаимодействие преподавателя и студентов в виртуальной среде, создавая возможность для обучения и обсуждения в режиме реального времени
2	Онлайн-платформы	Цифровые образовательные ресурсы, предоставляющие учебные материалы, задания, тесты и форумы для общения студентов и обучающихся в онлайн-формате
3	Мобильные приложения	Программы, разработанные для смартфонов и планшетов, предоставляющие доступ к обучающим материалам и интерактивным упражнениям в любом месте и в любое время
4	Игровые технологии	Использование игр и симуляций для обучения, включая языковые игры, викторины и ролевые игры, способствующие активному участию студентов в образовательном процессе

Интерактивные методы обучения акцентируют внимание на практическом применении языка. Студенты, используя виртуальные классы, онлайн-платформы, мобильные приложения и игровые технологии, могут учиться, взаимодействуя с языком в реальных сценариях, что способствует лучшему усвоению и удержанию знаний. Интерактивные методы обучения могут служить средством преодоления некоторых ограничений традиционных подходов. Вместо учебных материалов, ориентированных исключительно на формальные правила, студенты взаимодействуют с языком в контексте реальных сценариев, что способствует лучшему усвоению и практическому применению знаний.

Таким образом, интерактивные методы обучения, основанные на использовании современных технологий, предоставляют более динамичные и эффективные возможности. Виртуальные классы, онлайн-платформы, мобильные приложения и игровые технологии позволяют студентам взаимодействовать с языком в реальных сценариях. Эти методы акцентируют внимание на практическом применении языка, что способствует лучшему усвоению и удержанию знаний.

На сегодняшний день существует тренд к адаптации традиционных методов под интерактивные технологии. Например, традиционные упражнения на грамматику могут быть преобразованы в формат интерактивных онлайн-задач с визуальными и звуковыми элементами. Это позволяет сочетать лучшие аспекты традиционных методов с преимуществами современных технологий. Таким образом, интерактивные методы акцентируют внимание на практическом применении языка, что важно для развития коммуникативных навыков. Вместо того, чтобы просто запоминать слова и правила, студенты вовлекаются в диалоги, решают задачи и применяют знания в живых обстоятельствах, что способствует лучшему усвоению и удержанию информации.

2. Внедрение интерактивных технологий в образовательный процесс: преимущества и вызовы. Множество высших учебных заведений активно внедряет интерактивные технологии в обучение иностранным языкам, что обеспечивает эффективное и привлекательное обучение. Рассмотрим несколько конкретных примеров успешной реализации.

Одним из ярких примеров является использование виртуальных классов в онлайн-образовании. Например, платформы Zoom и Microsoft Teams предоставляют возможность создания виртуальных аудиторий, где преподаватель и студенты могут взаимодействовать в режиме реального времени. Такие классы обеспечивают студентам возможность погружения в языковую среду, не выходя из дома, создавая атмосферу общения и обмена опытом [6].

Некоторые образовательные учреждения успешно интегрируют в свой процесс обучения мобильные приложения, например, Duolingo или Babbel [7]. Эти приложения предлагают интерактивные уроки, включающие игровые элементы, аудио- и видеоматериалы, что делает процесс изучения более захватывающим и поддерживает студентов в повседневной практике языка.

Некоторые учебные заведения активно используют онлайн-платформы, такие как Coursera или edX, для предоставления курсов по изучению иностранных языков. Эти платформы предлагают не только видеолекции и учебные материалы, но и интерактивные задания, обратную связь от преподавателей и форумы для общения и обмена опытом [8].

Обзор успешных реализаций интерактивных технологий в обучении иностранным языкам подчеркивает значительные преимущества этого подхода. Однако вместе с положительными результатами необходимо рассмотреть и вызовы, с которыми сталкиваются образовательные учреждения в процессе внедрения этих технологий.

В успешных примерах использования интерактивных технологий видно, что они эффективно повышают мотивацию студентов. Возможность активного взаимодействия с материалом, использование геймификации и интерактивных заданий создают стимул для продолжения обучения.

Онлайн-платформы и мобильные приложения успешно улучшают доступность обучения. Это особенно важно для тех, кто сталкивается с ограничениями в посещении традиционных учебных заведений. Однако вызовом является необходимость обеспечить доступ к стабильному интернет-соединению.

Интерактивные методы позволяют индивидуализировать процесс обучения. В успешных реализациях видно, что адаптация программ под уровень каждого студента и предоставление персонализированных заданий способствует более эффективному усвоению материала.

Необходимо отметить, что успешные реализации интерактивных технологий внедряются с целью достижения конкретных преимуществ. В частности, создание виртуальных классов, использование мобильных приложений и онлайн-платформ направлены на улучшение доступности, повышение мотивации и индивидуализацию обучения. Тем не менее, в этом контексте необходимо также рассмотреть вызовы, такие как стабильность интернет-соединения и необходимость разработки качественных образовательных контентов, которые могут влиять на успешность внедрения этих технологий. В частности, одним из основных вызовов является зависимость от стабильного интернет-соединения. Для эффективного использования интерактивных технологий необходимо обеспечить надежный доступ к сети, что может быть проблемой в некоторых регионах или для студентов с ограниченным интернет-ресурсом. Еще одним вызовом является необходимость постоянного совершенствования образовательных материалов. Создание качественных и интерактивных контентов требует времени и ресурсов, а также постоянного обновления, чтобы соответствовать современным требованиям обучения.

Вместе с тем, несмотря на вызовы, успешные примеры внедрения интерактивных технологий в обучение иностранным языкам подчеркивают их значимость и потенциал для современного образования.

3. Рекомендации для практической реализации. На основе проведенного анализа литературы, содержащего результаты успешных опытов внедрения интерактивных технологий в процесс обучения иностранным языкам в ЕНУ им. Гумилева и личных наблюдений представляется целесообразным следовать нескольким лучшим практикам для эффективной реализации данного подхода.

Например, можно выделить следующие **дидактические стратегии**.

Использование разнообразных медиа-ресурсов. Интеграция разнообразных медиа-ресурсов, таких как видео, аудио, изображения и интерактивные графики, может существенно обогатить образовательный процесс. Рекомендуется создавать уроки, включающие мультимедийные элементы, чтобы студенты могли воспринимать иностранный язык в различных контекстах и форматах.

Пример: Создание видеоролика на тему «Мой родной город», в котором реальные носители языка демонстрируют разговорные обороты, повседневные ситуации или культурные аспекты, что поможет студентам погрузиться в языковую среду.

Создание интерактивных задач. Разработка интерактивных задач способствует активному участию студентов в обучении. Задания могут включать в себя викторины, ролевые игры, виртуальные кейсы и даже онлайн-проекты. Важно, чтобы эти задачи были задуманы так, чтобы студенты применяли знания в практических сценариях, обогащая свой языковой опыт.

Пример: Создание интерактивной онлайн-игры «Посещение музея», где студенты могут взаимодействовать на иностранном языке, обсуждать тему искусства и принимать коллективные решения, что способствует развитию коммуникативных навыков.

Поощрение общения на иностранном языке в виртуальной среде. Стимулирование общения на иностранном языке в виртуальной среде является ключевым элементом успешной реализации интерактивных методов. Форумы, обсуждения, чаты и виртуальные групповые проекты создают условия для практики языка в реальных сценариях.

Пример: Организация виртуальных дискуссий по актуальным темам, где студенты могут высказывать свои мнения и аргументировать их на иностранном языке, способствует развитию навыков выражения мыслей и общения.

Необходимо отметить, что важным этапом в успешной реализации дидактических стратегий является обучение преподавателей и предоставление им необходимых ресурсов для эффективного использования новых методик.

Одним из подобных и действенных решений может стать – **организация обучающих семинаров и вебинаров**. Проведение обучающих мероприятий, нацеленных на ознакомление преподавателей с принципами и методами использования интерактивных технологий, способствует их более успешной интеграции в образовательный процесс.

Пример: Проведение вебинара «Вопрос создания интерактивного урока», посвященного созданию интерактивных уроков с использованием онлайн-платформ, где преподаватели могут обмениваться опытом и получать рекомендации от экспертов.

Второе решение – **разработка ресурсов для создания интерактивных уроков**. Создание специализированных ресурсов и методических материалов, включающих примеры интерактивных уроков, шаблоны и рекомендации по использованию технологий, облегчит задачу преподавателям при подготовке курсов и уроков.

Пример: Создание онлайн-платформы с библиотекой готовых интерактивных уроков, которые могут быть адаптированы под конкретные потребности и уровень студентов.

И, наконец, весьма важный аспект – это **постоянная поддержка и обновление навыков**. ВУЗам следует предоставлять постоянную поддержку и ресурсы для преподавателей, чтобы они могли эффективно применять интерактивные методы в своей практике. Это включает в себя регулярные тренинги, обновление методического материала и доступ к сообществам практиков для обмена опытом.

Пример: Создание онлайн-форума, где преподаватели могут задавать вопросы, обмениваться опытом и обсуждать новые тенденции в области интерактивного обучения.

Эти рекомендации и примеры призваны не только подчеркнуть важность правильного подхода к использованию интерактивных технологий, но и обеспечить успешную их реализацию в образовательном процессе.

Итак, в основной части статьи мы рассмотрели обзор существующих методов обучения иностранным языкам, проанализировали практический опыт внедрения интерактивных технологий и предложили рекомендации для практической реализации.

Заключение. В данной статье была рассмотрена важность и актуальность использования интерактивных технологий в обучении иностранному языку. Анализируя традиционные методы преподавания и противопоставляя их новым, инновационным подходам, мы выявили преимущества, вызовы и перспективы, которые сопутствуют этому обновлению в образовательной сфере.

Нужно отметить, что интерактивные технологии, такие как виртуальные классы, мобильные приложения и онлайн-платформы, предоставляют уникальные возможности для студентов взаимодействовать с языком в реальных сценариях. Они акцентируют внимание на практическом применении знаний, что способствует более глубокому усвоению и удержанию языковых навыков.

Однако внедрение интерактивных технологий также сталкивается с вызовами, такими как необходимость обеспечения стабильного интернет-соединения и разработка качественных образовательных контентов. Эти аспекты требуют внимательного рассмотрения и разработки стратегий для их преодоления.

Предложенные дидактические стратегии и методы для обучения иностранным языкам с использованием интерактивных технологий включают в себя разнообразие подходов. Это включает в себя интеграцию медиа-ресурсов, создание интерактивных задач, поощрение общения на иностранном языке в виртуальной среде, а также обучение и поддержку преподавателей. Практические примеры, такие как создание видеороликов, интерактивных игр и виртуальных дискуссий, подчеркивают важность применения этих методов для обогащения языкового опыта студентов. Регулярная поддержка преподавателей и доступ к ресурсам для создания интерактивных уроков также считаются ключевыми элементами успешной интеграции интерактивных технологий в образовательный процесс.

Таким образом, эффективное использование интерактивных технологий в обучении иностранному языку требует не только технической оснащенности, но и качественной подготовки преподавателей, разработки креативных учебных материалов и поддержки со стороны образовательных учреждений. Современная образовательная парадигма в области изучения языков вносит инновации, которые могут эффективно поддерживать и стимулировать интерес студентов к учебному процессу. Открытие новых горизонтов в обучении языку становится ключевым элементом развития образования в условиях быстро меняющегося мира.

Литература

1. Самарская, С. В. Теоретические основы методики преподавания иностранных языков : обзорные лекции и практика / С. В. Самарская, Д. Я. Гордиенко. – Ростов-на-Дону : Издательско-полиграфический комплекс РГЭУ (РИНХ), 2022. – 108 с.

2. Смирнова, А. Ю. Исследование традиционных методов обучения для изучения формальных языков / А. Ю. Смирнова // Молодой ученый. – 2020. – № 17 (307). – С. 28–29.
3. Ефимов, П. П. Интерактивные методы обучения – основа инновационных педагогических технологий / П. П. Ефимов, И. О. Ефимова // Инновационные педагогические технологии : материалы I Междунар. науч. конф., Казань, октябрь 2014 г. – Казань : Бук, 2014. – С. 286–290.
4. Толпыгина, Ю. А. Использование интерактивных технологий в образовательном процессе / Ю. А. Толпыгина // Педагогическое мастерство : материалы I Междунар. науч. конф., Москва, апрель 2012 г. – М. : Буки-Веди, 2012. – С. 300–301.
5. Цифровая педагогика : технологии и методы : учеб. пособ. / Н. В. Соловова, Н. В. Суханкина, Д. С. Дмитриева, Д. С. Дмитриев. – Самара, 2020. – 128 с.
6. Кариева, Д. Э. Возможности использования образовательной платформы Zoom для обучения иностранным языкам / Д. Э. Кариева // Педагогическое мастерство : материалы XLII Междунар. науч. конф., Казань, январь 2023 г. – Казань : Молодой ученый, 2023. – С. 61–66.
7. Урбаева, А. П. Обзор мобильных приложений для изучения немецкого языка / А. П. Урбаева // Молодой ученый. – 2016. – № 9 (113). – С. 1299–1301.
8. Чан, Хоанг Хиеу. Развитие массовых открытых онлайн-курсов в современном образовании Вьетнама / Хоанг Хиеу Чан, Ле Хонг Занг Динь // Молодой ученый. – 2020. – № 11 (301). – С. 195–197.

¹Евразийский национальный
университет имени Л.Н. Гумилева

²Гомельский государственный
университет имени Франциска Скорины

Поступила в редакцию 19.10.2023

Приведение системы общего среднего образования в Туркменистане в соответствие с мировыми стандартами

Н.А. БАБИШОВ

В статье рассматривается развитие системы среднего образования в Туркменистане, концепция перехода от 9-летнего общего среднего образования к 12-летнему общему среднему образованию, адаптация системы общего среднего образования страны к международным стандартам, проводимая в этом направлении работа, а также описаны функции, структура и положительные результаты реформы образования.

Ключевые слова: реформа системы общего среднего образования, концепция образования.

The article describes the development of the secondary education system in Turkmenistan, the transition from 9-year general secondary education to 12-year general secondary education and its reasons, adaptation of the country's general secondary education system to international standards, and the work being carried out. For its reform, as well as the 12-year general education adopted in 2013, the functions, structure and positive results of the education concept are described.

Keywords: reform of the general secondary education system, education concept.

*Образование – одна из основ нашего счастливого будущего,
гармоничного развития общества и государства.*

*Президент Туркменистана
Сердар Бердымухамедов*

Наука и образование – это источник, корень и ключ всей жизни. Любая развитая страна прежде всего добивается повышения уровня образованности в стране, развивает и реформирует систему образования. В результате обеспечивается качество жизни граждан. То же происходит и в Туркменистане. В нашей независимой стране особое внимание уделяется развитию и постоянному совершенствованию образовательной отрасли, которая является одной из главных опор стабильности, экономической и политической независимости, устойчивого развития любой страны.

В этой статье мы попытаемся написать о развитии системы науки и образования в Туркменистане, особенно – системы среднего образования, адаптации этой системы к международным стандартам, а также о направлениях ее реформирования.

В эру Возрождения новой эпохи могущественного государства неустанные усилия уважаемого Президента Туркменистана Сердара Бердымухамедова направлены на развитие системы образования в нашей стране посредством инноваций точно так же, как и в самых развитых странах мира. Это обусловлено тем, что во всем мире суть всех реформ, происходящих в стране, зависит от реформ, происходящих в системе науки и образования. Без развитой системы образования нельзя построить сильное государство. В связи с этим национальный лидер туркменского народа также уделяет этому вопросу особое внимание, говоря: «В сильном государстве наука занимает ключевое место, поэтому мы должны идти в ногу с новейшими достижениями науки» [1, с. 142].

С этой точки зрения все образовательные центры нашей страны соответствуют образовательным стандартам наиболее развитых стран мира. В частности, продолжительность обучения в средних школах увеличена до 11–12 лет. Потому что примерно в 130 странах мира срок получения образования составляет 11–12 лет. Так в США, самой развитой стране мира, общее среднее образование составляет 12 лет. В других развитых странах мира, таких как Япония, Англия, Франция, Германия, общее среднее образование составляет те же 12 лет. Увеличение срока получения среднего образования производилось в рамках образовательной реформы в соответствии с Указом № 6291 «О совершенствовании системы образования в Туркменистане», подписанным Президентом Туркменистана Гурбангулы Бердымухамедовым 1 марта 2013 г.

В соответствии с данным Указом в целях дальнейшего совершенствования работы общеобразовательных школ и обеспечения качества предоставляемого в них образования на уровне мировых стандартов были произведены следующие реформы:

- подготовка концепции перехода на двенадцатилетнее общее среднее образование в Туркменистане;
- подготовка основной учебной программы, связанной с переходом на двенадцатилетнее среднее образование в школах, дающих общее среднее образование;
- в соответствии с основными учебными планами утверждены соответствующие программы обучения, проведена подготовка учебников и учебных пособий;
- разработана система перехода учащихся, принятых в среднюю школу в 2004–2005, 2012–2013 учебных годах, а также учащихся, принятых в среднюю школу с 7 лет в 2013–2014 учебном году на программу двенадцатилетнего образования, которую они будут осваивать в течение 11 лет [2, с. 1].

В Концепции двенадцатилетнего образования подробно объясняется необходимость перехода на 12-летнее обучение. Президент Туркменистана в своем программном выступлении на Совете Старейшин, состоявшемся 23 октября 2012 г., призвал работников системы образования воспитывать образованных, патриотичных, преданных народу, широко мыслящих, энергичных, целеустремленных людей. Ориентированная в будущее трудолюбивая современная молодежь должна ставить перед собой цели достижения более высоких результатов. С этой целью необходимо подготовить специалистов, владеющих инновационными технологиями, способных сформировать конкурентоспособную личность. При этом, учитывая предстоящие задачи по внедрению инноваций в систему образования, Президент республики предложил рассмотреть вопрос об обогащении содержания образования в общеобразовательных школах и продлении его продолжительности до 12 лет [2, с. 3].

Ранее, согласно образовательной политике, принятой в 1993 г., общее среднее образование в Туркменистане составляло 9 лет. Согласно ему, ребенок должен был освоить учебный материал общего среднего образования в течение 9 лет. Здесь следует отметить, что это не соответствует международной практике и стандартам. Как мы уже упоминали выше, в настоящее время примерно в 130 странах мира общее среднее образование составляет 11–12 лет. По мнению ведущих ученых-педагогов, 9 лет недостаточно для овладения всеми знаниями, умениями и навыками, которые относятся к общему среднему образованию. Возникли трудности и в планировании и адаптации содержания программ общего среднего образования к 9-летнему плану, а также в реализации программы 9-летнего общего среднего образования. С точки зрения физиологической, интеллектуальной и эмоциональной зрелости учащихся 9-летнее образование также не соответствовало международным стандартам.

В связи с этим в целях дальнейшего совершенствования системы образования страны изучается передовой опыт образовательных центров развитых стран и внедряется в образовательных центрах Туркменистана в соответствии с нашими национальными особенностями. Это необходимо, чтобы идти в ногу с мировой системой образования. Таким образом, обеспечивается соответствие образовательной системы нашей страны образовательной системе наиболее развитых стран мира.

Основным источником образования в любой стране являются средние школы. Именно поэтому остро стоит проблема внедрения передового опыта работы общеобразовательных школ наиболее развитых стран мира, их педагогических инноваций, передовых педагогических технологий в образование и подготовку средних школ Туркменистана, обеспечение в них национального и общечеловеческого компонентов. Как подчеркивал в каждом выступлении уважаемый Президент, Туркменистан должен идти в ногу с наиболее развитыми странами мира по всем направлениям развития. Реформы должны основываться на последних достижениях науки и техники – инновациях. Именно поэтому образовательная система Туркменистана должна развиваться на одном уровне с образовательной системой мира.

Задачи, поставленные в принятой в марте 2013 г. 12-летней Концепции образования Туркменистана, заключались в следующем:

- раскрытие содержания, цели, проблем, структуры и особенностей организации воспитательной работы в двенадцатилетней общей средней школе;
- подготовка финансово-экономической базы для перехода на двенадцатилетнее среднее образование;
- определение ожидаемых результатов перехода на двенадцатилетнюю программу обучения [2, с. 3–4].

Уважаемый Президент сказал: «Мы рассматриваем молодежь как строителей будущего нашей дорогой Родины. Для достижения важных целей мы рассчитываем на молодое поколение нашей страны», – говорит Президент [3, с. 3]. Соответственно, чтобы наши будущие строители были осведомлены о новейших достижениях образования, были духовно здоровыми, политически устойчивыми, физически сильными, нравственно более совершенными, профессионально подготовленными, все учебные заведения Туркменистана, особенно общеобразовательные школы, должны соответствовать международным образовательным стандартам. Как мы уже говорили выше, главным образовательным центром системы образования любой страны является средняя школа. Каждый обязан посещать общеобразовательную школу, что является конституционной обязанностью каждого гражданина. Среднее образование также является местом, где большинство людей учатся на протяжении всей своей жизни. Именно поэтому среднее образование должно быть на высоком уровне – на уровне мировых стандартов.

Таким образом, в результате проведенной работы по совершенствованию системы образования в стране структура средней школы, дающей общее образование согласно принятой в 2013 г. концепции 12-летнего образования, выглядит следующим образом:

1. **Начальное образование** (1–4 классы) – продолжительность обучения 4 года (с 6 лет).
2. **Основное среднее образование** (5–10 классы) – продолжительность обучения 6 лет.
3. **Общее среднее образование** (11–12 классы) – продолжительность обучения 2 года.

Каждый из этих периодов подробно описан в Концепции 12-летнего образования: «В соответствии с возрастными особенностями ребенка 6–10 лет формируются общеучебные умения и навыки, желание развивать способность к самостоятельному обучению. У детей 10–16 лет активно развиваются нравственные качества, умение выражать и объяснять собственные мысли, появляется стремление освоить профессию, чувство ответственности перед законом, прививаются основы воспитания. Подростки 16–18 лет должны иметь широкий кругозор, уметь планировать свое будущее, искать пути достижения своих целей» [2, с. 10–11].

В соответствии с этой Концепцией также были внесены положительные изменения в нагрузку учителей общеобразовательных средних школ. Недельная нагрузка учителей сократилась с 30 до 24 часов. Были восстановлены и введены уроки физкультуры с 1 по 11–12 классы.

Приведение общеобразовательных учреждений к мировым стандартам не ограничилось продлением периода среднего образования. Одна из главных задач образовательных реформ – адаптация образовательного процесса высших учебных заведений к мировому опыту и ведущим принципам. В этой связи принципиальные новации внесены в учебные программы всех типов государственных образовательных учреждений, действующих в стране. Например, в соответствии с опытом развитых стран мира в средних школах внедрена электоральная подготовка, которая является одной из важных форм воспитательной работы. Используя современные и высокоэффективные методы обучения, интерактивные, активные методы, элективные курсы, учебные заведения открывают перед учащимися широкие возможности для продолжения обучения на протяжении всей жизни, формирования и развития важных качеств личности. Включение факультативов в учебную программу средней школы позволяет эффективно учесть интересы, мотивацию и особенности учащихся. Курсы по выбору направлены на повышение интереса учащихся к изучаемым предметам, углубление и расширение общих знаний.

На основании указаний Президента в рамках концепции перехода к 12-летнему общему среднему образованию в учебной программе 5–11 (12) классов предусмотрен специальный раздел под названием «Элективные курсы», который включает в себя специальные курсы, проектную и творческую работу. Каждый из курсов имеет четко определенные цели и задачи.

Виды и содержание элективных курсов:

1. Курсы повышения квалификации: в соответствии с содержанием учебной программы, утвержденной Министерством образования, данные курсы предполагают обучение на основе учебной программы, углубляющей выбранные учащимися предметы.

2. Проектная работа направлена на формирование умений учащихся работать научно-исследовательским методом. Проектная работа, являясь развивающим методом обучения, предполагает формирование и развитие у учащихся способностей и навыков планирования, выбора методов, сбора и обработки данных, проведения экспериментов, критического мышления в области филологии, науки, техники, естествознания и социальных наук.

3. Творческая работа призвана сформировать и развить творческую активность учащихся: этот курс направлен на выявление, развитие и поддержку талантов и творческого потенциала студентов во всех областях обучения, указанных в учебной программе.

Непрерывное обучение иностранным языкам и развитие системы цифрового образования входят в число реформ, проводимых с целью приведения работы общеобразовательных школ страны к мировым стандартам. Дарение ноутбука каждому первокласснику в стране ещё больше способствовало работе образовательных учреждений на уровне мировых образовательных стандартов. Утвержденная Указом Президента Туркменистана «Концепция развития системы цифрового образования в Туркменистане» является нормативным документом в этой сфере, целью которого является обеспечение соответствия образования мировому уровню.

Преподавание иностранных языков улучшилось с переходом на 12-летнее обучение в средних школах. Сегодня изучение иностранных языков начинается с 1 класса и продолжается до окончания образовательного процесса. Это важно для обеспечения непрерывности изучения языка, достижения идеального и основательного изучения иностранных языков учащимися. Кроме того, увеличилось и количество иностранных языков, преподаваемых в школах нашей страны. Это английский, русский, китайский, японский и французский языки. Данный факт играет важную роль в образовании туркменской молодежи и позволяет им получать образование мирового уровня.

Вышеизложенное является ярким доказательством того, что в независимом Туркменистане система образования, являющаяся залогом развития каждого государства, постоянно совершенствуется, в стране прилагаются все усилия для постепенного приведения национального образования в соответствие с ведущими образовательными системами наиболее развитых стран мира.

Литература

1. Berdimuhamedow, G. Garaşsyzlyga guwanmak, watany, halky söýmek bagtdyr / G. Berdimuhamedow. – Aşgabat, 2011. – 144 p.
2. Сборник выступлений Президента Туркменистана и постановлений Правительства Туркменистана. – Ашхабад, 2013. – Вып. 3. – 245 с.
3. Бердымухамедов, С. Молодежь – опора Родины / С. Бердымухамедов. – Ашхабад : ТГИС, 2023. – 288 с.
4. Халджанов, Ш. Педагогика независимости / Ш. Халджанов. – Ашхабад : Рух, 1995. – 156 с.

Туркменский государственный педагогический институт имени Сейитназара Сейди, Туркменабат

Поступила в редакцию 03.07.2024

Влияние системы Табата на физическую подготовленность учащихся 10–11 классов

О.С. ДАНИЛЕНКО, О.В. ТОЗИК

В представленной статье рассматриваются вопросы повышения уровня физической подготовленности старшеклассников средствами оздоровительной физической культуры. Проведен анализ физической подготовленности учащихся старших классов, занимающихся и не занимающихся спортом. Экспериментально доказана эффективность методики повышения уровня физической подготовленности учащихся старших классов с использованием системы Табата.

Ключевые слова: физическая подготовленность, школьники, физическое воспитание, система Табата, здоровье, урок.

The presented article deals with the issues of improving the level of physical fitness of high school students by means of recreational physical culture. The analysis of physical fitness of high school students engaged and not engaged in sports is carried out. The effectiveness of the methodology of increasing the level of physical fitness of high school students using the Tabata system has been experimentally proved.

Keywords: physical fitness, schoolchildren, physical education, Tabata system, health, lesson.

Введение. На текущий момент, в системе физического воспитания школьников общеобразовательных школ отмечается противоречивая ситуация: при абсолютном признании личностной и социальной значимости здоровья, полноценного физического развития и уровня физической подготовленности все эти параметры экспонируют тенденцию к ухудшению от каждого нового поколения к последующему [1], [2].

Тем временем в системе социальных ценностей здоровье человека занимает значимое место, поэтому сохранение и укрепление здоровья подрастающего поколения служит крайне важным условием не только его будущего высокого уровня физического и психического здоровья, но и его трудоспособности и активности.

Повышенную тревогу у специалистов вызывает ухудшение здоровья детей и подростков. Согласно имеющимся данным, уже половина из них имеет хронические заболевания, а недостаток двигательной активности провоцирует возникновение у них болезней сердечно-сосудистой и костно-мышечной систем. Одновременно с этим большое количество детей школьного возраста сегодня полностью освобождены от занятий физическими упражнениями по причине наличия у них заболеваний и противопоказаний. Помимо этого, в последние годы врачи имеют дело с проблемой гипотрофии юношей призывного возраста, обусловленное широким распространением гиподинамии среди школьников, что отражается на комплектовании Вооруженных сил должным контингентом [3], [4].

Несомненно, во многом наличие данных проблем вызвано падением интереса школьников, и преимущественно учащихся старших классов, к урокам физической культуры и школьным физкультурно-оздоровительным мероприятиям, что не позволяет обеспечивать физическое совершенствование, формирование умений применения полученных двигательных навыков в повседневной жизни [5], [6]. Бесспорно, что формирование у школьников положительной мотивации к физической активности может являться одним из главных условий, непосредственно оказывающих воздействие на продуктивность учебного процесса.

В связи с вышеизложенным целью нашего исследования явилась разработка и экспериментальное обоснование методики повышения уровня физической подготовленности учащихся старших классов с использованием системы Табата.

Для достижения поставленной цели предусматривалось решение следующих задач:

1. Изучить особенности физического воспитания учащихся старших классов учреждений общего среднего образования.

2. Провести анализ физической подготовленности учащихся 11 классов.

3. Экспериментально обосновать эффективность применения системы Табата как средства повышения уровня физической подготовленности учащихся старших классов.

Результаты исследования и их обсуждение. Исследование проводилось с сентября 2022 по май 2023 г. на базе «Средней школы № 38 г. Гомеля».

Организация исследования предусматривала следующую последовательность:

1. На предварительном этапе были изучены данные научно-методической литературы об анатомо-физиологических особенностях учащихся старших классов и особенностях физического воспитания данной возрастной группы, а также рассмотрены вопросы применения средств оздоровительной физической культуры в физическом воспитании старшеклассников.

2. На втором этапе нами были изучены особенности физической подготовленности учащихся старших классов. На данном этапе в сентябре 2022 г. на базе школы № 38 г. Гомеля было проведено тестирование занимающихся по тестам, рекомендованным учебной программой по учебному предмету «Физическая культура и здоровье» для XI класса учреждений образования, реализующих образовательные программы общего среднего образования с русским языком обучения и воспитания (базовый уровень). Полученные результаты обрабатывались методами математической статистики и сравнивались с нормативами, рекомендованными для оценки уровня физической подготовленности учащихся школ общего среднего образования Республики Беларусь.

3. Основной педагогический эксперимент проводился с целью обоснования эффективности влияния системы Табата на физическую подготовленность учащихся старших классов. Для этого в 2022–2023 гг. на базе средней школы № 38 была реализована экспериментальная программа занятий по системе Табата на уроках физической культуры и здоровья. В исследовании приняло участие 39 учащихся 11 классов (юноши), разделенных на 3 группы: учащиеся спортивного класса (14 человек, среди которых 9 занимаются плаванием и 5 – борьбой), учащиеся экспериментальной группы (13 человек) и учащиеся контрольной группы (12 человек).

Программа урочных занятий по системе Табата была составлена на учебные занятия в количестве 70 часов. Урок по системе Табата проводился 2 раза в неделю. Упражнения, входящие в содержание программы занятий, предусматривали базовый уровень.

Система Табата была внедрена в «Час здоровья и спорта» и в один урок физической культуры и здоровья. Всего на систему Табата отводилось 20 мин в основной части урока.

Урок физической культуры и здоровья включал 3 части: подготовительную, основную и заключительную. В начале занятия происходило типовое построение, проверка готовности учащихся к занятию, рапорт и сообщение задач урока. После этого выполнялась разминка в ходьбе, разминочный бег и специально-беговые упражнения, заканчивающиеся общеразвивающими упражнениями на месте. На подготовительную часть в среднем отводилось 10–15 мин. По окончании подготовительной части урока начиналась основная часть, в которую и была внедрена система Табата, выполнявшаяся в среднем 20–25 мин. В заключительной части урока проводилась дыхательная гимнастика, спортивные и подвижные игры, упражнения на расслабление.

Классический протокол Табата включает восемь серий интенсивных нагрузок, которые сменяются непродолжительными интервалами отдыха. Задания выполняются по следующей комбинации: 20 секунд – фаза работы + 10 секунд – фаза отдыха. Благодаря интервальной работе, занимаясь по системе Табата, можно адаптировать каждого учащегося с различными исходными данными их физического состояния.

Следует понимать, что в классическом варианте нельзя было рекомендовать данную систему школьникам с невысоким уровнем физической подготовленности. Поэтому нами был реадaptирован протокол «Табата» в соответствии с учетом уровня физической подготовленности старшеклассников. Структура реадaptированного протокола «Табата» складывалась из 3–4 раундов по 4 мин, плюс 60 секунд отдыха между ними. Раунд включал 4 цикла, где каждый состоял из 30 секунд интенсивной нагрузки и 30 секунд отдыха. Общая продолжительность тренировки с предложенным протоколом времени составляла от 15 до 20 мин.

Применение упражнений системы Табата на уроках физической культуры и здоровья учащихся 11 классов позволило повысить уровень физической подготовленности старшеклассников. Результаты, полученные в ходе педагогического эксперимента, приведены в таблице 1.

Как видно из представленных данных, наилучшие показатели отмечены у учащихся спортивного класса. Занятия спортом, проводимые по программам специализированных учебно-спортивных учреждений под руководством тренеров-специалистов, позволяют достигать высокого уровня физической подготовленности и совершенствовать его в ходе обучения в учреждениях общего среднего образования.

Так, средний результат в беге на 30 м у учащихся спортивного класса в начале учебного года составлял $4,45 \pm 0,08$ с, средний балл – $7,50 \pm 0,76$. По окончании 11 класса средний результат составил $4,44 \pm 0,06$ с при среднем балле $7,64 \pm 0,63$. При этом данный прирост не имел статистической достоверности при $t = 1,47$ и $t = 1,59$ для результата и балла соответственно, $p > 0,05$.

Более значимый прирост отмечен в показателе теста «Челночный бег 4×9 м», где среднегрупповой результат улучшился с $8,99 \pm 0,13$ с до $8,95 \pm 0,11$ с при достоверности различий $t = 2,69$, $p < 0,05$. В баллах установлен прирост с $7,14 \pm 1,16$ до $7,50 \pm 1,09$ балла, достоверность различий составила $t = 2,48$, $p < 0,05$.

По результатам теста «Прыжок в длину с места» результат улучшился с $240,14 \pm 4,67$ см до $242,79 \pm 4,77$ см (при $t = 2,83$, $p < 0,05$), при этом среднегрупповой прирост в баллах зафиксирован с $7,43 \pm 0,85$ до $7,89 \pm 0,91$.

Таблица 1 – Динамика показателей физической подготовленности учащихся старших классов в ходе педагогического эксперимента

Тесты	Исходные		Конечные		Достоверность различий, t / p	
	Результат	Балл	Результат	Балл	Результат	Балл
<i>Спортивный класс</i>						
Бег 30 м, с	$4,45 \pm 0,08$	$7,50 \pm 0,76$	$4,44 \pm 0,06$	$7,64 \pm 0,63$	$1,47 / >0,05$	$1,59 / >0,05$
Челночный бег 4×9 м, с	$8,99 \pm 0,13$	$7,14 \pm 1,16$	$8,95 \pm 0,11$	$7,50 \pm 1,09$	$2,69 / <0,05$	$2,48 / <0,05$
Прыжок в длину с места, см	$240,14 \pm 4,67$	$7,43 \pm 0,85$	$242,79 \pm 4,77$	$7,89 \pm 0,91$	$2,83 / <0,05$	$2,68 / <0,05$
Подтягивание на перекладине, раз	$12,36 \pm 1,15$	$7,29 \pm 0,99$	$12,78 \pm 1,36$	$7,67 \pm 1,01$	$2,12 / >0,05$	$2,08 / >0,05$
Наклон вперед, см	$12,64 \pm 3,61$	$7,07 \pm 1,68$	$13,21 \pm 3,40$	$7,43 \pm 1,45$	$2,85 / <0,05$	$2,69 / <0,05$
Бег 1500 м, мин, с	$6,03 \pm 9,88$	$6,64 \pm 1,01$	$6,01 \pm 8,32$	$6,93 \pm 0,83$	$2,96 / <0,05$	$2,28 / <0,05$
<i>Экспериментальный класс</i>						
Бег 30 м, с	$4,67 \pm 0,10$	$5,54 \pm 0,66$	$4,59 \pm 0,12$	$6,23 \pm 0,73$	$4,63 / <0,001$	$5,19 / <0,001$
Челночный бег 4×9 м, с	$9,36 \pm 0,15$	$4,69 \pm 0,75$	$9,22 \pm 0,12$	$5,31 \pm 0,63$	$4,18 / <0,01$	$4,38 / <0,001$
Прыжок в длину с места, см	$223,92 \pm 6,63$	$5,23 \pm 0,59$	$229,39 \pm 6,38$	$5,92 \pm 0,75$	$4,06 / <0,01$	$5,20 / <0,001$
Подтягивание на перекладине, раз	$8,00 \pm 1,58$	$4,92 \pm 0,64$	$9,69 \pm 1,35$	$5,62 \pm 0,65$	$4,53 / <0,001$	$5,19 / <0,001$
Наклон вперед, см	$5,77 \pm 3,03$	$4,85 \pm 0,89$	$8,23 \pm 2,45$	$5,54 \pm 0,66$	$3,18 / <0,01$	$3,32 / <0,01$
Бег 1500 м, мин, с	$6,35 \pm 9,53$	$4,54 \pm 0,52$	$6,33 \pm 10,05$	$4,92 \pm 0,49$	$2,50 / <0,05$	$2,74 / <0,05$
<i>Контрольный класс</i>						
Бег 30 м, с	$5,95 \pm 0,14$	$4,83 \pm 0,58$	$5,53 \pm 0,18$	$5,08 \pm 0,67$	$1,07 / >0,05$	$1,94 / >0,05$
Челночный бег 4×9 м, с	$9,41 \pm 0,10$	$4,42 \pm 0,51$	$9,37 \pm 0,09$	$4,67 \pm 0,49$	$1,90 / >0,05$	$1,95 / >0,05$
Прыжок в длину с места, см	$220,67 \pm 6,59$	$4,75 \pm 0,62$	$221,08 \pm 6,63$	$5,00 \pm 0,73$	$1,89 / >0,05$	$1,97 / >0,05$
Подтягивание на перекладине, раз	$7,25 \pm 1,54$	$4,58 \pm 0,67$	$7,75 \pm 1,33$	$4,83 \pm 0,58$	$1,95 / >0,05$	$1,93 / >0,05$
Наклон вперед, см	$4,08 \pm 2,84$	$4,33 \pm 0,87$	$4,58 \pm 2,23$	$4,50 \pm 0,67$	$1,49 / >0,05$	$1,52 / >0,05$
Бег 1500 м, мин, с	$6,42 \pm 10,44$	$4,50 \pm 0,52$	$6,40 \pm 10,29$	$4,58 \pm 0,51$	$1,25 / >0,05$	$1,44 / >0,05$

С учетом высоких исходных значений, положительная динамика зафиксирована и в тесте «Подтягивание на перекладине». В начале года средний результат в исследуемой группе составлял $12,36 \pm 1,15$ раза, улучшившись к концу учебного года до $12,78 \pm 1,36$ раза, при этом в баллах результат улучшился с $7,29 \pm 0,99$ до $7,67 \pm 1,01$. Вместе с тем, ни по результату, ни по баллу достоверности различий выявлено не было ($t = 2,12$ и $t = 2,08$, $p > 0,05$).

В показателе гибкости, оцениваемой по результатам теста «Наклон вперед из положения сидя», средние значения улучшились с $12,64 \pm 3,61$ см до $13,21 \pm 3,40$ см ($t = 2,85$, $p < 0,05$), результат в баллах вырос с $7,07 \pm 1,68$ балла до $7,43 \pm 1,45$ балла ($t = 2,69$, $p < 0,05$).

Наиболее низкие показатели у учащихся спортивного класса были отмечены в результатах теста «Бег 1500 м», характеризующем качество выносливости. Исходный результат в среднем составлял $6,03 \pm 9,88$ мин, с и оценивался на $6,64 \pm 1,01$ балла, улучшившись к концу года до $6,01 \pm 0,83$ мин, с при среднем балле $6,93 \pm 0,83$. Достоверность различий при этом составила $t = 2,96$ и $t = 2,28$ для среднего результата и балла соответственно, $p < 0,05$.

Занятия по системе Табата, организуемые по принципу круговой тренировки, не только делают возможным высокую моторную плотность урока, но и служат инструментом, за счет своей новизны, активизации интереса у занимающихся. Применение комплексов упражнений на уроках физической культуры и здоровья позволяет повысить уровень физической подготовленности старшеклассников, что подкрепляется данными, полученными в ходе эксперимента (таблица 1).

По итогам теста «Бег на 30 м» у учащихся экспериментального класса в начале учебного года среднегрупповой результат составлял $4,67 \pm 0,10$ с при среднем балле $5,54 \pm 0,66$. По окончании учебного года результаты в данном тесте улучшились до $4,59 \pm 0,12$ с при среднем балле $6,23 \pm 0,73$. Данная динамика является статистически достоверной при $t = 4,63$ и $t = 5,19$ для результата и балла соответственно, при $p < 0,001$.

Схожий прирост отмечен и в показателе теста «Челночный бег 4×9 м», в котором среднегрупповой результат улучшился с $9,36 \pm 0,15$ с в начале года до $9,22 \pm 0,12$ с в конце года, достоверность различий составила $t = 4,18$, $p < 0,01$. При этом в средних баллах выявлен прирост с $4,69 \pm 0,75$ до $5,31 \pm 0,63$ балла, достоверность различий составила $t = 4,38$, $p < 0,01$.

В тесте «Прыжок в длину с места» средний результат повысился с $223,92 \pm 6,63$ см до $229,39 \pm 6,38$ см, $t = 4,06$, $p < 0,01$. При этом средний прирост в баллах зафиксирован с $5,23 \pm 0,59$ балла до $5,92 \pm 0,75$ балла.

Высокий прирост был отмечен и в результатах теста «Подтягивание на перекладине». Если в начале года средний результат в экспериментальном классе составлял $8,00 \pm 1,58$ раза, то к концу 11 класса он улучшился до $9,69 \pm 1,35$ раза, при этом в баллах среднегрупповое улучшение составило с $4,92 \pm 0,64$ балла до $5,62 \pm 0,65$ балла. Данный прирост был статистически достоверен при $t = 4,53$ и $t = 5,19$, $p < 0,001$.

По результатам теста «Наклон вперед из положения сидя» средние значения показателя гибкости улучшились с $5,77 \pm 3,03$ см до $8,23 \pm 2,45$ см (при $t = 3,18$, $p < 0,01$). Средний результат в баллах повысился с $4,85 \pm 0,89$ балла до $5,54 \pm 0,66$ балла (при $t = 3,32$, $p < 0,01$).

Как и в спортивном классе, наиболее низкие показатели у учащихся экспериментальной группы были зафиксированы в результатах теста «Бег 1500 м», который определяет качество выносливости. Исходный результат в начале учебного года составлял в среднем $6,35 \pm 9,53$ мин, с, что соответствовало средней оценке $4,54 \pm 0,52$ балла. К концу учебного года он улучшился до $6,33 \pm 10,05$ мин, с, средний балл составил $4,92 \pm 0,49$. Достоверность различий при этом составила $t = 2,50$, $t = 2,74$ для среднего результата и балла соответственно, при $p < 0,05$.

Школьники контрольного класса занимались по общепринятой учебной программе по учебному предмету «Физическая культура и здоровье» для XI класса учреждений образования, реализующих образовательные программы общего среднего образования с русским языком обучения и воспитания (базовый уровень). Несмотря на то, что содержание учебного предмета «Физическая культура и здоровье» дифференцируется с учетом возрастно-половых различий учащихся и содержит как инвариантный, так и вариативный компоненты, многие исследователи и практики отмечают значительное снижение интереса и мотивации старшеклассников к урокам физической культуры и здоровья, что не позволяет в полной мере решать образовательные, воспитательные, оздоровительные и прикладные задачи. Данное отношение к урокам, несомненно, находит свое отражение как в уровне, так и в динамике физической подготовленности (таблица 1).

К примеру, по итогам теста «Бег на 30 м» у учащихся контрольного класса в начале учебного года среднегрупповой результат был равен $5,95 \pm 0,14$ с при среднем балле $4,83 \pm 0,58$. По окончании учебного года результаты в данном тесте слегка улучшились и составили $5,53 \pm 0,18$ с при среднем балле $5,08 \pm 0,67$. При этом можно отметить, что данное улучшение не было статистически достоверным, при $t = 1,07$ и $t = 1,94$ для среднего результата и балла соответственно, $p > 0,05$.

Небольшое улучшение было зафиксировано и в тесте «Челночный бег 4 × 9 м», где среднегрупповой результат улучшился с $9,41 \pm 0,10$ с в начале года до $9,37 \pm 0,09$ с в конце года, при этом достоверность различий составила $t = 1,90$, $p > 0,05$. В средних баллах произошло улучшение с $4,42 \pm 0,51$ до $4,67 \pm 0,49$ балла, при этом данный прирост также статистически недостоверен: $t = 1,95$, $p > 0,05$.

По результатам проведения теста «Прыжок в длину с места» средний результат улучшился с 220,67 см до $221,08 \pm 6,63$ см, при этом достоверность различий составила $t = 1,89$, $p > 0,05$). Средний прирост в баллах произошел с $4,75 \pm 0,62$ балла до $5,00 \pm 0,73$ балла, и также был статистически недостоверен ($t = 1,89$, $p > 0,05$).

В тесте «Подтягивание на перекладине» в начале учебного года среднегрупповой результат составлял $7,25 \pm 1,54$ раза, улучшившись к концу учебного года до $7,75 \pm 1,33$ раза; в баллах среднегрупповое улучшение было с $4,58 \pm 0,67$ балла до $4,83 \pm 0,58$ балла. Данный прирост также был статистически недостоверен при $t = 1,95$ и $t = 1,93$, $p > 0,05$.

Среднегрупповое значение качества гибкости, оцениваемое по тесту «Наклон вперед из положения сидя» улучшились с $4,08 \pm 2,84$ см до $4,58 \pm 2,23$ см (достоверность различий составила $t = 1,49$, $p > 0,05$). При этом средний результат в баллах повысился с $4,33 \pm 0,87$ балла до $4,50 \pm 0,67$ балла (при достоверности различий $t = 1,52$, $p > 0,05$).

Как и в двух предыдущих классах, наиболее низкие показатели у учащихся контрольной группы отмечены в показателях теста «Бег 1500 м», на основании которого оценивается качество выносливости. Среднегрупповой результат в данной группе в начале учебного года составлял $6,42 \pm 10,44$ мин, с, и соответствовал средней оценке $4,33 \pm 0,87$ балла. К концу учебного года произошло улучшение до $6,40 \pm 10,29$ мин, с, средний балл при этом составил $4,58 \pm 0,51$. Динамика, как и результата, так и балла была статистически недостоверна и составила $t = 1,25$, $t = 1,44$ для среднего результата и балла соответственно, при этом $p > 0,05$.

Таким образом, проведенные нами исследования позволили выявить эффективность применения упражнений системы Табата на уроках физической культуры и здоровья для учащихся старших классов экспериментальной группы, что позволило обеспечить достоверное повышение уровня их физической подготовленности, в сравнении с контрольной группой, занимающейся по общепринятой программе.

Заключение. Современная система физического воспитания учащихся школ общего среднего образования предполагает решение как оздоровительных, так и образовательных и воспитательных задач. Вместе с тем при современной организации физического воспитания в школе достижение этой цели осложнено в силу того, что для этого требуется регулярное выполнение физических упражнений. Оздоровительный импакт физических упражнений прослеживается при условии, что они целесообразно подобраны по направленности, интенсивности и объему с учетом индивидуальных возможностей учащихся, а также при систематическом их выполнении.

Поэтому первостепенное значение имеет учет стремлений и пожеланий самих школьников, так как именно активные и осознанные занятия физическими упражнениями являются основой эффективного физического воспитания на всех этапах школьного обучения.

Протокол Табата – это разновидность тренировочной программы, представляющей схожую с кардиоупражнениями оздоровительную систему, однако система Табата гораздо энергичнее. Вместо длительных упражнений, Табату можно завершить в течение 4 мин. Поэтому протокол Табата попадает в категорию высокоинтенсивных тренировок или высокоинтенсивных интервальных тренировок.

Занятия по системе Табата не требуют специального спортивного оборудования, занимают мало времени, все блоки упражнений просты для выполнения. Это обеспечивает высокий интерес занимающихся к данной системе тренировок.

Как показали результаты проведенного нами педагогического эксперимента, включение занятий по системе Табата в уроки физической культуры и здоровья способствует повышению уровня физической подготовленности учащихся старших классов. По окончании учебного года статистически достоверные различия в экспериментальной группе были отмечены по всем исследуемым показателям. По результатам тестирования физической подготовленности у

юношей 11 классов достоверные различия при $p < 0,05$ были отмечены в тесте «Бег 1500 м». С достоверностью различий $p < 0,01$ улучшились результаты в тестах «Челночный бег 4×9 м», «Прыжок в длину с места» и «Наклон вперед из положения сидя». Наилучшие изменения (с достоверностью $p < 0,001$) были отмечены в тестах «Бег 30 м» и «Подтягивание на перекладине».

Таким образом, проведенные нами исследования по выявлению эффективности разработанной методики занятий по системе Табата в рамках занятий с учащимися старших классов доказали эффективность предложенного нами подхода, что выразилось в повышении уровня физической подготовленности учащихся.

Литература

1. Маркова, А. И. Школы здоровья и здоровье школьников (аналитический обзор) / А. И. Маркова // Гигиена и санитария. – 2013. – Т. 92, № 3. – С. 60–66.
2. Гузик, Е. О. Мониторинг здоровья школьников г. Минска / Е. О. Гузик, И. Д. Чижевская, Е. С. Зятков, Т. В. Башун, Н. Н. Протьюко, Е. И. Мельникова // Вопросы школьной и университетской медицины и здоровья. – 2013. – № 1. – С. 10–17.
3. Булавин, В. В. Характеристика здоровья и качества жизни современных допризывников и призывников / В. В. Булавин, А. А. Ворона, А. С. Кальманов, И. В. Запечникова, В. А. Дудельзон // Военно-медицинский журнал. – 2017. – Т. 338, № 4. – С. 63–64.
4. Юречко, О. В. Состояние здоровья и физическая подготовленность юношей допризывного возраста / О. В. Юречко // Физическая культура и спорт в современном обществе : материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 70-летию Победы в Великой отечественной войне. – Благовещенск, 2015. – С. 266–270.
5. Тозик, О. В. О возможности коррекции физического состояния учащихся старших классов средствами оздоровительной аэробики / О. В. Тозик // Известия Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины. – 2018. – № 5 (110). – С. 20–24.
6. Мацкевич, Д. И. Повышение мотивации к занятиям физической культурой / Д. И. Мацкевич // Оздоровительная физическая культура молодежи : актуальные проблемы и перспективы : материалы III Международной научно-практической конференции : в 2-х ч. – Минск, 2018. – С. 223–225.

Об использовании элементов развивающего обучения в преподавании основ высшей математики студентам гуманитарных специальностей

В.Г. ЕРМАКОВ

В статье исследованы проблемы преподавания кратких курсов математики на гуманитарных специальностях в высшей школе. Показано, что в этом частном вопросе с предельной остротой сошлись все проблемы и противоречия современного образования, поэтому его анализ опирался на оценку состояния и перспектив развития системы образования в целом. Описаны возможности решения рассматриваемых проблем путем локального, импульсного использования идей и методов развивающего обучения в условиях жестких ресурсных ограничений.

Ключевые слова: система образования, основы высшей математики, развивающее обучение, методы контроля.

The article investigated the problems of teaching short courses in mathematics in humanitarian specialties in higher education. It is shown that in this particular issue all the problems and contradictions of modern education converged with the utmost severity, therefore, its analysis was based on an assessment of the state and prospects for the development of the education system as a whole. The possibilities of solving the problems under consideration by local, impulse use of ideas and methods of developmental training in conditions of severe resource limitations are described.

Keywords: the education system, the basics of higher mathematics, educational training, control methods.

Главный глобальный и неустранимый источник многих проблем современного образования достаточно очевиден и заключается в быстро растущем объеме актуальной информации при неизменном количестве учебного времени, даже если считать таковым весь срок жизни человека. По этой причине образовательные процессы становятся все более напряженными, а у педагогов остается мало возможностей для устранения последствий от неизбежных сбоев в этих процессах. В статье рассмотрен предельный случай проявления этого противоречия, а именно, проанализированы проблемы преподавания сильно сокращенных математических курсов на нематематических (гуманитарных) специальностях в высшей школе. В этом частном примере сходятся и обнажаются многие линии развития образования, поэтому отыскание решения образовательных проблем в этом тупиковом случае поможет прояснить ситуацию и во многих других случаях.

Следует иметь в виду, что человеческая культура и образование развивались в тесной взаимозависимости – в своеобразном симбиозе, поэтому на протяжении долгого исторического времени было найдено немало способов уменьшить остроту противоречия между личностью и культурой. Восемь тысяч лет назад древнеегипетский Тевт создал алфавит на фонетической основе, позволивший резко сократить количество символов, используемых для записи слов. При этом необходимо отметить, что письменность добавляет и новые трудности. По мнению К.В. Чистова, «осуществление коммуникации при помощи фиксированного текста требовало и от писателя, и от читателя специальной подготовки – грамотности, то есть умения понимать условную систему знаков, каковой является письменность. В историко-культурном смысле чрезвычайно существенно то, что письменность (в том числе и литература) с момента своего возникновения обслуживала преимущественно верхние социальные слои. Народные массы были лишены возможности приобретения необходимых навыков и надолго выключены из числа “потребителей” достижений книжной культуры» [1, с. 34]. Идущий от Тевта способ сжатия информации путем введения знаков и символов культуры все более высокого уровня применялся и применяется постоянно. В Древней Греции произошло столь же важное событие: «В математику было систематически введено логическое доказательство, и отдельные разделы её стали строиться как дедуктивные системы» [2, с. 226]. В результате возник еще один оператор сжатия, опирающийся на связи между фактами. Однако из-за взрывного роста объема новых сведений оба эти подхода уже не могли привести накопленные сведения к «человекообразному» виду, и тогда произошла глубокая дифференциация науки и образования. Так, в XIX столетии, по словам Г. Фройдентала,

«математика отделяется от астрономии, геодезии, физики, статистики и т. д. Безмерно возрастает количество квалифицированных математиков-специалистов... При таком экстенсивном развитии отдельных исследований даже самый универсальный ум оказывается уже не в состоянии синтезировать в себе целое и плодотворно применять его вне себя самого» [3, с. 15]. Других глобальных способов ослабления противоречия между неудержимым ростом объема знаний, используемых человечеством, и ограниченными возможностями индивида в их усвоении на горизонте событий не видно. Более того, с какого-то момента названные подходы сами стали создавать серьезные препоны учащимся. С учетом того, что у противоречия есть две взаимодействующие стороны, преодолеть его теперь можно только способствуя развитию индивида. Не случайно на протяжении всего XX столетия и в наступившем XXI столетии в сфере образования на первый план вышла задача построения развивающего обучения. Несмотря на огромные усилия, предпринятые психологами и педагогами, и появление большого числа проектов и теорий такого рода, решить эту задачу не удалось, что отчетливо видно по резкому обострению проблемы школьной и вузовской неуспешности, захватывающей все ступени образования. И если такова общая ситуация на уровне всей системы образования, то, очевидно, обучение студентов-гуманитариев математике в сжатые сроки и в рамках сильно сокращенных курсов многократно проблематичнее.

Ради отыскания приемлемого выхода из этой ситуации рассмотрим отмеченные аспекты развития образования детальнее. Начнем с упомянутой дифференциации науки и образования. Ее характерная особенность заключалась в том, что в процессе расслоения основные цепи связей между фактами не были утеряны, благодаря этому главным образовательным ресурсом информационно-коммуникационной революции в Древней Греции можно было пользоваться и дальше. Новой проблемой стало удлинение этих цепей, вышедшее далеко за пределы человеческих возможностей. Достаточно упомянуть, что первое доказательство Грандиозной теоремы алгебры, касающейся простых конечных групп, занимало 15 тысяч журнальных страниц. Названные цепи взаимосвязанных фактов часто не помещаются в границах одной ступени образования и, пронизывая разные ступени, требует усиления связей между ними даже в пределах узких предметных областей. Проиллюстрируем сказанное примером. Логарифмическая функция является обратной к показательной функции, ее определение и свойства легко получить из этого факта. Но для понимания этого перехода к ней учащийся должен знать, что такое функция, когда у нее есть обратная и как она определяется. Понадобится ему и понятие степени числа, но его нельзя ввести сразу. Сначала нужно определить степень числа с натуральным показателем, затем степень с целым показателем, а еще с рациональным и действительным показателями. Кроме того, не приведя в порядок представления о натуральных, целых, рациональных, иррациональных и действительных числах, пройти эти ступени без потерь невозможно. В результате получаем, что неформальное введение всего лишь одного понятия логарифмической функции «стягивает» воедино материал, рассредоточенный во времени с 5-го по 11-й классы. Такому соединению разрозненных фактов друг с другом раньше способствовало проведение выпускных и вступительных экзаменов в устной форме, тестовые средства контроля слабо поддерживают усилия учащихся в этом направлении. В статье [4] показано, что дала человечеству названная выше революция в Древней Греции и какими могут быть потери при отказе от последовательной опоры на логические связи между фактами. Одна из потерь достаточно очевидна: школьная подготовка первокурсников по математике даже на физико-математических специальностях очень часто оказывается ниже необходимого уровня, разрыв между школой и вузом усиливается, несмотря на крайне высокую необходимость в обратном. Вследствие формального и фрагментарного изучения математики ситуация в плане развития самостоятельности и поисковой активности учащихся еще хуже. Данная оценка относится к случаю, когда образовательная траектория проходит через несколько ступеней образования, но остается в одной и той же предметной области, а краткий курс высшей математики на гуманитарных специальностях хоть формально и опирается на школьный курс математики, но для этих студентов он не был приоритетным и не прошел упорядочения во внутреннем плане ради вступительных экзаменов. Данный пример показывает, как именно дифференциация науки и образования может создавать в сфере образования новые трудные проблемы.

Из-за разрыва между школой и вузом, растущего, в том числе, по объективным причинам, даже на физико-математических специальностях для решения проблемы адаптации первокурсников к обучению в вузе от преподавателей и студентов требуются немалые усилия, которые при этом должны быть точно рассчитаны и учитывать специфику изучаемых курсов с их разросшимся формальным аппаратом. При этом главной целью педагогической коррекции на начальном этапе обучения должно быть восстановление и развитие самостоятельности студентов. В статье автора [5] указаны новации в формах и методах текущего контроля, способствующие достижению этой цели в рамках курса «Математический анализ».

Курс «Основы высшей математики» предоставляет для корректирующей работы гораздо меньше возможностей. Этот курс подчинен сугубо утилитарной задаче – подготовить будущих психологов к использованию методов математической статистики для обработки полученных данных. Но для освоения этих исследовательских инструментов необходимо предварительно изучить много промежуточных вопросов. Например, для описания числовых характеристик случайной величины используют интегралы с бесконечными и переменными пределами. Чтобы выйти на этот уровень, нужно хотя бы минимально изучить понятие и свойства определенного интеграла, перед этим – понятие и свойства неопределенного интеграла, а также элементы дифференциального исчисления и теории непрерывных функций. Следует иметь в виду, что к описанию понятия предельного перехода, историю развития которого можно отсчитывать от Архимеда, сами математики шли с большим трудом. З.А. Сокулер отметила, что «Коши был первым, кто сумел наконец дать достаточно строгую формулировку оснований анализа: построить точное определение предела, до некоторой степени разработать теории сходимости, непрерывности, производной и интеграла» [6, с. 48]. А целое столетие до Коши математикам приходилось пользоваться метафизическими фразами типа «бесконечно малое количество». Из этого обращения к истории математики можно сделать вывод о том, что при усвоении этого понятия, особенно если его формулировка будет дана без обоснований, разъяснений и мотивировок, студенты не смогут опереться ни на предыдущую (школьную) подготовку, ни на свои житейские представления. Негативные последствия от формального заучивания математических текстов очень велики и хорошо известны.

При всей их остроте эти проблемы, вообще говоря, разрешимы. В статье [7] приведен пример построения корректирующей работы со студентами-математиками в разделе «Интегралы» курса математического анализа. Несмотря на то, что на первом курсе многие из них испытывали серьезные затруднения в изучении этого курса, итоговый экзамен в пятом семестре по нему две трети студентов группы сдали на отлично, хорошую подготовку продемонстрировали и другие студенты. Острый дефицит учебного времени, характерный при обучении психологов в рамках сильно сокращенного курса, не позволяет полностью применить разработанные коррекционно-развивающие мероприятия, но их локальные вкрапления все-таки возможны и могут оказаться действенными.

Как уже было сказано, формальное и в силу недостатка времени фрагментарное изложение материала не позволяет студентам ощутить силу оператора сжатия, порождаемого опорой на логические связи между фактами. Для демонстрации такого рода эффектов можно использовать небольшие фрагменты взаимосвязанных сведений, выставив условие обязательного их обоснования на максимальном уровне строгости. Дело в том, что только при таком условии понадобится вникать в систему связей между деталями теории, что и позволит увидеть ту универсальную основу математики, на которой она после открытий в Древней Греции развивается в течение 25 столетий. На своем опыте студенты смогут убедиться в том, что такое освоение математики намного эффективнее прежних подходов, у них появится основание для повышения самооценки и ключ к осмысленному чтению учебных пособий. В теории дифференциального исчисления есть важная теорема Лагранжа, которая лежит в основе доказательств многих формул и теорем. Саму ее доказать несложно, но в решающий момент доказательства используется ссылка на теорему Ролля. В свою очередь, достаточно простое и короткое доказательство теоремы Ролля существенно опирается на теорему Ферма, а она может быть получена с помощью аккуратного применения определения односторонней производной. Этот пример наглядно демонстрирует, что иногда связи между теоремами составляют основную часть их обоснования, поэтому вместе их осваивать намного легче, чем поодиночке. В этом кратком, импульсном корректирующем мероприятии есть важные моменты, касающиеся организации

контроля за выполнением выставленных условий. С первого раза достичь требуемого уровня смогут далеко не все студенты, причем не только гуманитарии, поэтому необходимо сразу предусмотреть возможность повторных попыток. Принципиальный момент состоит в том, что в процессе строгой проверки обоснований студентов нужно не только выявлять неточности и ошибочные представления, но и стремиться к их исправлению непосредственно в процессе диалога педагога со студентом. В этом случае контроль станет корректирующим и развивающим. Другие аспекты такого метода контроля изложены в статье [8].

Нельзя не отметить, что важную связующую роль в этом кратком курсе играет алгоритмическая составляющая математики, с которой студенты знакомятся и на которую опираются в процессе решения ряда задач на практических занятиях. Тем не менее типовая программа по курсу «Основы высшей математики» содержит еще одно узкое место, отдаленно связанное с открытием Евклида и его последующим развитием. Речь идет о том, что понятия высокого уровня абстрактности порождают в образовательных процессах точку ветвления, которая с высокой долей вероятности переводит этот процесс в катастрофический сценарий развития. Таковыми, в частности, являются начала современных математических теорий, построенных аксиоматически. Суть дела в том, что в качестве этих начал берут полученные серьезные результаты, вводят их без обоснований, а предысторию теории отбрасывают. У тех, кто впервые начинает усвоение теории, не остается никаких шансов на успех, а переход к формальному изучению материала и сам по себе ведет в тупик. Поэтому несмотря на острый дефицит времени преподавателю таких понятий проводить нужно, даже если для этого придется отрывать часть времени от базовой технологии обучения. Соответствующий пример проведения в сжатые сроки преподавания начал общей топологии занял центральное место в построенной автором педагогической теории устойчивости, изложенной в монографии [9]. Не останавливаясь на деталях этой теории, отметим, что при сильно разреженном построении математического курса опасных точек ветвления возникает много.

Таким образом, имеющиеся узкие места в преподавании кратких курсов математики на гуманитарных специальностях необходимо тщательно учитывать и тем, кто ставит такие курсы и разрабатывает к ним типовые программы, и тем, кто преподает их студентам, будучи вынужденными при этом разрешать проблемы и противоречия цивилизационного уровня. Этот пример не уникален, в нем отражается ситуация во всей системе образования.

Литература

1. Чистов, К. В. Фольклор. Текст. Традиция : Сборник статей / К. В. Чистов. – М. : ОГИ, 2005. – 272 с. – (Нация и культура: Новые исследования: Фольклор).
2. Башмакова, М. Г. Лекции по истории математики в Древней Греции / М. Г. Башмакова // Историко-математические исследования. – М. : Физматгиз, 1958. – Вып. XI. – С. 225–438.
3. Фройденталь, Г. Математика как педагогическая задача / Г. Фройденталь. – М. : Просвещение, 1982. – Ч. 1. – 208 с.
4. Ермаков, В. Г. История математики и современное математическое образование / В. Г. Ермаков // Известия Гомельского гос. ун-та им. Ф. Скорины. – 2014. – № 2 (83). – С. 67–72.
5. Ермаков, В. Г. Формирование самостоятельности студентов средствами контроля / В. Г. Ермаков // Известия Гомельского гос. ун-та им. Ф. Скорины. – 2018. – № 2 (107). – С. 18–23.
6. Сокулер, З. А. Зарубежные исследования по философским проблемам математики 90-х гг. Научно-аналитический обзор / З. А. Сокулер. – М. : ИНИОН РАН, 1995. – 75 с.
7. Ермаков, В. Г. Вредные советы : Как новациями в системе образования заблокировать инновационное развитие страны / В. Г. Ермаков // Россия : тенденции и перспективы развития. Ежегодник. – М. : РАН. ИНИОН, 2014. – Вып. 9, ч. 2. – С. 363–368.
8. Ермаков, В. Г. Авторская операционализация метода зачётов и его применение к решению проблемы школьной неуспешности / В. Г. Ермаков // Красноярское образование : вектор развития. – 2022. – № 5. – С. 112–120.
9. Ермаков, В. Г. Педагогическая теория устойчивости : методологические очерки : монография : в 2-х т. / В. Г. Ермаков ; под ред. д.ф.н. Н. В. Гусевой. – Усть-Каменогорск, 2023. – 551 с.

Результаты анкетирования работодателей в рамках мониторинга качества образовательной деятельности

Т.В. МАТЬКУНОВА, О.В. ЛОСЕВА, Н.А. АЛЕШКЕВИЧ, Ю.В. НИКИТЮК, О.Г. ЗАЙЦЕВА

Обобщены и проанализированы результаты анкетирования работодателей университета с целью получения объективной информации о качестве подготовки выпускников, уровне их профессиональных и социально-личностных компетенций, степени удовлетворенности внешних потребителей качеством оказываемых образовательных услуг. Анкетирование работодателей позволило выявить области, нуждающиеся в улучшении, и пути совершенствования образовательного процесса с целью повышения качества подготовки специалистов.

Ключевые слова: система менеджмента качества, анкетирование, профессиональная подготовка, компетенции, качество подготовки специалистов, уровень знаний.

The results of the survey of university employers were summarized and analyzed in order to obtain objective information on the quality of training of graduates, the level of their professional and socio-personal competencies, the degree of satisfaction of external consumers with the quality of educational services provided. The survey of employers made it possible to identify areas for improvement and ways to advance the educational process in order to enhance the quality of training of specialists.

Keywords: quality management system, questionnaires, professional training, competencies, quality of specialists training, level of knowledge.

Введение. Одним из эффективных инструментов, позволяющих осуществлять мониторинг образовательной деятельности и предоставляющих возможность потенциальным работодателям оценивать качество предоставляемых университетом образовательных услуг, является функционирование сертифицированной системы менеджмента качества (СМК). Как показывает практика, эффективное функционирование СМК, ее постоянное развитие, анализ результативности со стороны руководства, оценка удовлетворенности внешних и внутренних потребителей непосредственно влияет на повышение уровня и качества предоставляемых образовательных услуг.

Общее представление о состоянии основных и вспомогательных процессов деятельности университета и результативности СМК показывает ежегодный анализ по функционированию СМК в рамках внешних и внутренних аудитов, позволяющий определить области, нуждающиеся в улучшении, и приоритеты развития. Однако проведение периодических аудитов СМК не дает полного представления о требованиях, предъявляемых к подготовке специалистов потенциальными потребителями и требованиями рынка труда.

Одним из эффективных инструментов оценки уровня профессиональной подготовки выпускников университета является опрос работодателей, позволяющий определять положительные области, а также своевременно выявлять области, требующие улучшения в организации образовательного процесса, вовремя принимать необходимые решения для повышения качества образования. Анкетирование потребителей можно рассматривать как элемент процесса по анализу функционирования СМК, при котором реализуются основные принципы менеджмента качества: ориентация на потребителя, вовлечение персонала, постоянное улучшение, принятие решений, основанных на фактах [1]. Постоянный мониторинг рынка труда, потребностей и желаний работодателей способствует повышению конкурентоспособности университета в сфере высшего образования как в рамках нашей республики, так и на международном уровне.

Проведение анкетирования и его анализ. В ГГУ имени Ф. Скорины регулярно проводятся опросы представителей базовых предприятий и потенциальных работодателей на предмет удовлетворенности их качеством подготовки выпускников. Ранее анкеты рассылались руководителям данных организаций, после чего собирались и анализировались. В 2020 г. отделом стандартизации и метрологии в рамках СМК университета была разработана и внедрена документированная процедура ДП-2.412 «Мониторинг образовательной деятельности и оценка

удовлетворенности потребителей». На сегодняшний день опрос работодателей проводится в онлайн режиме с использованием Google-Форм. Анкеты для работодателей и потенциальных заказчиков кадров размещены на сайте университета в разделе «Система менеджмента качества».

Остановимся подробнее на результатах анкетирования, которые были проведены в апреле текущего года с целью получения достоверной и объективной информации о качестве подготовки выпускников, уровне их профессиональных и социально-личностных компетенций, степени удовлетворенности внешних потребителей качеством оказываемых образовательных услуг.

В организации и проведении анкетирования принимали участие все факультеты университета. Результаты обрабатывались и систематизировались в разрезе факультетов и специальностей. В опросах приняли участие представители заинтересованных предприятий и организаций (общее количество респондентов – 219).

Разработанная анкета включала в себя 20 показателей качества подготовки выпускников университета, среди которых уровень теоретической и практической подготовки, умения и способности, соответствие теоретических знаний квалификационным требованиям, а также личностные характеристики выпускников. Представленные в анкете критерии сформулированы корректно и лаконично, выражены в количественных показателях, удобных для дальнейшей обработки, и затрагивают различные аспекты профессиональной и социально-личностной подготовки молодых специалистов.

Оценка удовлетворенности работодателей по каждому критерию позволила определить качество подготовки специалистов и, следовательно, определить уровень образовательных услуг, предоставляемых университетом, оценить степень влияния каждого критерия на качество образовательного процесса, определить «слабые» и «сильные» стороны, определить области, требующие улучшения, спланировать корректирующие мероприятия, осуществить деятельность по улучшению и совершенствованию деятельности [2].

Количественная оценка показателей удовлетворенности потребителей оценивалась по ранее разработанной нами методике [3].

Вначале рассчитывался оценочный показатель по каждому j -му критерию (вопросу) анкеты по формуле (1):

$$Q_j = (Q_{jcp} \times 100\%) / 5, \quad (1)$$

где Q_{jcp} – среднее значение оценки j -го критерия по всем участникам опроса (анкетам), которое рассчитывается по формуле 2:

$$Q_{jcp} = \frac{\sum_{i=1}^n Q_{ij}}{n}, \quad (2)$$

Q_{ij} – значение j -критерия анкеты, указанного i -м респондентом (опрашиваемым); n – количество участников опроса.

Затем определялся общий (средний) оценочный показатель по проведенному опросу (анкетированию) по формуле 3:

$$Q = \frac{\sum_{j=1}^m Q_j}{m}, \quad (3)$$

где m – количество критериев (вопросов) в анкете.

Полученное значение Q позволяет судить о качестве образовательного процесса и уровне подготовки выпускников по следующим критериям:

1) $Q < 50\%$ – качество подготовки оценивается как неудовлетворительное – требуется проведение анализа образовательного процесса, оценка рисков и возможностей для его улучшения, разработка значительных корректирующих действий;

2) $50\% \leq Q < 70\%$ – качество подготовки оценивается как удовлетворительное – требуется проведение анализа образовательного процесса, поиск возможностей для его улучшения и разработка корректирующих действий;

3) $70\% \leq Q < 90\%$ – качество подготовки оценивается как хорошее – требуется проведение анализа образовательного процесса, поиск возможностей для его улучшения, проведение незначительных корректирующих действий;

4) $Q \geq 90\%$ – качество подготовки оценивается как отличное – не требуется разработка корректирующих действий и мероприятий по улучшению образовательного процесса.

Сводные результаты удовлетворенности работодателей качеством предоставляемых образовательных услуг в разрезе отдельных критериев представлены на рисунке 1.

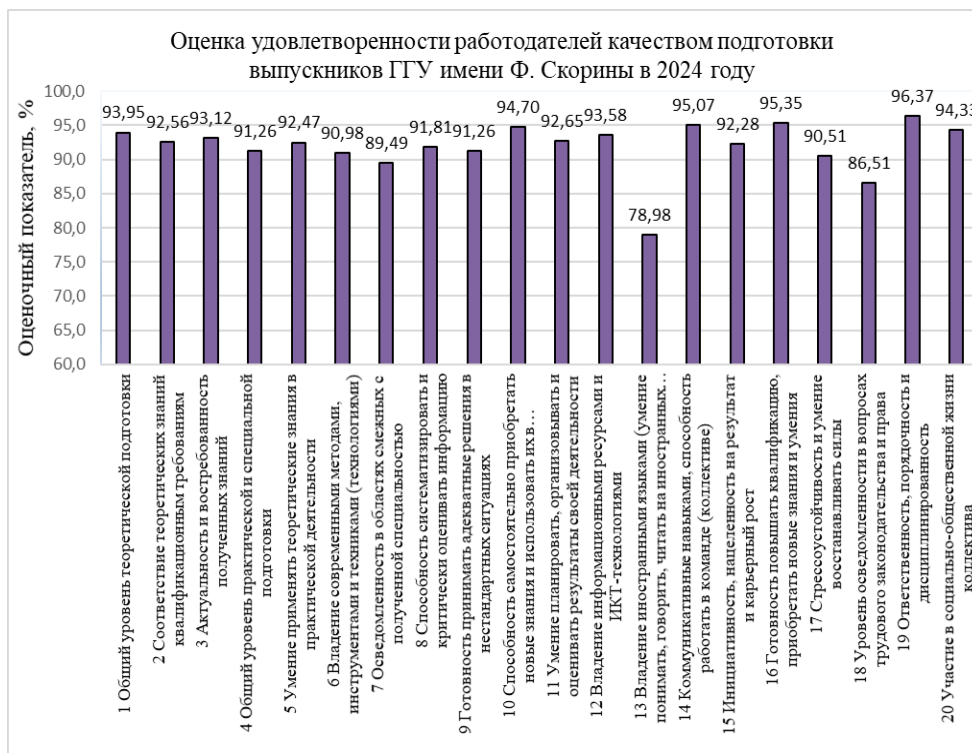

Рисунок 1 – Оценка удовлетворенности работодателей качеством подготовки выпускников по каждому отдельному критерию

Результаты проведенных опросов показали, что в целом работодатели высоко оценили качество подготовки выпускников ГГУ имени Ф. Скорины. Так общий (средний) показатель удовлетворенности (Q) по всем критериям составил 92,2 % ($Q \geq 90\%$), что соответствует высокому уровню удовлетворенности внешних потребителей. Как видно из гистограммы (рисунок 1), по большинству критериев показатель удовлетворенности ($Q \geq 90\%$). Оценка «Неудовлетворительно» не была отмечена ни по одному критерию, ни одним из опрашиваемых.

Согласно результатам анкетирования, наиболее высоко оценены работодателями следующие критерии:

- способность самостоятельно приобретать новые знания и использовать их в практической деятельности (94,7 %);
- коммуникативные навыки, способность работать в команде (коллективе) (95,07 %);
- готовность повышать квалификацию, приобретать новые знания и умения (95,35 %);
- ответственность, порядочность и дисциплинированность (96,37 %);
- участие в социально-общественной жизни коллектива (94,33 %).

Высокий уровень показателей по данным критериям говорит о сформировавшихся социально-личностных и коммуникативных качествах выпускников и, следовательно, свидетельствует о соответствующем уровне организации идеологической и воспитательной работы в университете.

Отличные показатели имеют и критерии, указывающие на высокий уровень теоретической и практической подготовки выпускников университета, что свидетельствует о качестве полученного образования и достойном уровне организации и результативности образовательной деятельности в университете в целом.

Определённый интерес представляет состояние образовательного процесса на отдельных факультетах и, как следствие, степень удовлетворенности работодателей уровнем подготовки их выпускников. С целью получения такой информации был проведен анализ удовлетворенности работодателей выпускниками университета по каждому факультету в отдельности. Полученные данные по оценке качества профессиональной подготовки выпускников в разрезе факультетов представлены на рисунке 2.

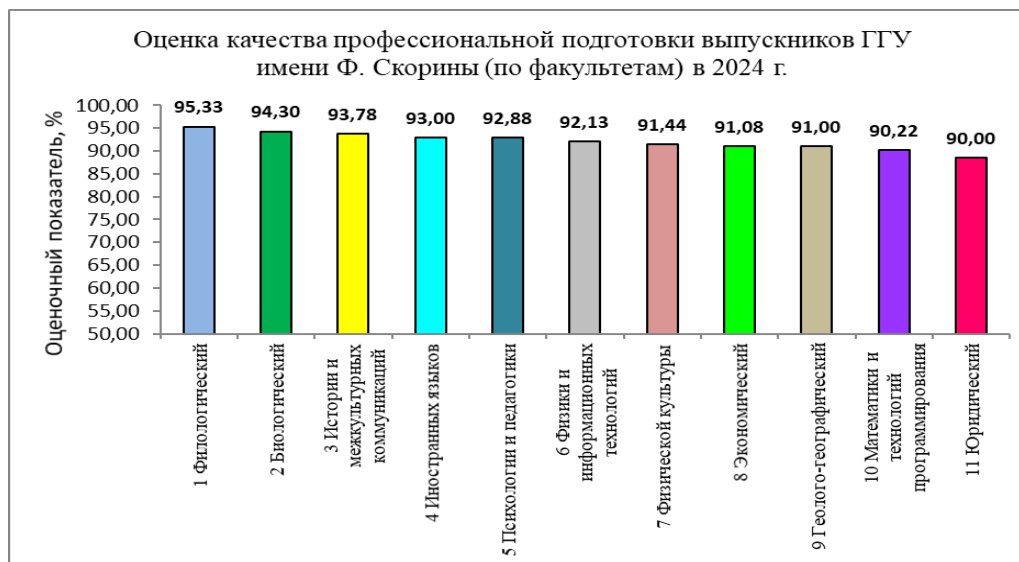

Рисунок 2 – Оценка качества профессиональной подготовки выпускников по факультетам

Проведенное анкетирование позволило выявить и стороны образовательного процесса, которые требуют улучшения. Согласно полученным данным, необходимо акцентировать внимание и активизировать деятельность по улучшению по следующим показателям:

- осведомленность в областях смежных с полученной специальностью;
- владение иностранными языками (умение понимать, говорить, читать на иностранных языках);
- уровень осведомленности в вопросах трудового законодательства и права.

В целях выявления потребностей работодателей к содержанию образовательных программ и качеству подготовки специалистов в анкете предусмотрен отдельный пункт для внесения предложений. Благодаря такой «обратной связи» были получены положительные отзывы и слова благодарности от заказчиков кадров в адрес университета и получены конкретные рекомендации и предложения.

Анализируя полученные предложения по улучшению качества подготовки специалистов, были выделены наиболее актуальные и перспективные из них, в числе которых:

- больше внимания уделить формированию практических навыков и умений выпускников (доминирующее предложение);
- пересмотр и актуализация учебных программ, их адаптация под конкретные потребности работодателя;
- участие базовых предприятий в формировании учебных планов подготовки специалистов;
- привлечение специалистов-практиков к проведению учебных занятий;
- участие представителей предприятий в распределении и перераспределении выпускников;
- внедрение современных образовательных и информационно-коммуникативных технологий;
- расширение спектра мероприятий по подготовке школьников к олимпиадам.

Полученные результаты анкетирования и предложения работодателей были обобщены, систематизированы, представлены высшему руководству университета, рассмотрены и проанализированы на советах факультетов, заседаниях кафедр. Их дальнейший анализ позволит своевременно отследить слабые стороны в профессиональной подготовке специалистов и принять эффективные управленческие решения по улучшению образовательной деятельности.

Заключение. Систематический мониторинг и оценка качества подготовки выпускников является важным элементом менеджмента качества, дающим возможность не только провести объективную оценку качества подготовки специалистов, но и реализовать обратную связь между учреждениями высшего образования и работодателями, которая в свою очередь позволяет обнаружить проблемные аспекты в организации и осуществлении образовательной деятельности. Представленные в статье результаты позволяют сделать вывод о том, что работодатели высоко оценили профессиональные и личностные качества выпускников ГГУ имени Ф. Скорины, их владение современными информационными технологиями, необходимыми знаниями и навыками в их профессиональной деятельности. Согласно предложениям, полученным от работодателей, следует больше внимания уделять практико-ориентированному обучению выпускников, расширять спектр сотрудничества между учреждениями образования и предприятиями на всех стадиях организации образовательного процесса.

Литература

1. Системы менеджмента качества. Требования : СТБ ISO 9001-2015 (ISO 9001:2015, IDT). – Взамен СТБ ISO 9001-2009 ; введ. 01.03.2016. – Минск : БелГИСС : Госстандарт, 2019. – 64 с.
2. Алешкевич, Н. А. Анкетирование работодателей как элемент управления качеством образования / Н. А. Алешкевич, Ю. В. Никитюк, Д. Л. Коваленко // Современное образование : преемственность и непрерывность образовательной системы «школа–университет–предприятие» : материалы XIV Международной научно-методической конференции, Гомель, 2–3 февраля 2023 г. – Гомель : ГГУ им. Ф. Скорины, 2023. – С. 27–30.
3. Алешкевич, Н. А. Об анкетировании в рамках СМК университета и методике оценки результатов / Н. А. Алешкевич, Н. Н. Федосенко, В. Е. Гайшун // Современное образование : преемственность и непрерывность образовательной системы «Школа–Университет–Предприятие» : материалы XIII Международной научно-методической конференции, Гомель, 11–12 февраля 2021 г. – Гомель : ГГУ им. Ф. Скорины, 2021. – С. 33–36.

Гомельский государственный
университет имени Франциска Скорины

Поступила в редакцию 16.05.2024

Межведомственное взаимодействие по повышению качества профильного обучения белорусских школьников

Н.Г. НОВАК, В.А. БЕЙЗЕРОВ, Ю.В. НИКИТЮК, О.Г. ЗАЙЦЕВА

В статье представлен опыт координации и реализации работы регионального кластера непрерывного педагогического образования в г. Гомеле и Гомельской области. Описан опыт организации деятельности преподавателей университета с сетью профильных групп и классов педагогической и инженерной направленности Гомельского региона с целью привлечения их к поступлению в университет на соответствующие специальности.

Ключевые слова: кластер непрерывного педагогического образования, педагогические классы, инженерные классы, профориентация, педагогическая деятельность.

The article presents the experience of coordinating and implementing the work of the regional cluster of continuing teacher education in the city of Gomel and the Gomel region. The experience of organizing the activities of university teachers with a network of specialized groups and classes of pedagogical and engineering orientation in the Gomel region is described in order to attract them to enter the university for the relevant specialties.

Keywords: cluster of continuous pedagogical education, pedagogical classes, engineering classes, career guidance, pedagogical activity.

Интенсивное развитие в нашей стране института профильного обучения осуществляется с целью реализации права граждан Республики Беларусь на получение образования с учетом их индивидуальных потребностей, способностей и запросов, направлений профессионального самовыражения, регламентируется Кодексом Республики Беларусь об образовании, нормативными документами Министерства образования и другими нормативно-правовыми и законодательными актами.

Одним из базовых документов в системе повышения качества образовательной деятельности является Концепция развития педагогического образования в Республике Беларусь на 2021–2025 гг. Согласно данной Концепции, «взаимодействие рынка труда и учреждений образования, осуществляющих подготовку педагогических работников, в условиях реализации кластерного подхода позволит создать практико-ориентированную образовательную среду, в которой будет осуществляться взаимовыгодное сотрудничество. Для этого необходимо заключать договоры между субъектами педагогического образования, шире применять практику предоставления материально-технической базы ведущих либо профильных учреждений образования для проведения олимпиад, конкурсов, конференций, иных видов активности, осуществлять взаимообмен квалифицированными представителями профессорско-преподавательского состава, привлекать известных ученых в сфере педагогики и психологии к руководству исследовательскими, экспериментальными, инновационными проектами и др.» [1, с. 37].

Региональный Кластер педагогического образования, действующий на базе Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины, объединяет образовательные учреждения различных уровней образования, другие учреждения и организации, которые добровольно взаимодействуют на договорной основе, участвуют в формировании инновационных подходов к педагогическому образованию и обеспечивают практическое использование этих подходов в подготовке учителей [2]. Одним из направлений деятельности Кластера выступает координация сети профильных классов учреждений общего среднего образования г. Гомеля и Гомельской области.

К настоящему времени в учреждениях общего среднего образования Беларуси действуют профильные классы аграрной, военно-патриотической, инженерной, педагогической, спортивно-педагогической, технико-технологической направленности. Совершенствуется нормативно-правовая база по организации и реализации обучения старшеклассников в классах указанных профилей.

Согласно нормативным требованиям, обучающиеся в профильных классах школьники в рамках учебных часов, предусмотренных типовым учебным планом, должны изучать учебные предметы (особенно – профильные) на повышенном уровне и обязательно осваивать учебную программу профессиональной направленности, утвержденную Министерством образования. В соответствии с методическими рекомендациями Министерства образования Республики Беларусь данное обучение проходит в форме факультативных занятий. Отметим, что обучение в профильных классах педагогической направленности осуществляется в соответствии с положениями Концепции развития педагогического образования в Республике Беларусь на 2021–2025 гг., которая разработана с учетом результатов реализации данного обучения в предыдущие годы [1].

Учащиеся X–XI классов учреждений общего среднего образования, выбравшие педагогический профиль, в течение двух лет усваивают учебную программу факультативных занятий «Введение в педагогическую профессию», которая включает четыре модуля: «В мире педагогической профессии» (10 класс); «Человек познающий: практическая психология познания» (10 класс); «Я в педагогической профессии» (11 класс); «Познай самого себя» (11 класс).

Благодаря слаженной работе в данном направлении в 2023 г. в три раза (по сравнению с приемом 2022 г.) увеличилось количество абитуриентов из классов педагогической направленности, поступивших на соответствующие специальности факультетов ГГУ имени Ф. Скорины.

Одной из эффективных форм взаимодействия с учащимися профильного обучения педагогической направленности стал конкурс эссе среди учащихся педагогических классов «Педагог – моё призвание» (далее – Конкурс). Инициатором данного Конкурса является факультет психологии и педагогики учреждения образования «Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины». Партнерами Конкурса выступают Гомельская областная организация РОО «Белая Русь», а также иные организации, не запрещенные законодательством Республики Беларусь.

Конкурс проводится ежегодно с целью поддержания интереса к педагогической профессии, развития творческих способностей учащихся педагогических классов (групп), создания условий для повышения мотивации к получению педагогической профессии через конкурсное участие. Данная форма взаимодействия позволяет развивать активность и стимулирует потребность в творческом самовыражении учащихся, ориентированных на получение педагогической профессии, способствует повышению мотивации к получению педагогической профессии через конкурсное участие.

В 2023–2024 учебном году конкурс эссе среди учащихся учреждений общего среднего, профессионально-технического и среднего специального образования «Педагог – моё призвание-2024» проходил в период с 15.01.2024 по 23.03.2024 г. Жюри из числа преподавателей факультета психологии и педагогики просмотрело более 80 работ школьников, обучающихся в педагогических классах. Лучшие работы были отмечены дипломами и ценными подарками. Все участники конкурса получили благодарности и сувениры. Награждение победителей состоялось при поддержке РОО «Белая Русь» и ОО «БРСМ».

С 2023 г. активно развивается взаимодействие университета с учреждениями общего среднего образования Гомельской области, осуществляющими профильную подготовку обучающихся не только педагогического, но и инженерного направлений. Профильная подготовка учащихся инженерных классов предполагает усвоение программы факультативных занятий «В мире техники и технологий: выбираем инженерную профессию» и предусматривает знакомство учащихся со значительным количеством программных продуктов, что позволяет «не только сформировать представление учащихся о многообразии инструментария для инженерной деятельности, но и развивать технологические компетенции» [3]. В процессе проведения факультативных занятий учащиеся знакомятся с максимально широким перечнем программных средств, используют программное обеспечение в рамках условий лицензионных договоров между правообладателем и пользователем (учреждением образования), либо находящееся в свободном доступе в интернет-пространстве, либо подтвержденное лицензионным договором с учреждением образования [4].

В 2023–2024 учебном году в учреждениях общего среднего образования г. Гомеля и Гомельской области сформировано 30 профильных классов инженерной направленности (280 человек) и 77 – педагогической (552 человека).

Во время осенних каникул прошли уже ставшие традиционными встречи с администрацией и представителями факультетов университета [5]. В 2023–2024 г. в мероприятиях, организованных на базе университета, приняло участие больше 250 учащихся профильных (педагогических и инженерных) классов.

Таблица – Информация по количеству обучающихся профильных классов инженерной и педагогической направленности, посетивших УВО

Дата	10 классы		ИТОГО	11 классы		ИТОГО	Всего человек
	П	И		П	И		
31.10.2023	14	12	26	2	0	2	28
01.11.2023	44	21	65	20	0	20	85
02.11.2023	39	23	62	5	4	9	71
03.11.2023	20	14	34	27	11	38	72
ИТОГО	117	70	187	54	15	69	256

Примечание: П – педагогические, И – инженерные.

В 2023–2024 г. в анкетировании «Мотивы профессиональной деятельности и саморазвития обучающихся профильных классов» приняли участие 113 школьников из классов педагогической направленности, половина из которых – одиннадцатиклассники. Полученные данные свидетельствуют о том, что первоочередным *мотивом выбора* класса с педагогическим профилем является желание получить высшее образования (у более 80 % респондентов степень выраженности данного мотива выше среднего). Больше половины опрошенных отметили интерес к учебному предмету и желание обучать данному предмету, хотя стремление посвятить себя воспитанию детей выражено существенно слабее. Половина опрошенных считают, что у них есть педагогические способности. Отметим, что несмотря на то, что изначально примерно 40 % старшеклассников попали в педагогический класс по внешним причинам, на момент анкетирования большинство опрошенных школьников считают педагогическую профессию престижной, важной на данном этапе развития общества, указали, что педагогическая деятельность позволяет реализовать не только внутренние мотивы, но и потребность в материальной обеспеченности.

Больше половины опрошенных указали в качестве основной *причины выбора обучения в педагогическом классе* возможность изучать необходимые предметы на повышенном уровне (48 %), желание связать свою жизнь с педагогической профессией (41 %). Все больше школьников рассматривают возможность поступить на педагогическую специальность без экзаменов – 26,5 % (в прошлом году таковых было 20 %). Понимают важность выбора педагогической профессии, а также плюсы, последующие после обучения в профильных классах, и взрослые: по предложению администрации пошли в педагогический класс 17,7 % (в прошлом году – 13 %), а по совету родителей – 16 % (в прошлом году – 13 %) старшеклассников.

На вопрос «Принимали ли Вы ранее участие в Университетских субботах, профориентационных мероприятиях, которые регулярно проходят в Гомельском государственном университете имени Ф. Скорины?» ответы респондентов распределились следующим образом: «Да, мне понравилось» – 20 % (в прошлом году – 14,5 %), «Планирую посетить» – более 60 %. При ответе на вопрос о том, какие мероприятия посещали старшеклассники на базе ГГУ имени Ф. Скорины, было выявлено, что большинство из них посещали университет во время репетиционного тестирования и приходили с педагогами на экскурсии по факультетам университета. На момент опроса после окончания школы каждый третий старшеклассник *планирует поступать* в Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины.

Несмотря на существенные положительные сдвиги в плане привлечения абитуриентов на специальности педагогического профиля, необходимо обозначить не до конца решенные проблемы: по-прежнему невысокий престиж профессии педагога; высокая учебная нагрузка обучающихся и педагогов; внутри и межвузовская конкуренция; внешняя конкуренция.

Перспективы решения выше обозначенных проблем видятся в усилении сетевого взаимодействия между учреждениями образования, максимальное использование возможностей региональных и республиканского кластеров; более активной пропаганде достижений педагогов в

СМИ (в т. ч. электронных); проведении в начале учебного года анкетирования с обучающимися педагогических классов (групп) с целью изучения сформированности педагогической мотивации и мотивов саморазвития в педагогической профессии; проведении промежуточного онлайн-анкетирования с целью своевременного мониторинга успеваемости, заинтересованности и выявления возможных затруднений у обучающихся педагогических классов (групп) при изучении факультативных занятий «Введение в педагогическую профессию»; включении учащихся старших классов в образовательный процесс УВО на ограниченное время (в каникулярный период); использовании в профориентации сторителлинга, приведение примеров наиболее успешных представителей педагогической профессий, достигших значимых результатов.

Литература

1. Концепция развития педагогического образования в Республике Беларусь на 2021–2025 годы [Электронный ресурс] : приказ Министра образования Респ. Беларусь, 13.05.2021 г., № 366. – Режим доступа : https://crpo.bspu.by/wp-content/uploads/2021/09/koncepcija-buklet_.pdf. – Дата доступа : 23.01.2024.
2. Бейзеров, В. А. Кластерный подход к развитию образовательных систем как способ повышения конкурентоспособности образования стран и регионов / В. А. Бейзеров // Известия ГГУ им. Ф. Скорины. – 2015. – № 5 (92). – С. 10–14.
3. Профильные классы инженерной направленности [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://www.adu.by/ru/pedagogam/profilnye-klassy/profilnye-klassy-inzhenernoj-napravlenosti?format=html>. – Дата доступа : 23.01.2024.
4. В мире техники и технологий: выбираем инженерную профессию : учебная программа факультативных занятий [Электронный ресурс] : утверждено постановлением Министерства образования Республики Беларусь, 18.07.2022 г., № 192. – Режим доступа : <https://adu.by/images/2023/obr/fz-v-mire-tehniki-tehnologij-10-11kl.pdf>. – Дата доступа : 23.01.2024.
5. Новак, Н. Г. Опыт координации работы регионального кластера непрерывного педагогического образования / Н. Г. Новак, В. А. Бейзеров, Ю. В. Никитюк // Известия ГГУ им. Ф. Скорины. – 2023. – № 5 (140). – С. 40–45.

Гомельский государственный
университет имени Франциска Скорины

Поступила в редакцию 02.07.2024

Из опыта реализации молодежной воспитательной и идеологической работы в университете

Т.В. Починок

В статье представлен опыт реализации воспитательной и идеологической работы со студенческой молодежью по направлениям патриотического воспитания, укрепления гражданской позиции и развития политической культуры на примере мероприятий, проводимых в Гомельском государственном университете имени Ф. Скорины. В основе воспитательной и идеологической работы студенческой молодежи лежат такие документы, как обновленная Конституция Республики Беларусь, государственная программа «Образование и молодежная политика» на 2021–2025 гг., Стратегия развития государственной молодежной политики Республики Беларусь до 2025 г. и до 2030 г., Кодекс об образовании 2022 г., Программа патриотического воспитания населения Республики Беларусь на 2022–2025 гг. Приведены примеры диалоговых площадок, круглых столов, семинаров, информационных встреч, воспитательных акций, приуроченных к значимым государственным праздникам и датам, а также мероприятий, нацеленных на воспитание гражданских качеств у студентов. В контексте данной деятельности также приведены примеры организации информационных просветительских общественно-политических мероприятий с трудовыми коллективами профессорско-преподавательского состава университета и идеологического актива региона.

Ключевые слова: воспитательная и идеологическая работа, молодежная политика, патриотическое воспитание, активная гражданская позиция, политическая культура, студенческая молодежь, трудовой коллектив.

The article presents the experience of implementing educational and ideological work for student youth in the areas of patriotic education, strengthening civic position and developing political culture using the example of events held at Francisk Skorina Gomel State University. The educational and ideological work of student youth is based on such documents as the updated Constitution of the Republic of Belarus, the state program «Education and Youth Policy» for 2021–2025, the Strategy for the Development of State Youth Policy of the Republic of Belarus until 2025 and until 2030, the Education Code of 2022, the Program of patriotic education of the population of the Republic of Belarus for 2022–2025. The examples of dialogue platforms, round tables, seminars, information meetings, educational events dedicated to significant public holidays and dates, as well as the events aimed at cultivating civic qualities of students are given. In the context of this activity, the examples of organizing informational and educational socio-political events for the university's teaching staff and the ideological activists of the region are also given.

Keywords: educational and ideological work, youth policy, patriotic education, active civic position, political culture, student youth, work collective.

В современной истории белорусского общества значительно возросла роль молодежи по участию в общественно-политической жизни страны и событиях гражданской направленности. В обновленной редакции Конституции Республики Беларусь, принятой в 2022 г., прописано [1], что государство способствует духовному, нравственному, интеллектуальному и физическому развитию молодежи, создает необходимые условия для ее свободного и эффективного участия в общественной жизни, реализации потенциала молодежи в интересах всего общества. Каждый обязан беречь историко-культурное, духовное наследие и другие национальные ценности белорусов. Сохранение исторической памяти о героическом прошлом белорусского народа, патриотизм являются долгом каждого гражданина Республики Беларусь.

В соответствии с государственной программой «Образование и молодежная политика» на 2021–2025 гг., подпрограмма 10 «Молодежная политика» [2], государственная национальная молодежная политика направлена на создание условий для эффективной самореализации молодежи, формирования у молодежи через систему героико-патриотического и духовно-нравственного воспитания активной гражданской позиции, любви к Родине, гордости за ее прошлое и настоящее, ответственности за судьбу Беларуси, формирование ответственного поведения и ценностного отношения молодежи к собственному здоровью как условию личного благополучия и здоровья будущих поколений.

В соответствии со Стратегией развития государственной молодежной политики Республики Беларусь до 2030 г. [3] молодежь рассматривается как активный субъект преобразования общества, драйвер развития и лидерства страны, а также объект социализации, ценнейший ресурс экономического роста и обеспечения благосостояния поколений. Целями Стратегии являются создание условий для востребованности молодежи в стране, усиление вовлеченности молодых граждан в реализацию государственных задач по общественно-политическому и социально-экономическому развитию Республики Беларусь. Принципами реализации настоящей Стратегии является привлечение молодых граждан к непосредственному участию в развитии страны, в формировании и реализации приоритетных направлений государственной молодежной политики, программ, касающихся молодежи и общества в целом. Главным приоритетом признается развитие самостоятельной личности молодого гражданина, формирование его позитивного мировоззрения и востребованных компетенций. Справочно, по данным Национального статистического комитета Республики Беларусь за 22 июня 2023 г., численность молодежи в возрасте от 14 до 30 лет составляет 1 640 287 человек, что составляет 17,8 % от общей численности населения. По гендерному составу на 1000 юношей приходится 967 девушек. В 50 учреждениях высшего образования Республики Беларусь обучается 238,5 тысяч студентов, из которых 52,5 % юношей и 47,5 % девушек.

В обновленном Кодексе об образовании 2022 г. [4] обозначено, что целью воспитания является формирование разносторонне развитой, нравственно зрелой, творческой личности обучающегося. Воспитательная работа в учебных заведениях направлена на формирование гражданственности, патриотизма и национального самосознания на основе государственной идеологии. Из всех составляющих воспитательного процесса первоочередными направлениями воспитательной деятельности являются идеологическое, гражданское и патриотическое составляющие воспитательного процесса, направленные на формирование у обучающихся знаний об основах государственной идеологии, на формирование активной гражданской позиции, патриотизма, правовой, политической и информационной культуры. Важно, что в воспитательном процессе предусматривается принцип культурной толерантности и терпимости, основанный на учете общечеловеческих ценностей, культурных традиций, ценностей представителей мировых культур и культурных традиций и духовных императивов белорусского народа.

В университете уделяется ключевое внимание развитию идеологического, гражданского и патриотического воспитания молодежи. Воспитательный подход носит деятельностный характер, который проявляется в активном самостоятельном участии студентов в мероприятиях, акциях, проектах, непосредственный вклад молодых людей в развитие и процветание своей страны.

В Гомельском государственном университете имени Франциска Скорины ежегодно проводятся мероприятия, приуроченные к важным государственным праздникам. На мероприятиях обсуждаются события, связанные с памятными национальными датами в исторической ретроспективе, с акцентами на значимость данных событий и дат для современной истории страны. Так, ко Дню народного единства 17 сентября была проведена диалоговая площадка с представителями студенческой молодежи всех учреждений высшего образования Гомельской области, представителями профессорско-преподавательского состава университетов, на которой были обсуждены темы патриотизма, национальной идеи, исторической правды, сплоченности белорусского общества. На встречу были приглашены руководители госструктур и организаций Гомеля, представители трудовых коллективов предприятий и организаций области. Эксперты мероприятия провели параллели между историческими фактами воссоединения Республики Беларусь и современными реалиями развития страны. Был затронут широкий спектр вопросов, связанных с национальной безопасностью страны и геополитическими процессами, вопросы борьбы с экстремизмом как факторе консолидации белорусского общества. Формат диалоговой площадки позволил обменяться мнениями, развивать критическое мышление по анализу информации и выработке собственной личной конструктивной гражданской позиции, расширить политическую осведомленность по вопросам развития белорусской государственности, укрепить отношение по вопросам сохранения исторической правды и единства народа.

К примеру, был проведен круглый стол, приуроченный к годовщине Афганской войны «В память Афганской войны». К участию в мероприятии были приглашены студенты всех вузов Гомельского региона. Экспертами мероприятия выступили реальные участники Афганской вой-

ны – представители общественных объединений и парламентарии, которые поделились с молодыми людьми своими воспоминаниями, впечатлениями и обозначили уроки Афганской трагедии, связав это с современными реалиями. Студенты университета представили самостоятельно подготовленные презентации о причинах и ходе войны в Афганистане, вкладе советских и белорусских солдат в победу в Афганской войне, о современном государственном устройстве Афганистана и его культурных особенностях. Воспоминания экспертов и представленный исторический экскурс студентов помогли придать мероприятию познавательный характер, создать определенную эмоциональную атмосферу, вовлечь студентов во взаимодействие и непосредственное участие.

Значимое место в системе воспитательной работы студентов занимает развитие политической культуры, что находится в тесной связи с укреплением гражданской вовлеченности молодых людей в процессы государственного устройства и развития. 2024 г. ознаменовался проведением важного политического события в жизни страны – проведением электоральной кампании по выбору депутатов всех уровней и подготовкой к единому дню голосования. Подготовка к данному событию ознаменовалась рядом диалоговых площадок и встреч с экспертами, политическими и государственными деятелями по разъяснению значения, новшеств и особенностей электоральной кампании 2024 г., которая в таком новом усовершенствованном формате была проведена в Республике Беларусь впервые. В частности, в университете были организованы диалоговые площадки с участием депутатов Палаты представителей Национального собрания Республики Беларусь, которые во взаимодействии со студентами обсудили значимость предстоящего политического события, деятельностный вклад и конструктивные инициативы молодежи в развитие страны, видение молодых людей их роли в жизни страны. Подобные мероприятия не только способствуют повышению политической осведомленности и укреплению гражданской позиции, но и развивают критическое мышление, помогают сформировать правильное видение роли молодежи в построении независимости и суверенитета страны.

На развитие политической культуры и политической осведомленности были направлены и мероприятия, посвященные анализу результатов Всебелорусского народного собрания, общенационального общественно-политического форума, которое в новом формате состоялось 24–25 апреля 2024 г. в г. Минск. К участию в таких диалогах приглашались непосредственные участники Всебелорусского форума. В частности, в университете была проведена диалоговая площадка на тему «ВНС: ключевые решения и основные послылы», к участию в которой были приглашены депутаты всех уровней – местных советов, Палаты представителей и Совета Республики Национального собрания Республики Беларусь. Эксперты в доступной форме смогли осветить для студентов значение, функции, руководящий и представительный состав собрания, повестку VII Всебелорусского народного собрания, представить исторический экскурс о Всебелорусских собраниях и их решениях в истории суверенной Беларуси. Важным предметом дискуссии явилось обсуждение содержания двух концептуальных документов, которые были утверждены Всебелорусским форумом. Это Концепция национальной безопасности Республики Беларусь и Военная доктрина Республики Беларусь – основополагающие документы, регламентирующие подходы белорусского государства к обеспечению национальной безопасности в различных сферах.

Участие разных экспертов в рамках одного мероприятия, возможность студентов сформулировать и задать интересующие вопросы, касающиеся как непосредственно темы обсуждения важного государственного общественно-политического события, содержания и значения утвержденных концептуальных программных документов, так и профессионального пути спикеров, их рекомендаций для молодых людей по построению карьерной траектории, расширению профессиональной компетенции, развитию лидерского потенциала, ценностных ориентаций и принципов в жизни. Познавательный характер наравне с открытостью и доверительностью диалога с молодыми людьми несомненно способствует воспитанию подрастающего поколения в правильном созидательном направлении, ориентированном на конструктивное поступательное эволюционное развитие нашей страны.

Особое значение в воспитательной работе студенческой молодежи имеет участие в трудовых акциях и субботниках, направленных на деятельностный вклад гражданского населения в благоустройство дворовых и прилегающих территорий организаций и предприятий. В

рамках субботников разных уровней, а также еженедельной трудовой акции «Чистый четверг» студенты имеют возможность наводить порядок на территории города и университета – осуществлять покраску, садить деревья, следить за порядком и т. д. Так, при проведении городского субботника, студенты-активисты Гомельского государственного университета имени Франциска Скорины вместе с представителями городской и районной администрации осуществляли посадку деревьев и благоустройство прилегающей территории у памятника Героям-подпольщикам на Аллее Героев города Гомеля. В 2024 г. (год празднования 80-летия годовщины освобождения Беларуси от немецко-фашистских захватчиков) многие организованные трудовые акции и субботники были посвящены благоустройству памятников и мемориалов, посвященных победе в Великой Отечественной войне. Участие студенческой молодежи в субботниках и трудовых акциях характеризуют их непосредственный деятельный вклад в сохранение исторической памяти и исторической правды о Великой Отечественной войне.

Воспитательные мероприятия, направленные на идеологическое, гражданское и патриотическое воспитание, также проводятся с трудовым коллективом университета, так как преподаватели реализуют полученные знания среди студенческой молодежи как в рамках кураторских и информационных часов, так и в контексте воспитательного компонента в процессе образовательной деятельности и преподавания учебных дисциплин.

В соответствии с Программой патриотического воспитания населения Республики Беларусь на 2022–2025 гг. [5] предусматривается целенаправленная деятельность по формированию патриотических ценностных ориентаций, таких как любовь к Родине, малой родине, уважение и защита Отечества, знание национальной (отечественной) истории; уважительное отношение к старшим, забота о младших и ответственность за них; служение народу; единство современной белорусской нации, понимание национальной идеи как мировоззренческой основы консолидации белорусского общества; знание исторических форм государственности на территории Беларуси и национальной белорусской государственности и др.

Целью Программы патриотического воспитания является совершенствование государственной политики патриотического воспитания населения через формирование национальной идентичности на основе единых ценностей, гордости за собственную страну, ее историю и культуру, достижения в экономике, науке и спорте, готовности к защите независимости Республики Беларусь.

Патриотическое воспитание представителей трудовых коллективов обеспечивается системой целенаправленных мер мировоззренческого, идеологического, правового, политического, информационного и организационного характера, подкрепленных конкретными мероприятиями.

В данной связи, помимо мероприятий для студентов, в которых также принимают участие и члены трудового коллектива, важное значение имеют просветительские лекции и семинары, организуемые Республиканским государственным общественным объединением «Белорусское общество «Знание» (РГОО «Знание»). Предметом деятельности РГОО «Знание» является организация научно-просветительской, образовательной, информационно-аналитической деятельности. Целями деятельности организации являются патриотическое и духовно-нравственное воспитание населения, содействие росту социальной активности граждан, распространение научных знаний, обеспечение стабильности и гражданского согласия в Республике Беларусь. В частности, Гомельской областной организационной структурой «Белорусское общество «Знание» проводятся просветительские семинары с трудовыми коллективами по актуальным общественно-политическим вопросам национальной и международной повестки. Экспертами и лекторами выступают преподаватели высших учебных заведений области, а также ведущие лекторы, государственные и политические деятели республиканского значения. В мероприятиях принимают участие представители идеологического актива Гомельской области. Во взаимодействии с участниками мероприятий лекторы не только освещают ключевые актуальные вопросы национальной государственной политики, аспекты геополитической обстановки взаимодействия нашей страны в международном контексте, но и участники имеют возможность задать уточняющие вопросы, запросить мнение эксперта по широкому спектру разных вопросов, а также и лектор может задать вопросы слушателям, тем самым активизируя их внимание и критическую оценку обсуждаемой информации, предложить свои рекомендации по активизации идеологической работы с трудовыми коллективами предприятий и организаций.

Таким образом, проводится целенаправленная и активная воспитательная и идеологическая работа деятельности характера по воспитанию у студенческой молодежи и представителей трудовых коллективов чувства патриотизма, гражданских качеств, расширению политической осведомленности для обеспечения устойчивого развития нашей страны.

Литература

1. Конституция Республики Беларусь 2022 года : с изм. и доп., принятыми на респ. референдуме 27 февр. 2022 г. [Электронный ресурс] // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.
2. Государственная программа «Образование и молодежная политика» на 2021–2025 годы : утв. постановлением Совета Министров Республики Беларусь, 29 января 2021 г., № 57 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2021.
3. Стратегии развития государственной молодежной политики Республики Беларусь до 2030 года : утв. постановлением Совета Министров Республики Беларусь, 19 июня 2021 г., № 349 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2021.
4. Об изменении Кодекса Республики Беларусь об образовании : Закон Республики Беларусь, 14 января 2022 г., № 154-З // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.
5. Программа патриотического воспитания населения Республики Беларусь на 2022–2025 годы : утв. постановлением Совета Министров Республики Беларусь 29 декабря 2021 г., № 773 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.

Гомельский государственный
университет имени Франциска Скорины

Поступила в редакцию 24.04.2024

Prerequisites for the genesis and development of the Chinese music education system

YAO JIE

China is an ancient civilization with a splendid culture of five thousand years, and its long history has created rich music education. This music education has run through the entire history of China and played an extremely important role in politics, ideology, ethics, education, national spirit, aesthetic psychology, and other aspects of China, with a profound impact. Therefore, this article mainly provides a brief review of the development of music education in China from 2224 BC to the early 20th century. The article examines different stages and periods in the genesis and development of the Chinese music education system through the analysis of literary sources and historical and pedagogical comparison method.

Keywords: music education, development, Chinese music education.

Китай – древняя цивилизация с великолепной пятитысячелетней культурой, а ее долгая история создала богатое музыкальное образование. Музыкальное образование страны прошло через всю историю Китая и сыграло чрезвычайно важную роль в политике, идеологии, этике, образовании, национальном духе, эстетической психологии и других аспектах Китая, оказав глубокое влияние. В данной статье в основном представлен краткий обзор развития музыкального образования в Китае с 2224 г. до н. э. до начала 20 в. В статье на основе анализа литературных источников и использования метода историко-педагогического сравнения рассматриваются различные этапы и периоды становления и развития китайской системы музыкального образования.

Ключевые слова: музыкальное образование, развитие, китайское музыкальное образование.

Introduction. China is famous for its ancient civilization and culture with a long history, including history of music and music education. The Confucian music education during the slave society period was the embryonic stage of music education in China, reaching its peak during the Western Zhou period. During the Spring and Autumn period and the Warring States period, it gradually disintegrated with the leave of the slave society. After the Wei and Jin dynasties, music education found its own path of survival and development in the field of religion, and played an important educational role. The rulers of the Sui Dynasty established a music education institution called «Jiaofang». The form of music education during the Song and Yuan dynasties was roughly the same as that of the Tang Dynasty, and it was basically a continuation of the Tang Dynasty education system. During the Ming and Qing dynasties, more and more shortcomings were exposed in the cultural and educational system, and overall, music education declined compared to the Tang and Song dynasties. In modern times, with the introduction of Western music culture, Chinese music education began to undergo changes. A group of music educators have begun to attempt to combine Western music theories, instruments, and teaching methods with traditional Chinese music.

Methodology. 1. Literature research method. Literature and historical materials are the foundation of research, therefore, the author collects as many articles and monographs related to this topic as possible, and obtains research ideas and inspirations from the literature. 2. Comparative research method. The aim is to compare the music education of different periods and characters, to identify commonalities and differences, analyze them, seek common ground while reserving differences, and outline the development of music education in ordinary Chinese universities.

Findings. 1. Through sorting out the development of music education in Chinese ordinary universities (from 2224 BC to the early 20th century), this article aims to showcase the complete development of music education in Chinese ordinary universities, in order to gain inspiration from past music education, understand the inheritance and development of contemporary music education in the past, and provide reference significance for future music education practices. 2. Through sorting and summarizing the music education in ordinary Chinese universities (from 2224 BC to the early 20th century), this article provides some inspiration for the development of music education in ordinary universities.

Discussion. 1. Music Education during the Xia, Shang, and Zhou Dynasties (2224–770 BC). Music, as a social and cultural form, emerged in ancient times as a labor horn directly formed from the process of labor production. Primitive music was widely used in religious worship activities. During the

Xia, Shang, and Zhou dynasties, the organizational structure of schools emerged, which determined teaching objectives, teaching methods, and teaching objects. In the Book of Mencius, Xia referred to it as school, Yin referred to it as preface, Zhou referred to it as week, and learning was shared among the three generations, all of whom are the basis for understanding human relationships. The «Zhou Lichun Official Grand Musician» tells that the Grand Musician is in charge of the law of achieving equality, in order to govern the country's academic and political affairs, and to govern the country's children. Cheng Jun was an ancient school, and Da Si Le was a music official in ancient China. Scholars have interpreted Cheng Jun as a school with music education as an important content, which is debatable. Because «Zhou Li» is a work that expresses governance plans through official systems and does not involve establishing institutions. Moreover, the interpretation of the law of Cheng Jun as a theory of music and temperament is clearly too narrow, as detailed in Liu Yong's «Debate on the Law of Cheng Jun» [1, p. 138].

2. Music Education during the Spring and Autumn Period and the Warring States Period (770–221 BC). During the Spring and Autumn period and the Warring States period, a brilliant era emerged in the history of Chinese thought, when a hundred schools of thought were contending. Music education broke through the rigid constraints of the Zhou Dynasty's ritual and music system, and private schools gradually flourished in various regions. Among schools of thought such as Confucianism, Taoism, and Mohism, Confucianism placed the greatest emphasis on the educational function of music. Confucius, the founder of the Confucian school, was an advocate of music education. Confucius devoted years of effort to organizing ancient literature and materials, including the compilation and teaching of the Book of Songs, and the promotion and practice of the teaching philosophy of education without discrimination, which laid a solid foundation for the vigorous development of music education in China. Confucius believed that music has an important educational function, which can cultivate beautiful moral qualities and enhance people's spiritual survival world. He regarded music as an essential part of the six arts of a gentleman (ritual, music, archery, imperial, calligraphy, and mathematics), included it in the educational curriculum, and regarded it as an essential skill for the growth of a gentleman. Confucius emphasized the governance of the country through ritual and music, placed equal emphasis on ritual and music, and implemented the moral essence of Confucian doctrine of benevolence through ritual and music education, achieving the political function of educating the people and governing the world. The aesthetic education philosophy advocated by Confucius, which is based on poetry, ritual, and music, has become classics of Confucianism [2, p. 59].

3. Music Education from the Han Dynasty to the Ming and Qing Dynasties (206–1912 BC). The short-lived and powerful Qin Dynasty implemented a rigid concept of Legalism, burning books and burying Confucianism, and prohibiting private education. As one of the Six Classics, the Book of Music also perished in the Qin Fire, being a major loss in the history of Chinese music. The rulers of the Han Dynasty adopted Dong Zhongshu's suggestion to depose the Hundred Schools of Thought and prioritize Confucianism, and promoted the widespread dissemination of Confucianism by combining official and private education. The cowardly ideology began to permeate into every aspect of daily life, gradually becoming the deep-seated value structure of the Chinese national psychology. The rulers attached great importance to the educational function of music, and continued to use the name of the Qin Dynasty Yuefu. They established the Han Dynasty Yuefu, specializing in collecting and compiling folk music from various regions to understand people's hearts and minds, organizing, adapting, and creating music, performing and singing [1, p. 168].

During the Wei, Jin, Southern and Northern Dynasties, wars and disputes objectively promoted the great integration of ethnic groups and cultural exchanges, leading to the convergence of folk music and religious music, and the fusion of exotic music and Central Plains music, thus forming a rich and diverse music culture. During the Wei and Jin dynasties, Qing merchants and music flourished. The three ancestors of Wei, Cao Cao, Cao Pi, and Cao Ruiqi, established a music organization specifically responsible for managing Qing commercial music, known as the Qing Inheritance Office. During the prosperous Tang Dynasty, politics were relatively clear, and the social economy was restored and developed. The rulers revered Confucianism and valued the function of music education, established a relatively complete music education institution The Tai Le Office, Drum and Blowing Office, Qing Commercial Office, Jiaofang, Liyuan, etc. The Tai Le Office had a large organization, with its main members including musicians, doctors, and teaching assistants. Its research and performance scope included elegant music and Yan music. The Jiaofang, founded during the reign of Emperor Wu De of the Tang Dynasty, was specifically responsible for managing male and female artists performing songs, dances, and music in the palace, as well as teaching and performing palace folk music. Its performance mainly focused on folk entertainment music in Liyuan.

It was the highest level professional music institution in the Tang Dynasty palace music. The Book of Rites and Music of the New Tang Dynasty records that Emperor Xuanzong not only knew the rhythm of music, but also had a great love for music. He selected three hundred disciples of the Zuo tribe and taught them in the pear orchard. If there was an error in the sound, the emperor was aware and corrected it, and called it the disciple of the emperor's pear garden. Li Longji concentrated the Kabuki in the palace in the pear orchard, teaching Kabuki opera for the court's banquets. This became the earliest large-scale training venue for opera singers and dancers in history [1, p. 69].

The music education model during the Song and Yuan dynasties was mainly inherited from the Tang Dynasty, with music education institutions such as the Tai Yue Bureau, the Drum Blowing Bureau, the Dasheng Prefecture, the Jiaofang, and the Jiaoyue Institute. On important government occasions such as court banquets, major festivals, emperor's travels, and ministerial banquets, music, plays, songs, and dances are performed by educational institutions. The Song Dynasty court music maintained the basic pattern of Tang Dynasty court music, with elegant music being the dominant concept. When conducting ceremonies in the main hall, elegant music was often used, and when hosting banquets and birthday wishes in other halls, Jiaofang music was often used. Ya Le carried the social education function of ideology, and it is also believed that one should not be good at music when changing customs. During the Ming and Qing dynasties, cultural education generally tended to be conservative and rigid. Music education has become the transmission of skills, and the internal function of music education has relatively weakened. The music and etiquette affairs of the Ming Dynasty court were under the management of Taizhang Temple. The matter of singing, dancing, and music in the palace were under the management of the Education Department. The system of the Qing Dynasty mainly inherited from the Ming Dynasty, and the court was mainly composed of music departments under the jurisdiction of the Taichang Temple and the Ministry of Rites. The ceremonial and musical institution of the court was the Shengping Office. The rulers attached great importance to the issue of orthodoxy in the distinction between Chinese and foreign cultures. As a carrier of orthodoxy, elegant music naturally received attention and support, thus achieving a certain degree of revival. The ceremonial music of the court was an important component of formal occasions, but due to the emphasis on political form and procedural norms, it gradually lost its vitality. Folk entertainment music gradually flourished, with a demand to transform elegance into vulgarity. Entertainment forms represented by traditional Chinese opera gradually became popular, and many government agencies and wealthy businessmen raised opera troupes [3, p. 252].

4. The Sprouts of Music Education in Chinese Universities (late 19th – early 20th century). For more than seventy years from the failure of the Opium War in 1840 to the victory of the Xinhai Revolution in 1911, accompanied by a series of reform movements such as the «Reform» and «New Policies», China's feudal educational system gradually disintegrated and was replaced by a semi-feudal and semi-colonial modern educational system. The introduction of Western learning by the late Qing government provided favorable external conditions for the new type of school music education. In 1927, the CPC established the Soviet Area, the Anti Japanese Base Area and the Liberated Area, which are called revolutionary base areas. Music education, as an important component of base education, follows two educational principles and guidelines regarding New Democracy: firstly, it obeys political needs and makes music education a powerful tool for educating the people and combating enemies. Secondly, with a focus on cultivating national masters, it is aimed to make citizens civilized and happy through music education. Under the guidance of this policy, various forms of education in the Soviet Area, such as universal literacy education, cadre education, primary and secondary school education and higher education, have all made certain progress. After the outbreak of the War of Resistance Against Japan, especially the destructive activities of the Japanese aggressors, a large number of propaganda activities were restricted. Songs, easy to understand and sing, became powerful weapons of propaganda, and anti Japanese singing activities became an important part of the political and cultural life of the whole society. On May 12, 1935, a singing troupe from fourteen schools, including Beiping Yuying Middle School, Beiman Girls' High School, Yanjing University, and Beijing Normal University, held the «Beiping University High School Joint Music Conference» in front of the Taihe Hall Square in the Forbidden City. The main focus was on singing songs that reflected the spirit of patriotism, and it was known as the «magnificent old capital of the New World of Beiping» at that time. After the Lugou Bridge Incident, art courses at schools such as Tsinghua University and Peking University were forced to stop due to environmental reasons, but the artistic activities of students did not end. When the teachers and students of the Tsinghua University Military Band went south, they did not abandon their instruments. Every weekend, this

small band had to rehearse. The anti Japanese singing activities have developed rapidly, singing a large number of anti Japanese and national salvation songs, greatly inspiring the fighting spirit of the people. For example, on the eve of the 21st anniversary commemoration of the May Fourth Movement in 1940, the Southwest Associated University Song Troupe was established. On March 12, 1941, in order to boost morale, the Ministry of Education held a grand choir concert for a thousand people at the square of the Chongqing Fuzichi New Games Service Center [4, p. 232].

The songs included «Our National Singer» and «Hoe Song», and nearly 30 schools and social groups participated in the choir. On March 29, 1942, the Music Education Committee of the Ministry of Education and the Baisha Music Education Promotion Committee jointly held the «Baisha Ten Thousand People Cantata» event in Baisha Town. The main conductor, Wu Bochao, participated in the choir with more than 6000 people and an audience of more than 7000 people. In 1945, the singing team of Southwest Associated University was established. They played an important role in the «December 1st» student movement against the civil war. The music education activities at universities during this period were closely related to the theme of national liberation, resistance against Japan, and national salvation. The songs of the Anti Japanese War rose one after another in the schools, but from the perspective of the systematic and comprehensive nature of music education, there was no specialized music curriculum standard at that time, and the content of music education was also vague. The main focus was on singing patriotic songs, promoting national spirit, and inspiring national morale. Emphasizing the social role and political objectives of music education without emphasizing the ontological and aesthetic aspects of music reflects an informal nature of music education [5, p. 78].

Conclusion. The Confucian music education during the slave society period was the embryonic stage of music education in China, reaching its peak during the Western Zhou period. During the Spring and Autumn period and the Warring States period, it gradually disappeared with the disintegration of the slave society. During the feudal society, music education was mainly conducted in state institutions, gradually becoming a «niche» education. For example, the large-scale music teaching activities in the Han Dynasty were conducted in the Yuefu for specialized music talents to practice. After the Wei and Jin dynasties, music education found its own path of survival and development in the field of religion, and played an important educational role. The rulers of the Sui Dynasty established a music education institution called «Jiaofang». On the basis of inheriting various musical cultural achievements since the Wei, Jin, Southern and Northern Dynasties, they established a palace music system of «seven part music, nine part music», and built the development of music culture on the foundation of the coexistence of multi-ethnic music. The focus of music education in the Tang Dynasty was still on the government, mainly including the Grand Music Office, the Drum and Blowing Office, the Qing Commercial Office, the Jiaofang and the Pear Garden. The music education in the Song and Yuan dynasties was roughly similar in form to the music education in the Tang dynasty, and was basically a continuation of the education system in the Tang dynasty. During the Ming and Qing dynasties, more and more shortcomings were exposed in the cultural and educational system, and overall, music education declined compared to the Tang and Song dynasties. In modern times, with the introduction of Western music culture, Chinese music education began to undergo changes. A group of music educators have begun to attempt to combine Western music theories, instruments, and teaching methods with traditional Chinese music. In short, from 2224 BC to the early 20th century, music education in Chinese universities has undergone an evolution from tradition to modernity, integrating Chinese and Western music cultures, cultivating numerous music talents, and laying the foundation for the prosperity of China's music industry.

References

1. History of Chinese Education – Beijing : East China Normal University Press, 2000. – 348 p.
2. Ho, W.-C. Culture, Creativity, and Music Education in China / W.-C. Ho. – London, 2023. – 234 p.
3. Sun, J. Annals of Music Education History. Modern and Contemporary China (1840–2000) / J. Sun. – Shandong : Shandong Education Press, 2004. – 524 p.
4. Guan, J. The Turn of the Century – Chinese Music Education and World Music Education / J. Guan. – Nanjing : Nanjing Normal University Press, 2002. – 378 p.
5. Wu, Y. Music Education in Chinese Modern and Contemporary Schools (1840–1949) / Y. Wu. – Shanghai : Shanghai Education Press, 1999. – 476 p.

Право

УДК 343.265.22:343.13

EDN: MWRFBW

Отстранение от работы в контексте мер уголовно-процессуального принуждения

Т.П. АФОНЧЕНКО

Одним из гарантируемых элементов правового статуса гражданина и одновременно способом проявления социально ответственного поведения, позволяющего демонстрировать потенциал общественно значимых способностей, умений и навыков, является возможность реализовать себя в трудовой деятельности. В то же время, приоритет обеспечения прав и свобод личности не может гарантировать абсолютное отсутствие их ограничений в случае конфликта общественных интересов и интересов индивида. Указанное вытекает из смысла ст. 23 Конституции Республики Беларусь, на основании которой ограничение прав и свобод личности допускается только в случаях, предусмотренных законом, в интересах национальной безопасности, общественного порядка, защиты нравственности, здоровья населения, прав и свобод других лиц. Одним из возможных проявлений упомянутых ограничений может быть признано отстранение от работы, которое представляет собой временное недопущение работника к исполнению своих трудовых обязанностей в связи с обстоятельствами, предусмотренными действующим законодательством. В качестве основания отстранения от работы в числе других выступает требование уполномоченных государственных органов, в том числе органов уголовного преследования и суда.

Ключевые слова: работник, органы уголовного преследования, право на труд, отстранение от работы, уголовно-процессуальное принуждение.

One of the guaranteed elements of a citizen's legal status and, at the same time, a way to demonstrate socially responsible behavior that allows one to express the potential of socially significant abilities, skills and aptitudes is the opportunity to realize oneself in work. At the same time, the priority of ensuring individual rights and freedoms cannot guarantee the absolute absence of their restrictions in the event of a conflict of public interests and the interests of the individual. This follows from the meaning of Art. 23 of the Constitution of the Republic of Belarus, on the basis of which restrictions on individual rights and freedoms are permitted only in cases provided for by law, in the interests of national security, public order, protection of morality, public health, and the rights and freedoms of other persons. One of the possible manifestations of the mentioned restrictions may be suspension from work, which is a temporary prohibition of an employee from performing his or her job duties due to the circumstances provided for by current legislation. Among others, the basis for removal from work is the requirement of authorized government bodies, including criminal prosecution authorities and courts.

Keywords: employee, criminal prosecution authorities, right to work, removal from work, criminal procedural coercion.

Введение. Право на труд – универсальное право человека и гражданина, гарантируемое как на международно-правовом, так и на национальном уровне. Являясь выражением равенства социальных возможностей, которыми эвентуально располагает каждый для проявления своих природных способностей и реализации творческого потенциала, право на труд позволяет любому заинтересованному субъекту проявить свою индивидуальность в рамках определенной профессии или специальности. Согласно ст. 2 Конституции Республики Беларусь, человек, его права, свободы и гарантии их реализации являются высшей ценностью и целью общества и государства. Кроме того, государство ответственно перед гражданином за создание условий для свободного и достойного развития личности. Гражданин, в свою очередь, ответствен перед государством за неукоснительное исполнение обязанностей, возложенных на него Конституцией. В дискурсе последнего ст. 21 Конституции Республики Беларусь закрепляет: «Каждый должен проявлять социальную ответственность, вносить посильный вклад в развитие общества и государства» [1].

Основная часть. Современная легитимация права на труд осуществляется посредством его отражения в общепринятых международно-правовых стандартах и внутригосударственном законодательстве. Универсальные по своему характеру положения Всеобщей декларации прав человека в ст. 23.1 устанавливают, в частности, что «...каждый человек имеет право на труд, на свободный выбор работы, на справедливые и благоприятные условия труда и на защиту от безработицы» [2, с. 86–92]. Несмотря на то, что положения Всеобщей декларации прав человека не имеют императивного характера, следует согласиться с Э.М. Аметистовым, по мнению которого «... моральный авторитет Декларации позволил ей оказать несомненное влияние не только на национальное право, но и на ряд международно-правовых документов договорного характера, посвященных вопросам труда» [3, с. 65]. Международный пакт о социально-экономических правах 1966 г. (далее – Пакт) не только констатирует право на труд среди перечня признаваемых в качестве неотъемлемой принадлежности индивиду прав, но и фиксирует возникающие в связи с этим обязательства по обеспечению его реализации. Так, ст. 6 закрепляет, что участвующие в Пакте государства признают право на труд, которое включает право каждого человека на получение возможности зарабатывать себе на жизнь трудом, который он свободно выбирает или на который он свободно соглашается, и предпримут надлежащие шаги к обеспечению этого права [4]. Основным закон белорусского государства гарантирует право на труд в ст. 41, указывая, в частности, что именно труд выступает «...наиболее достойным способом самоутверждения человека».

Конституализация права на труд в историческом аспекте может рассматриваться как традиционная норма белорусского законодательства, различия имеет лишь смысловая нагрузка, вкладываемая в категории «труд» и «свобода труда» с учетом специфики социально-экономической и политической формации. Так, Конституция Советской Социалистической Республики Белоруссия (ССРБ) 1919 г., представляя собой документ, достаточно сжато излагающий основы государственности и взаимоотношений общества и личности, в ст. 12 декларировала, что ССРБ признает труд обязанностью всех граждан Республики и провозглашает лозунг: «Не трудящийся да не ест» [5, с. 159]. Конституция БССР 1927 г., опубликованная, как того требовала ст. 23 Основного закона, на четырех языках (русском, белорусском, польском и еврейском), в ст. 7 также закрепляла признание труда обязанностью всех граждан, считая охрану труда своей особо важной задачей [6]. Конституция БССР 1937 г. в ст. 12 более подробно рассматривала труд как обязанность и дело чести каждого способного к труду гражданина, декларируя принципы «кто не работает, тот не ест»; «от каждого по его способности – каждому по его труду» [7]. Статья 14 Конституции БССР 1978 г. содержала более подробную регламентацию трудового участия граждан в строительстве государственности: «Источником роста общественного богатства благосостояния народа и каждого советского человека является свободный от эксплуатации труд советских людей. В соответствии с принципом социализма «От каждого – по способностям, каждому – по труду» государство осуществляет контроль за мерой труда и потребления. Оно определяет размер налога на доходы, подлежащие налогообложению. Общественно полезный труд и его результаты определяют положение человека в обществе. Государство, сочетая материальные и моральные стимулы, поощряя новаторство, творческое отношение к работе, способствует превращению труда в первую жизненную потребность каждого советского человека» [8]. Действующая Конституция Республики Беларусь 1994 г. впервые в истории страны говорит непосредственно о праве на труд (ст. 41): «Гражданам Республики Беларусь гарантируется право на труд как наиболее достойный способ самоутверждения человека, то есть право на выбор профессии, рода занятий и работы в соответствии с призванием, способностями, образованием, профессиональной подготовкой и с учетом общественных потребностей, а также на здоровые и безопасные условия труда».

Конституционно закрепленное право на труд более детально урегулировано в отраслевом законодательстве. Так, ст. 11 Трудового кодекса Республики Беларусь (далее – ТК), посвященная правам работника, называет в числе первых право на труд как наиболее достойный способ самоутверждения человека, что означает право на выбор профессии, рода занятий и работы в соответствии с призванием, способностями, образованием, профессиональной подготовкой и с учетом общественных потребностей, а также на здоровые и безопасные условия труда [9].

Проблема конфликта абсолютного права на труд и отстранения работника от работы по решению нанимателя с общефилософских позиций выражает соотношение границ свободы и необходимости, иллюстрируя взаимоотношение между деятельностью людей и объективными законами социума, формально зафиксированными в нормативных актах [10, с. 323–324]. Приоритет обеспечения прав и свобод личности не может гарантировать абсолютное отсутствие их ограничений в случае конфликта общественных интересов и интересов индивида. Указанное вытекает из смысла ст. 23 Конституции Республики Беларусь, на основании которой ограничение прав и свобод личности допускается только в случаях, предусмотренных законом, в интересах национальной безопасности, общественного порядка, защиты нравственности, здоровья населения, прав и свобод других лиц.

В литературе отмечается, что свобода труда также отнюдь не безгранична. В сфере применения наемного труда ограничения свободы труда, по мнению Е.В. Краснояровой, – это «... специальные правила, нормы дифференциации, призванные ограничить труд отдельных категорий работников в силу различных обстоятельств: в зависимости от состояния здоровья и возраста работников, инвалидности, специфики трудовой функции, характеристики условий труда, психофизиологических особенностей организма, природно-климатических условий и т. д. В одних случаях эти ограничения продиктованы заботой государства о лицах, нуждающихся в особой социальной защите; в других, – защитой интересов государства, общества...» [11, с. 21].

Уяснение понятия и содержания категории «отстранение от работы» невозможно без анализа этимологии термина. Значение слова «отстранение» определяется по глаголу «отстранять», который, в свою очередь, может употребляться в русском языке в нескольких значениях: отвести от себя в сторону; освободить от должности; освободить от исполнения каких-либо обязанностей [12]. Толковый словарь В.И. Даля, кроме перечисленных выше, содержит такое значение слова «отстранить», как «отказавшись, освободить, избавить себя от чего-нибудь» [13]. Старославянский термин «работа» (от «orbъ» – «раб»), первоначально означавший подневольный, тяжелый труд, согласно разъяснениям энциклопедического словаря И.А. Евфрона, к XVII в. трансформировался в своем значении в собирательное понятие трудовой деятельности, труда [14] и в современном понимании аналогичен таким смысловым оборотам, как «профессиональная деятельность», «занятие», «служба».

Кодексы законов о труде РСФСР 1918 г. и 1922 г., действие которых в рассматриваемый временной срез распространялось на территорию Белорусской ССР, делая акцент на трудовой повинности, категорию отстранения от работы не рассматривают, оговаривая лишь, что «... в исключительных случаях, когда это необходимо для предотвращения угрожающей опасности, нанявшемуся может быть поручена работа другого рода, хотя бы и не соответствующая его квалификации» [15], [16], что с большой долей условности может оцениваться как отстранение от той работы, которая, собственно, создает угрозу опасности. В КЗоТ Белорусской ССР 1972 г. отстранению от работы была посвящена самостоятельная ст. 38 (гл. 3 «Трудовой договор») [17]. Национальное трудовое законодательство советского периода включало три основания отстранения от работы: 1) требование уполномоченных государственных органов; 2) появление работника на работе в нетрезвом состоянии (а в последующем также – в состоянии наркотического или токсического опьянения); 3) задержание по месту работы в момент совершения кражи (обратим внимание, что иные формы хищения в качестве основания отстранения от работы КЗоТ Белорусской ССР не рассматривал). В момент введения КЗоТ Белорусской ССР в силу текст ст. 38 включал два основания: предложение уполномоченных органов и нетрезвое состояние рабочего (служащего), появившегося на работе. Понятие рассматриваемой правовой категории, а также организационно-правовая процедура отстранения работника от работы как в первоначальной редакции Кодекса, так и в последующем на легальном уровне не закреплялась. Отсутствие детального регулирования на уровне трудового законодательства способствовало тому, что данная мера некоторыми авторами рассматривалась в качестве административного взыскания даже при отсутствии его упоминания в Кодексе об административных правонарушениях [18, с. 67]. В настоящее время отраслевая принадлежность категории отстранения от работы к сфере регулирования трудового законодательства не является предметом дискуссии.

Действующий ТК в ст. 1, разъясняя основные термины и понятия, не раскрывает дефиниции «работа», «отстранение от работы», однако вводит рассматриваемую категорию непосредственно в текст кодифицированного акта. Так, согласно ч. 1 ст. 49 ТК, «отстранением от работы является временное недопущение работника к исполнению своих трудовых обязанностей в связи с обстоятельствами, предусмотренными настоящей статьей». Сопоставив легальное определение категории «отстранение от работы» и понимание категории «прекращение трудового договора» представляется возможным сделать вывод о не совсем верном подходе к легальному закреплению института отстранения работника от работы с точки зрения внутренней логики нормативного акта и юридической техники законотворчества. Рассматривая отстранение от работы как временную меру, не влекущую обязательное прекращение трудового договора и, как правило, направленную на предупреждение возможных негативных последствий нарушения работником установленных положений трудового законодательства и локальных правовых актов, ТК не содержит требований завершения трудовых правоотношений между работником и нанимателем. Речь идет об определенном периоде, временном промежутке, в течение которого работник по решению нанимателя не выполняет трудовую функцию, под которой понимается работа по одной или нескольким должностям служащих (профессиям рабочих) с указанием квалификации в соответствии со штатным расписанием, должностной (рабочей) инструкцией, технологическими картами и другими документами (ст. 1 ТК). При этом физически работник может продолжать оставаться «на работе», то есть на территории организации, ее структурного подразделения, где фактически осуществляется выполнение работником своей трудовой функции. С учетом вышесказанного представляется возможным говорить о временном изменении трудовых правоотношений, в связи с чем норма об отстранении от работы более логично размещалась бы в гл. 3 ТК «Изменение трудового договора». Более того, поскольку ТК не раскрывает термин «работа», но вводит дефиницию «трудовая функция», представляется более точным говорить об отстранении работника от выполнения трудовой функции, в силу чего представляется целесообразным предложить изменения в наименование статьи и ее нумерацию в следующей форме «Статья 34¹. Отстранение от выполнения трудовой функции».

Обратим более подробное внимание на одно из оснований отстранения от работы, в частности, на отстранение по требованию уполномоченных государственных органов в случаях, предусмотренных законодательством (ч. 4 ст. 49 ТК).

Решение соответствующего уполномоченного государственного органа об отстранении работника от работы (службы) независимо от формы его внешнего выражения (постановление, представление, предписание, решение, определение) является обязательным для нанимателя.

Отстранение работника от работы по данному основанию реализуется при одновременном наличии двух факторов: 1) требование уполномоченных государственных органов; 2) случаи, предусмотренные законодательством.

В частности, наряду с иными случаями, предусмотренными различными актами законодательства, работник отстраняется, если он имеет статус подозреваемого или обвиняемого по уголовному делу, о чем говорит ст. 131 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь (далее – УПК) «Временное отстранение от должности», что относится к так называемым иным мерам процессуального принуждения (гл. 14 УПК), применяемым в целях обеспечения предусмотренного УПК порядка предварительного расследования и судебного разбирательства уголовного дела, надлежащего исполнения приговора наряду с такими мерами, как обязательство о явке, привод, наложение ареста на имущество, временное ограничение права на выезд из Республики Беларусь [19]. Отстранение от должности в уголовно-процессуальном смысле несколько отличается от его понимания в трудовом законодательстве. Так, согласно ч. 2 ст. 131 УПК, отстранение от должности заключается в запрещении подозреваемому или обвиняемому исполнять должностные полномочия, выполнять работу, которую они выполняли, или заниматься деятельностью, которой они занимались, о чем выносится соответствующее постановление (определение), подлежащее немедленному исполнению. При этом согласно ч. 1 ст. 40 УПК, подозреваемым является физическое лицо, задержанное по подозрению в совершении преступления, либо лицо, в отношении которого органом уголовного преследования возбуждено уголовное дело или вынесено постановление о:

1) применении меры пресечения до вынесения постановления о привлечении его в качестве обвиняемого; 2) признании подозреваемым. Понятие обвиняемого формулирует ст. 42 УПК: это физическое лицо, в отношении которого вынесено постановление о привлечении в качестве обвиняемого. По делам частного обвинения обвиняемым является физическое лицо, относительно которого судом принято заявление о совершенном им преступлении.

Правом применения временного отстранения от должности наделены прокурор, его заместитель либо Председатель Следственного комитета Республики Беларусь, Председатель Комитета государственной безопасности Республики Беларусь или лица, исполняющие их обязанности, а также следователь с санкции прокурора или его заместителя либо суд, если есть достаточные основания полагать, что, оставаясь в должности, подозреваемый или обвиняемый будут препятствовать предварительному расследованию и судебному разбирательству уголовного дела, возмещению причиненного преступлением вреда или продолжать заниматься преступной деятельностью, связанной с пребыванием в этой должности. Для принятия процессуального решения об отстранении от должности лиц, должности которых включены в кадровый реестр Главы государства Республики Беларусь, необходимо согласие Президента Республики Беларусь.

Временно отстраненные от должности подозреваемый или обвиняемый имеют право на ежемесячное государственное пособие, если они не занимаются иной оплачиваемой деятельностью. В случае применения в отношении подозреваемого или обвиняемого, временно отстраненных от должности, меры пресечения в виде заключения под стражу, выплата ежемесячного государственного пособия приостанавливается.

Временное отстранение от должности отменяется определением суда либо постановлением судьи, прокурора или его заместителя, либо постановлением Председателя Следственного комитета Республики Беларусь, Председателя Комитета государственной безопасности Республики Беларусь или лиц, исполняющих их обязанности, либо постановлением следователя с согласия прокурора или его заместителя, когда в этой мере отпадает необходимость.

Отстранение от должности лиц, должности которых включены в кадровый реестр Главы государства Республики Беларусь, отменяется только с согласия Президента Республики Беларусь, если указанные лица в установленном порядке не освобождены от должности.

Постановление (определение) об отмене временного отстранения подозреваемого или обвиняемого от должности направляется по месту их работы (службы).

В нормах уголовно-процессуального и трудового законодательства не конкретизируются ограничения, связанные с применением временного отстранения от должности, хотя на наш взгляд, с учетом целей применения мер процессуального принуждения (обеспечения предусмотренного УПК порядка предварительного расследования и судебного разбирательства уголовного дела) представляется актуальным установить в ст. 131 УПК такие из них, как запрет нахождения на территории организации, где работает подозреваемый, обвиняемый; запрет взаимодействия с определенными лицами из числа коллег и подчиненных в форме личного общения, отправки любых видов корреспонденции, ведения переговоров с использованием любых средств связи, в том числе социальных сетей и мессенджеров. Обязанность контроля за соблюдением указанных запретов целесообразно возложить на администрацию организации.

Заключение. Для повышения эффективности действующего законодательства и усиления контролирующего воздействия уголовно-процессуального закона целесообразна легальная реализация сформулированных в данной статье предложений.

Литература

1. Конституция Республики Беларусь, 15 марта 1994 г. [Электронный ресурс] : принята на республик. реф. 24 нояб. 1996 г., 17 окт. 2004 г., 27 фев. 2022 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2024.
2. Всеобщая декларация прав человека : принята Генер. Ассамблеей ООН, 10 дек. 1948 г. // Международное право в документах : Учеб. пособие / Сост.: Н. Т. Блатова, Г. М. Мелков. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : ИНФРА-М, 1997. – С. 86–92.
3. Аметистов, Э. М. Международное право и труд. Факторы имплементации международных норм о труде / Э. М. Аметистов. – М. : Междунар. отношения, 1982. – 272 с.

4. Международный пакт о социальных, экономических и культурных правах [Электронный ресурс] : принят Генеральной Ассамблеей ООН, 16 дек. 1966 г. : ратифицирован Указом Президиума Верховного Совета Белорусской ССР, 5 октября 1973 г. «О ратификации Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах и Международного пакта о гражданских и политических правах»: вступил в силу для Белорусской ССР 3 января 1976 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2024.

5. Конституция (Основной закон) Советской Социалистической Республики Белоруссия : утверждена постановлением I Всебелорусского Съезда Советов, 4 февраля 1919 г. // История Советской Конституции 1917–1956 гг. – М., 1957. – С. 187–190.

6. Конституция (Основной закон) Белорусской Советской социалистической Республики [Электронный ресурс] : принята на VIII Всебелорусском Съезде Советов Рабочих, Крестьянских и Красноармейских Депутатов, 11 апреля 1927 г. // Официальный правовой Интернет портал Республики Беларусь. Помнікі гісторыі права Беларусі. – Режим доступа : <https://pravo.by/pravovaya-informatsiya/pomniki-gistoryi-prava-belarusi/>. – Дата доступа : 01.03.2024.

7. Конституция (Основной закон) Белорусской Советской социалистической Республики [Электронный ресурс] : принята XII Чрезвычайным съездом Советов, 19 февраля 1937 г. // Официальный правовой Интернет портал Республики Беларусь. Помнікі гісторыі права Беларусі. – Режим доступа : <https://pravo.by/pravovaya-informatsiya/pomniki-gistoryi-prava-belarusi/>. – Дата доступа : 01.03.2024.

8. Конституция (Основной закон) Белорусской Советской социалистической Республики (с изменениями и дополнениями от 21 июня 1979 г. и 27 октября 1989 г.) [Электронный ресурс] : принята на внеочередной девятой сессии Верховного Совета БССР девятого созыва 14 апреля 1978 г. // Официальный правовой Интернет портал Республики Беларусь. Помнікі гісторыі права Беларусі. – Режим доступа : <https://pravo.by/pravovaya-informatsiya/pomniki-gistoryi-prava-belarusi/>. – Дата доступа : 01.03.2024.

9. Трудовой кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 26 июля 1999 г., № 296-3 : принят Палатой представителей 8 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 30 июня 1999 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2024.

10. Философский словарь / Под ред. И. Т. Фролова. – 5-е изд. – М. : Политиздат, 1986. – 590 с.

11. Красноярова, Е. В. Свобода труда и ее ограничения в сфере применения наемного труда / Е. В. Красноярова // Пролог law. – 2014. – № 2. – С. 20–24.

12. Словарь русского языка : в 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований ; под ред. А. П. Евгеньевой. – 4-е изд., стер. – М. : Рус. яз. ; Полиграфресурсы, 1999. – Т. 4. – 231 с.

13. Толковый словарь живого великорусского языка / Сост. В. И. Даль. – М. : Госу. изд-во иностранных и национальных словарей, 1955. – 780 с.

14. Энциклопедический словарь : в 82 т. / Под ред. К. К. Арсеньева, О. О. Петрушевского. – СПб. : Типо-литограф. И.А. Ефрона, 1897. – Т. 30. – 480 с.

15. Кодекс законов о труде РСФСР : принят ВЦИК, 10 декабря 1918 г. // Собр. узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьян. Правительства. – 1918. – Отд. 1. – № 87–88. – Ст. 905.

16. Кодекс законов о труде РСФСР издание 1922 г. : принят на IV сес. 9 нояб. 1922 г. : введ. в действие постановлением ВЦИК 9 нояб. 1922 г. // Собр. узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьян. Правительства. – 1922. – Отд. 1. – № 70. – Ст. 903.

17. Кодекс законов о труде Белорусской ССР [Электронный ресурс] : утв. Законом Белорусской ССР, 23 июня 1972 г. // Официальный правовой Интернет портал Республики Беларусь. Помнікі гісторыі права Беларусі. – Режим доступа : https://pravo.by/ImgPravo/pdf/sm_full.aspx_guid=1712331479454846.pdf/. – Дата доступа : 01.03.2024.

18. Бахрах, Д. Н. Советское законодательство об административной ответственности. Учеб. пособ. / Д. Н. Бахрах ; редкол.: Е. А. Голованова, И. М. Кислицын, Е. А. Коваленко [и др.]. – Пермь, 1969. – 319 с.

19. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 16 июля 1999 г., № 295-3 : принят Палатой представителей 24 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 30 июня 1999 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2024.

Federal Assembly of the Russian Federation and parliamentary control bodies as objects of public control

V.V. GONCHAROV

This article is devoted to the public legal analysis of the Federal Assembly of the Russian Federation and the parliamentary control bodies as objects of public control. The author analyzes the main features of the formation and functioning of the Federal Assembly of the Russian Federation, as well as the system of its powers. This article formalizes and examines the main topical issues related to the organization and implementation of public control over the activities of the Federal Assembly of the Russian Federation, as well as the parliamentary control bodies. The author has developed and justified a system of measures to resolve these problems, including by making appropriate changes and additions to the legislation of Russia.

Keywords: Federal Assembly, Russian Federation, bodies, parliamentary control, public control, objects, subjects, Commissioner, Accounts Chamber, democracy.

Данная статья посвящена публично-правовому анализу Федерального собрания Российской Федерации и органов парламентского контроля как объектов общественного контроля. Автор анализирует основные особенности формирования и функционирования Федерального собрания Российской Федерации, а также систему его полномочий. В данной статье формализуются и рассматриваются основные актуальные вопросы, связанные с организацией и осуществлением общественного контроля за деятельностью Федерального собрания, а также органов парламентского контроля. Автором разработана и обоснована система мер по решению этих проблем, в том числе путем внесения соответствующих изменений и дополнений в законодательство России.

Ключевые слова: Федеральное собрание, Россия, органы, парламентский контроль, общественный контроль, объекты, субъекты, уполномоченный, Счетная палата, демократия.

Introduction. As a number of authors rightly point out, an important place in the system of objects of public control that belongs to the federal bodies of state power in the Russian Federation is occupied by the Federal Assembly of the Russian Federation, as well as the parliamentary control bodies [1, p. 2–5], [2, p. 186–188], [3, p. 28–33]. Thanks to this institute of Russian civil society, the citizens of the country, as well as the public associations and other numerous non-governmental non-profit organizations, have the opportunity to participate in the organization and implementation of measures to monitor the activities, acts and decisions of public authorities, as well as other objects of public control. This circumstance determines the special relevance, scientific and practical significance of this topic of the scientific research.

This article uses a number of methods of scientific research, in particular: comparative-legal; historical-legal; formal-logical; statistical; sociological, as well as a number of others.

The main part. The importance of the Federal Assembly of the Russian Federation and the parliamentary control bodies is due to a number of reasons.

Firstly, the Federal Assembly, consisting of two chambers (the lower one is the State Duma, and the upper one is the Federation Council), is not only the federal legislative body of state power, but also the highest representative body of state power in the country, since most its members (deputies of the State Duma) are elected directly by the population, and a significant part of the senators are elected or appointed by the federal bodies of state power (the President of the Russian Federation) or the regional bodies of state power (regional parliaments, as well as the heads of executive power – the heads of the subjects of the Russian Federation). In this regard, the Federal Assembly has a dual status. On the one hand, it consists of representatives of the people elected by them directly (State Duma) or indirectly (Federation Council), and on the other hand, the delegated powers need optimal, constant and effective control on the part of voters, who have endowed their representatives with such important powers.

Secondly, the Federal Assembly, according to the Constitution of Russia, is endowed with enormous powers, which can be conditionally reduced to several groups: 1) to form the basis of the legislation of the Russian Federation by adopting federal laws and federal constitutional laws; 2) to

participate in the formation of a number of federal bodies of state power (for example, the Accounts Chamber of the Russian Federation), as well as in the appointment of individual officials of the federal level (in particular, the Prosecutor General of the Russian Federation); 3) to participate in the procedure for declaring war and giving consent to the President of the Russian Federation for the use of the Armed Forces of the Russian Federation outside Russia; 4) to express no confidence in certain federal bodies of state power (the Government of the Russian); 5) to remove from the office of the head of state; 6) to independently appoint the federal officials related to parliamentary oversight bodies (the Commissioner for Human Rights in the Russian Federation); 7) to declare amnesty; 8) to approve the federal budget, as well as the report on its implementation; 9) to introduce taxes, fees, fines, penalties, other mandatory payments from individuals and legal entities, etc. Thus, the powers of the Federal Assembly affect almost all aspects of the life of Russian society and the state, the rights, freedoms and legitimate interests of individuals and legal entities, public authorities (public authorities and local governments). In this regard, civil society should ensure comprehensive public control over activities related to the implementation of these powers in order to prevent, on the one hand, violations of the current legislation, and on the other hand, infringement of the rights, freedoms and legitimate interests of individuals and legal entities, public authorities.

Thirdly, the special significance of the Federal Assembly lies in the fact that only in this federal body of state power there is an upper chamber (the Federation Council), whose dissolution, in principle, is not provided for by the Constitution of the Russian Federation and current legislation. While any other federal government bodies and their officials (including, for example, the Prosecutor General of the Russian Federation, judges of the Supreme and Constitutional Courts of the Russian Federation, the head of state, members of the Government of the Russian Federation) may be dismissed, dissolved, removed from positions temporarily suspended from the performance of their duties. In this regard, a situation arises when the upper house of the Federal Assembly is virtually beyond the control of any public authority. Moreover, due to the fact that senators have immunity from criminal and administrative prosecution, which can only be lifted by the Federation Council itself, the possibilities of law enforcement agencies in terms of control over the activities of senators are also significantly narrowed. In this regard, the need for the organization and implementation of constant and effective public control over the activities of the upper house of the Federal Assembly by public control bodies is growing.

Fourthly, the Federal Assembly is elected for a fairly long term. In particular, the deputies of the State Duma – for five years, and the senators both for the term of office of the person who elected (appointed) them to the post of senator, and for life, which gives particular relevance in terms of the need to organize and ensure the activities of the Russian parliament on the part of civil society represented by the public control bodies.

Fifthly, the necessity of organizing and exercising public control over the parliamentary control bodies, in particular, the Commissioner for Human Rights in the Russian Federation, is acquiring great importance. It should not be forgotten that this official is not elected directly by the people, but receives powers from the State Duma of the Federal Assembly that elects him or her. In this regard, its activities require close monitoring by civil society. Moreover, the activities of some human rights commissioners in the Russian Federation were clearly politically biased (in particular, S.A. Kovalev, O.O. Mironov) [4, p. 15–19], [5, p. 15–19], [6, p. 194–196], since candidates for this position are nominated and elected by deputies who are part of the parliamentary majority, which can be represented either by one political party (as in the modern composition of the State Duma) or by a coalition of several political parties (which was typical in the first convocations of the State Duma before the United Russia political party received the majority of seats in the State Duma).

The Russian parliament – the Federal Assembly – is a government body with a relatively young history. The Russian Federation, having gained independence and state sovereignty at the end of 1991, did not immediately move from the institution of the Supreme Council to the modern institution of parliamentarism, based on democratic legal principles of separation of powers, legality, federalism, etc.

It took almost two years of heated political debate, which ended with the shooting of the Supreme Soviet of the Russian Federation, its dissolution, as well as the adoption of a new Constitution of the Russian Federation, thanks to which Russia has finally moved from the omnipotence of soviets at all levels, which lasted almost three quarters of a century, to a democratic system of organizing power based on the principle of separation of powers.

Over its short political history (less than thirty years), the Federal Assembly of the Russian Federation has repeatedly changed the principles of forming its chambers, the number of members of the Federation Council (now – senators), the term of office of deputies of the State Duma of one convocation, the duration of the term of office of senators, as well as the very powers of both chambers of the Parliament of the Russian Federation.

Thus, the deputies of the State Duma and members of the Federation Council of the first convocation were elected almost identically – directly by the population. Starting from the second convocation, the procedure for forming the Federation Council was changed – it began to include the heads of the legislative and executive branches of power of the constituent entities of the Russian Federation (heads of regional parliaments and heads of regions). Subsequently, the practice of persons combining the status of regional elected officials with the status of a member of the Federation Council was recognized as inconsistent with such principles of organization and activity of state authorities as separation of powers and federalism. Therefore, representatives of the regions began to be elected (appointed, approved) for office by regional parliaments and the heads of the executive authorities of the constituent entities of the Russian Federation (heads of regions).

Further reform of the formation of the Federation Council entailed the inclusion of new varieties of members of the Federation Council. In addition to the two categories of senators elected by the regional government bodies, two more categories of senators have emerged – those appointed by the head of state, including those who are appointed for life, as well as former Presidents of the Russian Federation, who can hold the post of senator for life at will (today, with such a status only 2 citizens of the Russian Federation possess – Putin Vladimir Vladimirovich and Medvedev Dmitry Anatolyevich, and the latter has not yet exercised this right).

The powers of the Federation Council also underwent fundamental changes, which were significantly narrowed (especially in the light of the amendments made to the Constitution of the Russian Federation at a popular vote in July 2020). In the course of these amendments, the Federation Council, in particular, lost the right to appoint to the post of the Prosecutor General of the Russian Federation – this authority passed to the President of the Russian Federation.

Since 1993, the electoral legislation concerning the election of deputies of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation has been changed many times. The legislation on political parties was radically changed. Changes were also made to the very Constitution of the Russian Federation, concerning the institution of the lower house of the Russian parliament.

As a result of these reforms, only political parties retained the right to nominate candidates for the position of State Duma deputies on the federal list. At the same time, political parties represented in the Russian parliament or regional parliaments enjoy a number of preferences (for example, candidates from these parties do not need to collect voters' signatures to be nominated for deputies). The parliamentary parties themselves began to receive financial support from the federal budget, proportional to the number of votes cast for a political party in the last federal elections.

Candidates nominated for the position of State Duma deputies in single-mandate constituencies are also not placed on an equal footing. Some of them, nominated by political parties represented in the State Duma and regional parliaments, are relieved of the need to collect voters' signatures in support of their nomination in elections within a single-mandate constituency. The rest of the candidates are forced to collect signatures of voters in support of their nomination.

At present, the term for which deputies of the State Duma are elected (from four to five years) has also been significantly expanded (compared to the original). However, the changes and additions made to the Constitution of the Russian Federation in the summer of 2020, as well as in the case of the Federation Council, significantly narrowed the powers of the State Duma.

So, for example, the Accounts Chamber of the Russian Federation has lost the status of a parliamentary control body, since, according to the modern version of the Constitution of the Russian Federation, candidates for the position of Chairman of the Accounts Chamber of the country, his or her deputy, as well as auditors, can be submitted to the Federal Assembly only by the President of the Russian Federation, which makes this the body is not a parliamentary body, but a presidential oversight body (since the very procedure of uncontested election of auditors of the Accounts Chamber in fact makes the powers of the chambers of the Federal Assembly in the formation of this federal body of state power a fiction).

At present, the organization and implementation of public control over the chambers of the Federal Assembly of the Russian Federation, as well as the parliamentary control bodies (in particular, the Commissioner for Human Rights in the Russian Federation), are associated with a number of problems of both objective and subjective nature.

Firstly, a significant problem in the organization and implementation of public control over the activities of the State Duma deputies and members of the Federation Council of the Federal Assembly is the parliamentary and senatorial immunity of the deputies themselves, senators, their correspondence, etc. So, according to the Constitution of the Russian Federation, as well as Article 19 of the Federal Law of 08.05.1994 № 3-FL «On the status of a senator of the Russian Federation and the status of a deputy of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation», the immunity of a senator of the Russian Federation, a deputy of the State Duma applies to residential and office premises, personal and official vehicles used by them, means of communication, documents and luggage belonging to them, for their correspondence. Thus, the subjects of public control have virtually no access to any information and any documents related to the activities of deputies of the State Duma and senators of the Federation Council. Consequently, the conduct of public control measures by the subjects of public control in relation to both the activities of an individual deputy of the State Duma or a senator of the Federation Council, which are based primarily on working with documents and information, will be impossible without the consent of the deputy (senator) herself.

Secondly, an important problem in organizing and exercising public control over the activities of State Duma deputies and senators of the Federation Council is limited access to the building of the State Duma and the Federation Council. At the same time, neither Federal Law of 08.05.1994 № 3-FL «On the status of a senator of the Russian Federation and the status of a deputy of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation», nor Federal Law of 21.07.2014 № 212-FL «On the fundamentals of public control in the Russian Federation» does not contain a mechanism that would secure free access for representatives of the subjects of public control to the buildings and premises of both the State Duma and the Federation Council itself, and to the premises of public reception rooms for deputies and senators. The practice of access of individuals to the buildings of the Federation Council and the State Duma is such that this access is provided only by decision of individual deputies and senators, or the leadership of the Federation Council and the State Duma. This also applies to the participation of representatives of civil society in plenary sessions of the Federation Council, as well as the State Duma, the work of committees and commissions, parliamentary factions and deputy groups.

Thirdly, a significant problem in organizing and exercising public control over the activities of deputies of the State Duma and members of the Federation Council is the fact that the deputy mandate (and in many respects senatorial) is imperative in nature, in which the recall of a deputy by voters is not possible. And, consequently, public control bodies, on the one hand, cannot participate in this process, on the other hand, initiate this process, and, inform voters in a timely manner about the activities of the State Duma deputies that violate the current legislation, rights, freedoms and the legitimate interests of both the citizens of the Russian Federation themselves and other associations. In addition, it seems that a deputy of the State Duma and a senator of the Federation Council, in principle, cannot be deprived of the powers of a senator or a deputy, respectively, if they ignore the legal actions of subjects of public control (for example, upon request for information about their activities, any documents). This circumstance completely blocks the possibility of realizing operational full and comprehensive control of the subjects of public control over the activities of the State Duma deputies and the senators of the Federation Council of the Federal Assembly of the Russian Federation.

Fourthly, a significant problem in the mechanism of organizing and exercising public control over the activities of the deputies of the State Duma and the senators of the Federation Council is not the possibility or the difficult nature of bringing the deputies of the State Duma, as well as the members of the Federation Council, accountable for actions (inaction) that impeded the legal activities of public control bodies, including not providing information, not allowing access to buildings, etc.

Fifthly, a significant problem is the dilemma about the possibility of exercising public control over the activities of the State Duma deputies and the members of the Federation Council, concerning work with voters, for example, receiving voters, reporting to voters, representing their interests in public authorities, including law enforcement agencies. Moreover, opposition to legal activities

of representatives of subjects of public control can be carried out in the form of administrative offenses, as well as crimes. The presence of parliamentary and senatorial immunity from criminal and administrative prosecution (which to overcome requires a decision of the Federation Council or the State Duma, respectively, by a majority vote), creates a significant obstacle to the organization and implementation of public control on a permanent basis.

Sixthly, the problem in the organization and implementation of public control over the activities of deputies of the State Duma and members of the Federation Council is the fact that the definition of acceptable forms, methods, types of public control measures from among those proposed by Federal Law of 21.07.2014 № 212-FL «On the Basics of public Control in the Russian Federation» acts as a certain dilemma. The Federal Assembly and the parliamentary control bodies have not been removed from the jurisdiction of Federal Law № 212-FL. At the same time, this Federal Law does not contain any specific forms, methods, types of public control and its measures (as well as for other objects of public control). And the forms, methods, and types of public control enshrined in the aforementioned Federal Law do not take into account the specifics of the powers of the State Duma and the Federation Council, the absence of deputies and senators of deputy (senatorial) immunity, which, moreover, extends to their personal and office premises, correspondence, telephone and other messages, etc.

Seventhly, federal laws and federal constitutional laws regulating the activities of the parliamentary control bodies, for example, Federal Constitutional Law of 26.02.1997 № 1-FCL «On the Commissioner for Human Rights in the Russian Federation» do not contain any mention of the possibility of organizing and implementing public control over the activities of parliamentary control bodies. Moreover, the point of view is extremely widespread in the scientific and educational literature, according to which the very institution of the Ombudsman in the Russian Federation (together with the institution of human rights ombudsmen in the constituent entities of the Russian Federation) is regarded as the most important institution of civil society, [7, p. 151–157], [8, p. 196–200] or as the most important intermediary between power and society [9, p. 7–10], [10, p. 127–130]. Although this federal body of state power is a classic body of parliamentary control, an instrument in the hands of the Federal Assembly in terms of ensuring state control over the activities of other public authorities in terms of the latter's observance of the rights, freedoms and legitimate interests of both citizens of the Russian Federation and foreign citizens, persons without citizenship, as well as public associations. And without proper control on the part of civil society institutions over the activities of the ombudsman institution in the Russian Federation, there is a risk of its use not in accordance with the goals and objectives defined in the above-mentioned Federal Constitutional Law, but as a politically biased instrument of influencing certain public authorities. So, in particular, in the 90s, this institution, represented by the human rights ombudsman in the Russian Federation, S.A. Kovalev was actively used by liberal circles to influence the Armed Forces of the Russian Federation during the armed conflict in the Chechen Republic [11, p. 220–222].

Eighthly, a certain problem in the organization and implementation of public control in relation to the activities of the Federal Assembly of the Russian Federation, as well as parliamentary control bodies, is the lack of certainty regarding the limits of public control in relation to these objects of public control.

Conclusion. It seems that in order to resolve these problems, as well as to organize the provision of comprehensive, effective public control over the activities of the Federal Assembly (including its individual chambers, as well as the deputies of the State Duma and the senators of the Federation Council) and the parliamentary control bodies, a number of measures should be taken.

Firstly, in order to organize effective, comprehensive and constant control of the subjects of public control over the activities of the Federal Assembly (including its individual chambers, as well as the deputies of the State Duma and the senators of the Federation Council), it should be enshrined in the Federal Law of 08.05.1994 № 3-FL «On the status of a senator of the Russian Federation and the status of a deputy of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation» separate provisions on the institution of public control. In these provisions, it is necessary to determine, on the one hand, the limits of public control over the activities of both the individual deputies of the State Duma and the senators of the Federation Council, and the chambers of the Federal Assembly as a whole (including the activities of individual committees and commissions, parliamentary fractions and deputy groups), on the other hand, the system of the duties of the deputies of the State Duma and the senators of the Federation Council, the officials of the chambers of

the Federal Assembly to assist in the organization and conduct of lawful measures of public control. The above provisions should also contain specific forms and methods of exercising public control over the activities of the Federal Assembly, which, on the one hand, would not interfere with the legislative activities of deputies and senators, and on the other hand, their communication with voters. Alternatively, it is possible to envisage specific types of measures of public control over the activities of both the individual deputies of the State Duma and the senators of the Federation Council, and the activities of the chambers of the Federal Assembly (their individual structural subdivisions) as a whole. Such types of measures of public control could be, for example, public reports of the deputies of the State Duma and the senators of the Federation Council to civil society, which should be of a regular nature. Another specific type of public control measures could be public debates of the deputies of the State Duma and the senators of the Federation Council in the media (including social platforms on the Internet) with representatives of subjects of public control. Another important type of public control measures can be the participation of representatives of the subjects of public control in anti-corruption briefings within the framework of the activities of the committees and commissions of the chambers of the Federal Assembly in order to prevent lobbying activities that may violate (infringe) the rights, freedoms and legitimate interests of the citizens of the Russian Federation and their associations. In view of the exceptional importance and significance of the Federal Assembly of the Russian Federation in the system of federal bodies of state power in Russia, as an option, it is possible to remove the organization and implementation of public control from the jurisdiction of the Federal Law of 21.07.2014 № 212-FL «On the Foundations of Public Control in the Russian Federation» by adopting a separate Federal Law «On the Basics of Organization and Implementation of Public Control over the Activities of the Federal Assembly of the Russian Federation». In this Federal Law, it is possible to concentrate all provisions concerning the organization and implementation of public control both in relation to the activities of the Federal Assembly of the Russian Federation itself (both chambers, their committees, commissions, parliamentary factions, senators and deputies), and the activities of parliamentary control bodies.

Secondly, it is necessary to establish in the internal regulations of the State Duma and the Federation Council of the Federal Assembly the duties of the civil servants of the apparatus of the chambers of the Federal Assembly, the assistants to the deputies of the State Duma and the senators of the Federation Council to assist in the organization and implementation of public control measures that will be carried out by representatives of subjects of public control.

Thirdly, it seems necessary to move away from the practice of imperative mandates of deputies of the State Duma of the Federal Assembly by making appropriate amendments to the Constitution of the Russian Federation and Federal Law of 08.05.1994 № 3-FL «On the status of a senator of the Russian Federation and the status of a deputy of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation». An institution should be introduced to recall the deputies of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation by voters. For example, if the number of voters speaks for this decision is more than the given deputy received in the course of the election campaign. If we are talking about the deputies elected according to federal lists of political parties, then for their recall it will be enough that signatures equivalent to 1/450 of the total number of voters in the Russian Federation will be collected for recalling the corresponding deputy. In addition, public control bodies should be given appropriate powers to participate in the procedure for recalling the deputies of the State Duma of the Federal Assembly by voters. For example, in the form of initiating this procedure based on the results of public control measures carried out by the relevant subjects of public control in relation to the activities of the corresponding deputy of the State Duma of the Federal Assembly.

Fourthly, federal laws and federal constitutional laws regulating the activities of parliamentary control bodies should be enshrined, for example, the Federal Constitutional Law of 26.02.1997 № 1-FCL «On the Commissioner for Human Rights in the Russian Federation», provisions on the mechanism of organization and exercising public control over parliamentary control bodies. In these provisions, it is necessary to fix specific forms, methods of public control, as well as certain types of public control measures that can be used by subjects of public control. This will make it possible to promptly respond to any violations of the current legislation both by the deputies of the State Duma, the senators of the Federation Council, as well as the civil servants working in the apparatus of the chambers of the Federal Assembly and the parliamentary control bodies in the Russian Federation.

References

1. Grib, V. V. The Federal Assembly of the Russian Federation as an object of public control / V. V. Grib // *Russian justice*. – 2016. – № 8. – P. 2–5.
2. Goncharov, V. V. On the need to formalize the system of public control in Russian legislation : constitutional and legal analysis / V. V. Goncharov, M. A. Parkashyan, L. A. Spector, E. G. Petrenko // *Law and the State : theory and practice*. – 2023. – № 5 (221). – P. 186–188.
3. Goncharov, V. V. Forms and objects of public control in the Russian Federation : modern problems and ways to solve them / V. V. Goncharov // *Bulletin of the Yanka Kupala Grodno State University*. – 2019. – № 9 (1). – P. 28–36.
4. Pfanenstil, I. A. The Commissioner for Human Rights in the Russian Federation : an object or subject of public control / I. A. Pfanenstil, Ya. A. Baskakova, V. V. Goncharov // *Civil society in Russia and abroad*. – 2020. – № 3. – P. 15–19.
5. Sintsov, G. V. Requirements for the Commissioner for Human Rights in the Russian Federation / G. V. Sintsov, D. E. Feoktistov // *Business in law*. – 2011. – № 3. – P. 15–19.
6. Goncharov, V. V. Institute of Public Control as a guarantee of the realization and protection of constitutional rights and freedoms of citizens of the Russian Federation / V. V. Goncharov, A. D. Malyutin, L. A. Spector, E. G. Petrenko // *Law and State : theory and Practice*. – 2023. – № 5 (221). – P. 194–196.
7. Inalkaeva, K. S. The Commissioner for Human Rights in the Chechen Republic as one of the institutions of civil society : practical aspects / K. S. Inalkaeva, H. H. Bulatov // *Proceedings of the Chechen State University*. – 2019. – № 2 (14). – P. 151–157.
8. Goncharov, V. V. Digital technologies as a tool for improving the economic efficiency of public control measures in Russia / V. V. Goncharov, O. V. Grishchenko, E. G. Petrenko [et al.] // *Law and State : theory and practice*. – 2023. – № 8 (224). – P. 196–200.
9. Kabanov, A. Y. The Commissioner for Human Rights as an intermediary between the government and society (on the example of the Ivanovo region) / A. Y. Kabanov // *On the way to civil society*. – 2012. – № 3–4 (7–8). – P. 7–10.
10. Goncharov, V. V. On the need to organize a system for monitoring the economic efficiency of the activities of subjects of public control in the Russian Federation / V. V. Goncharov, A. V. Cheshin, O. V. Grishchenko [et al.] // *Law and State : theory and practice*. – 2023. – № 6 (222). – P. 127–130.
11. Zakolovorotnaya, O. A. Commissioner for Human Rights : the origins of the formation of the institute / O. A. Zakolovorotnaya // *Young Scientist*. – 2019. – № 48 (286). – P. 220–222.

Политехнический институт (филиал)
ФГБОУ ВО «Донской государственный
технический университет»

Поступила в редакцию 20.01.2024

Правовое регулирование опеки и попечительства на белорусских землях (конец XVIII – начало XX вв.)

Н.В. ДЕНИСЕНКО

В статье рассматривается эволюция законодательства об опеке и попечительстве, действовавшего на белорусских землях в конце XVIII – начале XX вв. Делается вывод о том, что в конце XVIII – начале XIX вв. институты опеки и попечительства продолжали регулироваться Статутом ВКЛ 1588 г. С 1822 г. на белорусских землях деятельность органов опеки стала осуществляться на основе общеимперского законодательства. При этом сохранялись особенности назначения заседателей дворянских опеки. До 1917 г. опека имела сословный характер.

Ключевые слова: опека, попечительство, несовершеннолетние, законодательство, правовое регулирование, белорусские земли, Российская империя.

The article examines the evolution of legislation on guardianship and trusteeship, which was in force in the Belarusian lands in the late 18th – early 20th centuries. It is concluded that in the late 18th – early 19th centuries the institutions of guardianship and trusteeship continued to be regulated by the Statute of the Grand Duchy of Lithuania of 1588. Since 1822, the activities of guardianship authorities on the Belarusian lands began to be carried out on the basis of general imperial legislation. At the same time, the peculiarities of appointing assessors of noble guardianships were preserved. Until 1917, guardianship was class-based.

Keywords: guardianship, trusteeship, minors, legislation, legal regulation, Belarusian lands, Russian Empire.

Введение. В соответствии с ч. 1 ст. 142 Кодекса Республики Беларусь о браке и семье опека и попечительство устанавливаются для воспитания детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, а также для защиты личных неимущественных и имущественных прав и законных интересов этих детей [1]. Современная система органов опеки и попечительства является единой и распространяет свое действие на всех граждан, независимо от их имущественного и социального положения. Однако законодательство Республики Беларусь об опеке и попечительстве прошло долгий путь развития. Рассмотрение правового регулирования институтов опеки и попечительства в исторической ретроспективе поможет проследить эволюцию законодательства и выявить тенденции его развития.

В Российской империи вопросы правового регулирования опеки и попечительства были предметом рассмотрения таких ученых-цивилистов, как Г.Ф. Шершеневич [2], Д.И. Мейер [3], В.И. Синайский [4]. А.И. Загорский изучал данные институты в контексте семейного права [5]. Специальному исследованию правового регулирования опеки и попечительства посвящен труд И.С. Вольмана [6]. В советский период вопросам регламентации института опеки по законодательству Великого княжества Литовского уделял внимание И.А. Юхо [7]. Современные исследователи также изучают историю правового регулирования институтов опеки и попечительства. Так, Е.Н. Селютина исследовала формирование государственной правовой политики Российской империи по призрению несовершеннолетних в XVIII–XIX вв. [8].

Целью данной работы является исследование эволюции законодательства об опеке и попечительстве, действовавшего на белорусских землях в конце XVIII – начале XX вв.

Основная часть. В результате трех разделов Речи Посполитой территория Беларуси вошла в состав Российской империи. В актах, регламентирующих присоединение белорусских земель, говорилось о сохранении особенностей местного права. Это вызвало необходимость систематизировать действовавшее на белорусских землях законодательство. Вследствие этого в 1838 г. был подготовлен проект Свода местных законов западных губерний. Данный Свод, в частности, содержал нормы об опеке над несовершеннолетними. Однако Свод местных законов западных губерний так и не вступил в силу. Это связано с унификацией законодательства, последовавшей после восстания 1830–1831 гг. Тем не менее, в Своде местных законов западных губерний были отражены особенности регламентации института опеки на данной территории. В него были включены нормы Статута ВКЛ 1588 г., сохранившие свое действие после включения белорусских земель в состав Российской империи.

В Статуте ВКЛ 1588 г. институту опеки был посвящен раздел VI «Об опеке»: «...чтобы после смерти родителей несовершеннолетним детям ущерба и разорения имуществу их как недвижимому, так и движимому не было... такие дети несовершеннолетние должны быть под управлением и присмотром опекунов, от родителей назначенных или родственников, либо также установленных до совершеннолетия». Опека устанавливалась над несовершеннолетними лицами мужского пола до 18 лет, женского – до 13 лет [9, разд. VI, арт. 1]. Если и по достижении указанного возраста девушка не выходила замуж, то опека продолжалась [7, с. 115].

В 1785 г. был издан указ, в котором было установлено деление на периоды малолетства и несовершеннолетия и определено, что возраст совершеннолетия наступает в 21 год. После опубликования этот указ получил силу и на территории белорусских земель, присоединенных к Российской империи в 1772 г. На территории других белорусских губерний остался в силе возраст совершеннолетия, установленный Статутом ВКЛ [10], [11, с. 19].

Опекун был обязан сохранять в целостности имущество подопечных «как недвижимое, так и движимое, и то, что бы от длительного хранения детям вред мог быть, те вещи следует превратить в деньги и все для пользы детям осуществлять» [9, разд. VI, арт. 4]. Целью установления опеки было как сохранение имущества детей, так и обеспечение их воспитания: «... опекун, взяв детей, должен их в добропорядочном воспитании и науках содержать...» [9, разд. VI, арт. 4]. Опекун назначался из того сословия, к которому принадлежал опекаемый, поскольку опекун должен были нести повинности с имущества последнего и иметь не меньшую дееспособность, чем собственник, который оставил имущество несовершеннолетнему [7, с. 115-116]. Опекун не мог отчуждать имущество опекаемого [9, разд. VI, арт. 4], [7, с. 116].

В соответствии с арт. 2 разд. VI Статута ВКЛ в случае смерти матери опека над детьми и их имуществом переходила к отцу. Согласно арт. 11 разд. V Статута ВКЛ, если отец умер и не поручил никому опеку, то она переходила к родственникам ребенка. Однако этот же артикул закреплял, что дети должны были оставаться с матерью: дочери до замужества, а сыновья до 7 лет (то есть до начала обучения). Опекуны, в свою очередь, были обязаны предоставлять средства на содержание и воспитание детей на время проживания детей с матерью. Однако мать не имела права отдавать дочь замуж без согласия опекунов [9, разд. V, арт. 11]. Эти нормы были отражены в Своде местных законов западных губерний [12, § 347, 348, 350].

Артикул 3 разд. VI Статута 1588 г. устанавливал очередность призвания родственников к опеке: лица, назначенные таковыми в завещании отца; совершеннолетний старший брат опекаемого; дядя с отцовской стороны; старший по возрасту родственник по линии отца; дяди и другие родственники по линии матери; старшие по возрасту родственницы по отцовской линии; замужние родственницы по линии матери [9, разд. VI, арт. 3]. Артикул 9 разд. V Статута устанавливал обязанность опекунов «прилично» содержать подопечную, «имея при них женщину старую степенную» [9, разд. V, арт. 9].

Обязанности опекунов заключались в «попечении об особе малолетнего» и в «управлении его имуществом» [12, § 344]. Артикулом 4 разд. VI Статута 1588 г. устанавливалась обязанность опекуна принять всё движимое и недвижимое имущество по описи в присутствии должностного лица (возного) и двух шляхтичей, которые являлись родственниками подопечного. В случае отсутствия последних опись осуществлялась при «людях добропорядочных, заслуживающих доверия» [9, разд. VI, арт. 4]. 28 февраля 1817 г. был принят Сенатский указ «О порядке учреждения Дворянских Опеков в Губерниях от Польши присоединенных». В п. 4 данного указа описание имущества и передачу его опекунам предписывалось осуществлять на основании арт. 4 разд. VI Статута ВКЛ 1588 г. с участием «со стороны Поветового Суда Члена онаго Суда» [13].

Сенатский указ от 28 февраля 1817 г. «О порядке учреждения Дворянских Опеков в Губерниях от Польши присоединенных» закреплял также правила производства дел о поступаемых в опекунское управление дворянских имений в Киевской, Волынской, Литовско-Гродненской, Литовско-Виленской, Минской, Подольской, Белорусско-Витебской, Белорусско-Могилёвской губерниях и Белостокской области. К указанным правилам относились, в частности, следующие. Дворянская опека состояла из общего присутствия земского поветового суда под председательством поветового маршала. Опекуны назначались на основании арт. 1 и 3 разд. VI Статута 1588 г. В отношении отчетов опекунов предписывалось руководствоваться, в частности, арт. 4 разд. VI Статута 1588 г. Опекуны были обязаны ежегодно давать отчет поветовому суду после предварительного принесения присяги. Из поветового суда указанные отчеты направлялись в Главный суд (бывший Литовский Трибунал) для рассмотрения. Если в

период нахождения имущества под опекой несовершеннолетний понес убытки, то он имел право по достижении совершеннолетия при сдаче ему имущества предъявлять иск о взыскании этих убытков. В п. 8 данного указа закреплялось, что на основании Статута ВКЛ опекуны имели право «получать 10-й грош с чистого дохода, за всеми издержками» [13]. Таким образом, в соответствии с вышеуказанным актом, опека устанавливалась на основании Статута ВКЛ 1588 г.

29 мая 1822 г. был издан Сенатский указ, в соответствии с которым на «присоединенные от Польши губернии» были распространены правила «о Дворянских Опеках, постановленные для Великороссийских Губерний». В данном указе отмечалось, что присяга опекунов несовместна с ревизией их в самих органах опеки. Кроме того, в документе отмечалось, что указ от 28 февраля 1817 г. был издан без разрешения императора, без чего он не имел силы закона. В связи с этим предписывалось для общего единообразия «во всем, что относится до должности опеки», руководствоваться в «Губерниях, от Польши присоединенных» теми законодательными актами, которые издавались или будут издаваться на «Великороссийские Губернии» [14]. Следовательно, с 1822 г. на белорусских землях деятельность органов опеки стала осуществляться на основе общеимперского законодательства.

Однако Сенатский указ 1822 г. не отменил всей специфики законодательства об опеке, действовавшего на белорусских землях. Такой вывод можно сделать на основании того, что в Свод местных законов западных губерний были включены особенности местного законодательства об опеке. При этом составители свода знали об издании указа 1822 г., поскольку ссылались на него при изложении некоторых параграфов. Так, в своде местных законов западных губерний было закреплено право опекунов на получение вознаграждения в размере 10 % с доходов имущества опекаемого [12, § 367]. Кроме того, включение в Свод местных законов западных губерний норм об оставлении детей до определенного возраста с матерью, об обязанности опекунов предоставлять средства на содержание и воспитание детей на время проживания детей с матерью, об очередности призвания к опеке [12, § 347, 348, 336] и т. д. свидетельствует о сохранении действия указанных норм на белорусских землях.

После отмены действия Статута ВКЛ 1588 г. на белорусских землях получило распространение общеимперское законодательство.

В 1832 г. был издан Свод законов Российской империи, который являлся результатом систематизации действующих законодательных актов. Свод вступал в силу с 1 января 1835 г. Нормы об опеке и попечительстве получили закрепление в книге первой «О правах и обязанностях семейственных» части первой тома X свода законов Российской империи, который назывался «Свод законов гражданских».

В соответствии с российским законодательством различалась опека над «личностью» и опека над имуществом несовершеннолетнего. При жизни родителей опека над «личностью» несовершеннолетнего не устанавливалась, а действовала родительская власть, которая прекращалась только смертью, лишением всех прав состояния и вступлением в монашество [6, с. 48]. Когда не было в живых обоих родителей, то опека устанавливалась над малолетними и их имуществом [6, с. 53].

В исполнении обязанности попечения о личности опекуны пользовались правами личной власти, как и родители [2, с. 760]. Так, опекуны давали согласие на брак опекаемых [15, ст. 6]. Опекун имел право «отыскивать законное удовлетворение» за «личную обиду», нанесенную малолетнему [15, ст. 265]. Опекун обязан был подготовить малолетнего к жизни, которая соответствовала его состоянию, «но всегда трудолюбивой, умеренной, безмятежной» [15, ст. 263], [4, с. 322]. Опекун должен был стараться воспитывать малолетнего «в страхе Божиим, в познании той веры, в которой он родился, в правилах добронравия и удалении от злых примеров». Если малолетний не был отдан в «общественное училище», опекун был обязан отдать его на воспитание «людям добродетельным» или избрать учителей, которые «имели бы в своих познаниях и поведении определенное законами свидетельство». «Для служения» к малолетнему необходимо было определить «только нужных служителей доброго и непорочного поведения» [15, ст. 263].

Управление имуществом опекаемых распространялось не только на имущество, принадлежавшее им в момент учреждения опеки, но и полученное ими впоследствии. При вступлении в свои обязанности опекун должен был прежде всего принять имущество [2, с. 760]. Все движимое и недвижимое имущество малолетнего опекун принимал по описи, составляемой им вместе с членом дворянской опеки или сиротского суда при двух посторонних свиде-

телях [15, ст. 266]. Управляя имуществом подопечного, некоторые действия опекун мог выполнять самостоятельно. Для совершения других действий требовалось разрешение опекунских учреждений, а в предусмотренных законом случаях – Сената [2, с. 761].

В законодательстве Российской империи устанавливалась градация возраста несовершеннолетних: до 14 лет, с 14 до 17 лет, с 17 лет до 21 года [15, ст. 213], [10]. По достижении 14-летнего возраста малолетний мог обратиться с просьбой о назначении ему попечителя «для совета и защиты во всех делах, с такими же качествами, как о опекунах предписано», однако это не влекло увеличения прав несовершеннолетнего по распоряжению имуществом [15, ст. 219]. До 17 лет опекаемый признавался неспособным к юридической деятельности. По достижении несовершеннолетним 17 лет опека переходила в попечительство. Попечительство представляло собой содействие несовершеннолетнему при совершении им юридических действий. Попечитель останавливал действия опекаемого, которые могли нанести ему вред. Подопечный совершал сделки самостоятельно, но с согласия попечителя [2, с. 751]. Попечительство прекращалось с достижением несовершеннолетним 21 года [3, с. 612]. Так как попечитель не осуществлял управление имуществом несовершеннолетнего, то он не обязан был представлять отчеты [5, с. 562].

Опекунами могли быть как родственники или свойственники, так и посторонние лица [15, ст. 254]. Низкую степень участия родственников в качестве опекунов дореволюционный ученый-юрист А.И. Загоровский относил к числу недостатков в организации института опеки в Российской империи. Это участие проявлялось лишь в праве родителей назначать своим детям в завещании опекуна [15, ст. 227], [5, с. 526].

В отношении опекунов устанавливались требования нравственного характера. Так, опекуны назначались из людей, которые своими нравственными качествами давали «надежду к призрению малолетнего в здравии, добронравном воспитании и достаточном по его состоянию содержании», и от которых можно было ожидать «отеческого к малолетнему попечения». Поэтому запрещалось определять опекунами: 1) «расточивших» собственное и родительское имущество, 2) «имеющих явные и гласные пороки», 3) лишенных всех прав состояния или всех особенных прав и преимуществ, 4) известных «суровыми своими поступками», 5) имевших ссору с родителями малолетнего, 6) несостоятельных [15, ст. 256]. Этот перечень не являлся исчерпывающим [2, с. 754]. Проанализировав указанный перечень, можно сделать вывод о том, что он содержал относительные, оценочные понятия, такие как «суровые поступки», «явные и гласные пороки» [5, с. 533].

Законодательство Российской империи выделяло три способа призвания к исполнению опекунских обязанностей: по завещанию, по закону и по назначению [2, с. 755].

В соответствии со ст. 227 «Свода законов гражданских» родители имели право назначить в духовном завещании к остающимся после них малолетним детям и имуществу опекунов по собственному избранию [15, ст. 227]. Право назначать опекунов в завещании имели и усыновители. Такое же право принадлежало посторонним лицам в случае завещания малолетнему имуществу [2, с. 755].

По закону опека над имуществом, дошедшим в собственность малолетним детям, при жизни обоих родителей принадлежала отцу, а также матери, если отец умер [15, ст. 226, 229], [2, с. 755]. Если в завещании опекун не был назначен, а оставшиеся в живых отец или мать этой обязанности на себя не приняли, то опекун назначался государством [15, ст. 231], [2, с. 756].

Для каждого сословия в Российской империи существовали свои органы опеки. Органом, осуществлявшим попечение о несовершеннолетних из дворянского сословия, являлась дворянская опека, которая учреждалась, как правило, в каждом уезде, а в некоторых местах – только в губернии [15, ст. 233], [2, с. 756]. Дворянская опека учреждалась под председательством уездного предводителя дворянства в количестве от двух до четырех членов, назначаемых по выбору дворянства. Жалобы на действия и постановления дворянских опеки приносились окружному суду в месячный срок [4, с. 337].

Из этого общего правила организации дворянских опеки существовали исключения для некоторых губерний, а именно для Виленской, Гродненской, Ковенской, Киевской, Подольской, Волынской, Витебской, Минской и Могилевской. В первых шести губерниях заседатели дворянских опеки назначались генерал-губернаторами, а в последних трех – министром внутренних дел из местных дворян-землевладельцев непольского происхождения. В случае невозможности назначить заседателей из указанных лиц, таковые определялись губернаторами из «коронных» чиновников. Председателями дворянских опеки в этих местностях являлись также уездные предводители дворянства. В губерниях Виленской, Гродненской, Ковен-

ской, Витебской, Минской и Могилёвской должность председателя во время отсутствия или болезни уездного предводителя возлагалась на старшего по службе заседателя дворянской опеки [16, ст. 1153], [6, с. 39–40]. Особенности организации дворянских опеков в указанных губерниях обусловлены правительственной политикой, направленной на уменьшение влияния польского дворянства на западных окраинах империи. Специфика назначения заседателей дворянской опеки обеспечивала подконтрольность данного органа государству.

Попечение о детях купцов, мещан, цеховых, личных дворян, почетных граждан и разночинцев и тех крестьян, которые жили или имели недвижимое имущество в городских поселениях, возлагалось на сиротский суд [15, ст. 234], [3, с. 604], [6, с. 41]. Сиротский суд состоял из председателя, которым являлся городской голова, а также из членов, избираемых на 3 года собраниями купеческого, мещанского и ремесленного сословий. Сиротский суд, как и дворянская опека, находились в подчинении губернских правлений, которые осуществляли функции по наблюдению за действиями указанных органов опеки [4, с. 337].

В результате реформы 1861 г. обязанности по попечению о личности и имуществе крестьянских сирот были возложены на сельские общества. Так, М.В. Довнар-Запольский в своем труде об обычном семейном праве крестьян Минской губернии указывал следующее: «Высшее попечение над сиротами находится в руках сельского схода... Он наблюдает за «воспитанием» сирот, т. е. за тем, чтобы было их кому одевать и кормить, и за исправным взносом податей с того участка земли, который принадлежит малолетним». Кроме того, сход следил за сохранением в целостности опекаемого имущества, как движимого, так и недвижимого [17, с. 74–75].

Опека над детьми лиц духовного звания осуществлялась в соответствии с конфессиональной принадлежностью. Правила об опеке и попечительстве над малолетними православного духовного сословия устанавливались в Уставе Духовных консисторий, а в отношении детей духовных лиц иных вероисповеданий – в Уставах духовных дел иностранных вероисповеданий [8, с. 154]. Над детьми духовных особ, принадлежавших к потомственному дворянству, опекуны назначались на одинаковом основании с дворянами [15, ст. 236], [2, с. 757].

Опекуны находились в непосредственном подчинении тех опекунских учреждений, которые их назначили [15, ст. 259]. Опекуны обязаны были представлять отчеты: годовой и общий по окончании опеки [15, ст. 286].

За свои действия опекуны несли имущественную ответственность. Опекуны и попечители в случае «нерадения или умысла в упущении» прав подопечного отвечали своим собственным имуществом в размере «происшедшей через то или могущей произойти для малолетнего потери» [15, ст. 290], [2, с. 763]. За свою работу опекуны получали вознаграждение в виде 5 % ежегодно из доходов подопечного [15, ст. 284].

Опека прекращалась с устранением тех обстоятельств, которые вызвали потребность в ней, в следующих случаях: 1) вследствие смерти опекаемого; 2) с достижением малолетним 17-летнего возраста. В данном случае опека превращалась в попечительство, которое с достижением совершеннолетия 21 года также прекращалось [2, с. 763]. Прекращение опеки влекло за собой представление окончательного отчета и сдачу имущества согласно описи, составленной при назначении опекуна [5, с. 558].

Заключение. На протяжении всего рассматриваемого периода опека носила сословный характер. Сословный характер института опеки обусловлен сохранением в Российской империи до 1917 г. сословного строя и основанных на нем различий в правовом положении лиц, принадлежащих к разным состояниям.

После вхождения белорусских земель в состав Российской империи институты опеки и попечительства продолжали регулироваться Статутом ВКЛ 1588 г., что нашло подтверждение в законодательстве Российской империи (Сенатский указ «О порядке учреждения Дворянских Опеков в Губерниях от Польши присоединенных» от 28 февраля 1817 г., проект Свода местных законов западных губерний). В случае смерти матери опека над детьми и их имуществом переходила к отцу. Если отец умер, то опекунами являлись лица, назначенные таковыми в его завещании. Если отец не поручил никому опеку в завещании, то устанавливалась очередность призвания родственников к опеке. Попечение о дворянах возлагалось на дворянскую опеку, которая состояла из общего присутствия земского поветового суда под председательством поветового маршала. Опекуны были обязаны ежегодно давать отчет поветовому суду после предварительного принесения присяги. Опекуны за свою работу получали вознаграждение в размере 10 % с доходов имущества опекаемого.

С 1822 г. на белорусских землях деятельность органов опеки стала осуществляться на основе общеимперского законодательства. Органом, осуществлявшим попечение о несовершеннолетних из дворянского сословия, являлась дворянская опека, которая учреждалась под председательством уездного предводителя дворянства в количестве от двух до четырех членов, назначаемых по выбору дворянства. При этом сохранялись особенности назначения заседателей дворянских опеков в Виленской, Гродненской, Ковенской, Киевской, Подольской, Волынской, Витебской, Минской и Могилевской губерниях. Попечение о детях купцов, мещан, цеховых, личных дворян, почетных граждан возлагалось на сиротский суд. Забота о личности и имуществе крестьянских сирот была возложена на сельские общества. Опека над детьми лиц духовного звания осуществлялась в соответствии с конфессиональной принадлежностью. За свою работу опекуны получали вознаграждение в виде 5 % ежегодно из доходов подопечного.

Литература

1. Кодекс Республики Беларусь о браке и семье [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г., № 278-З : принят Палатой представителей 3 июня 1999 г. : одобрен Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 13.12.2023 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2024.
2. Шершеневич, Г. Ф. Учебник русского гражданского права (по изданиям 1912 и 1914–1915 гг.) : в 2 т. / Г. Ф. Шершеневич, А. Л. Маковский, В. С. Ем. – М. : Статут, 2021. – Т. 2 : Учебник русского гражданского права (по 11-му изданию, 1914–1915 гг.). – 896 с.
3. Мейер, Д. И. Русское гражданское право / Д. И. Мейер ; ред. А. И. Вицын. – СПб. : Тип. М. Меркушева, 1910. – 720 с.
4. Синайский, В. И. Русское гражданское право / В. И. Синайский. – Киев : Тип. Р.К. Лубковского, 1915. – Вып. 2 : Обязательственное, семейное и наследственное право. – 460 с.
5. Загоровский, А. И. Курс семейного права / А. И. Загоровский. – 2-е изд., доп. – Одесса : Тип. Акционерного Южно-Русского О-ва Печатного Дела, 1909. – 564 с.
6. Вольман, И. С. Опека и попечительство / И. С. Вольман. – СПб. : тип. «Труд», 1903. – 172 с.
7. Юхо, И. А. Правовое положение населения Белоруссии в XVI в. / И. А. Юхо. – М. : Изд-во БГУ им. В.И. Ленина, 1978. – 144 с.
8. Селютина, Е. Н. Формирование государственной правовой политики Российской империи по призрению несовершеннолетних в XVIII–XIX вв. / Е. Н. Селютина // Среднерусский вестник общественных наук. – 2014. – № 1. – С. 152–156.
9. Статут Великого княжества Литовского 1588 года [Электронный ресурс] // Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь. – Режим доступа : https://pravo.by/upload/pdf/ramjatkni-prava/Statut_1588_g_perevod_sovrem_rus_str.348-454.pdf. – Дата доступа: 05.08.2024.
10. Именной указ, данный Сенату «О дозволении малолетним, коим минуло 14 лет, просить Попечителей, по прошествии же от роду 17 лет вступить самим в управление имения, но прежде 21 года не продавать и не закладывать оное без согласия Попечителей» от 22 дек. 1785 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собр. I : в 45 т. – Т. 22. – № 16300.
11. Нольде, А. Э. Очерки по истории кодификации местных гражданских законов при графе Сперанском / А. Э. Нольде. – СПб. : Сенатская типография, 1906. – Вып. 1 : Попытка кодификации литовско-польского права. – 319 с.
12. Свод местных законов западных губерний. Проект / ред. М. Я. Пергамент, А. Э. Нольде. – СПб. : Товарищество Р. Голике и А. Вильборг, 1910. – 550 с.
13. Сенатский указ «О порядке учреждения Дворянских Опеков в Губерниях от Польши присоединенных» от 28 февр. 1817 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собр. I : в 45 т. – Т. 34. – № 26707.
14. Сенатский указ, по Высочайше утвержденному мнению Государственного Совета «О распространении на Малороссийские и присоединенные от Польши Губернии правил о Дворянских Опеках, постановленных для Великороссийских Губерний» от 29 мая 1822 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собр. I : в 45 т. – Т. 38. – № 29054.
15. Законы гражданские // Свод законов Российской империи : в 16 т. – СПб., 1900. – Т. 10, ч. 1.
16. Свод губернских учреждений // Свод законов Российской империи : в 16 т. – СПб., 1892. – Т. 2.
17. Довнар-Запольский, М. В. Очерки обычного семейственного права крестьян Минской губернии / М. В. Довнар-Запольский. – М. : Типо-литогр. К.Ф. Александрова, 1897. – 78 с.

Правовое регулирование электронного нотариата в Республике Беларусь

Е.М. КАРАВАЕВА

В статье анализируется правовое регулирование функционирования электронного нотариата Республики Беларусь, основанного на работе с электронными документами, в целях реализации прав и законных интересов лиц, обращающихся за совершением нотариальных действий. Выявляются возникающие проблемы, рассмотрены пути их решения и перспективы развития электронного нотариата.

Ключевые слова: электронный нотариат, Единая информационная система нотариата, электронный документ, электронный документооборот, цифровизация, нотариус, нотариальная деятельность.

The article analyzes the legal regulation of functioning of electronic notary of the Republic of Belarus, based on the work with electronic documents, in order to realize the rights and legitimate interests of persons applying for notarial acts. The emerging problems are identified, the ways of their solution and prospects for the development of electronic notary are considered.

Keywords: electronic notary, Unified notary information system, electronic document, electronic document management, digitalization, notary, notary activity.

Введение. Изменения, происходящие в современном мире ввиду стремительного развития информационных технологий, создали новые возможности для работы нотариусов, так как цифровые сервисы позволяют значительно упростить процедуры оформления документов, обеспечивают новую степень удобства, оперативности и безопасности. Однако на первом месте стоит вопрос их надежности и наличие правовых гарантий при обращении к нотариусу, что порождает необходимость проведения исследований в данной сфере, анализируя опыт зарубежных государств и практический опыт нотариусов Республики Беларусь.

Основная часть. Интенсивное развитие информационно-коммуникационных технологий, компьютерных сетей, распространение для широкого круга лиц доступа к сети Интернет, потребность и необходимость упростить порядок взаимодействия субъектов с целью обеспечения прав и свобод привело к появлению таких понятий как «электронное государство», «электронный нотариат», «электронный нотариус» и другие.

В наступившей эпохе глобальной цифровизации профессия нотариуса выходит на совершенно новый уровень, оперативно перестроившись под изменившиеся социально-экономические форматы. Термин «электронный нотариат» прочно вошел в обиход и в жизнь граждан многих государств и Республике Беларусь в том числе.

Как член Содружества Независимых Государств (далее – СНГ) Республика Беларусь опирается на нормативные установки, разработанные в рамках СНГ.

Так в соответствии со Стратегией сотрудничества государств – участников СНГ в построении и развитии информационного общества на период до 2025 г. от 28 октября 2016 г. сущностью формируемого пространства электронного нотариата является совершение и свидетельствование юридических актов в электронной форме. Обязательным элементом для совершения нотариальных действий в электронной форме является электронная подпись нотариуса. Связующим элементом между электронными нотариатами различных государств может стать нотариальный сервис.

Ученые отмечают, что под электронным нотариатом следует понимать не только подготовку электронных документов с использованием компьютерной техники, а совершение нотариусом в порядке, установленном законодательством, нотариальных действий с использованием информационных коммуникационных технологий. Электронный нотариат включает в себя электронный документооборот, возможность допуска к служебным электронным базам данных и организации электронных запросов, обслуживание электронного нотариального архива, осуществление засвидетельствования электронной копии бумажного документа и бумажной копии электронного документа, применение электронной цифровой подписи [1, с. 386].

Началом становления электронного нотариата в Республике Беларусь можно считать внесение в Закон Республики Беларусь «О нотариате и нотариальной деятельности» положений о единой электронной системе учета нотариальных действий и наследственных дел (далее – единая электронная система) [2, п. 1. ст. 19]. Целью разработки автоматизированной информационной системы «Единая информационная система нотариата» (далее ЕИС) было как создание единых электронных реестров нотариальных действий и наследственных дел, так и автоматизация некоторых функций нотариуса, облегчение и упрощение его работы, постепенный переход от бумажного делопроизводства к электронному.

Благодаря созданию ЕИС стало возможным получение, передача, сбор, обработка, накопление, хранение, использование и (или) предоставление информации о нотариальной деятельности.

Данная система осуществляет оперативный обмен информацией, как между нотариусами, так и в рамках системы межведомственного электронного взаимодействия.

В настоящее время посредством автоматизированной системы нотариус в Беларуси имеет доступ к «внешним» данным следующих регистров: Регистр населения, Единый государственный регистр юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, Единый государственный регистр недвижимого имущества прав на него и сделок с ним, автоматизированных информационных систем Национального кадастрового агентства, Национального банка, ГАИ.

Перспективой является дальнейшее расширение электронного взаимодействия с государственными и негосударственными информационными системами, в результате чего нотариусы смогут получать в онлайн режиме актуальные сведения, в том числе о лицах, проживающих в жилом помещении, размере неполученной пенсии, залоге движимого имущества, сведения из регистра населения, необходимые для подтверждения родственных отношений, факта заключения брака, смерти и др.

Отметим, что в Республике Беларусь осуществлены важные шаги по электронной трансформации института нотариата. Введен принцип «наследство без границ» на территории отдельных городов и районов Республики Беларусь, что позволяет наследникам умерших граждан, обратиться для оформления наследственных прав к любому нотариусу в этом городе или районе, с 2021 г. у нотариусов Республики Беларусь появилась возможность совершения исполнительных надписей в электронной форме.

Новый этап развития электронного нотариата начался с принятием 5 января 2024 г. Закона Республики Беларусь № 343-З «Об изменении Закона Республики Беларусь «О нотариате и нотариальной деятельности», который вступает в силу с 11 июля 2024 г.

Так в статье 59¹ впервые в истории белорусского нотариата предусматривается возможность совершения некоторых нотариальных действий удаленно (без личной явки к нотариусу заинтересованного лица) [1].

Удаленное совершение нотариальных действий определено одним из основных направлений совершенствования института нотариата в Концепции правовой политики, утвержденной Указом Президента Республики Беларусь от 28 июня 2023 г. № 196 [3, п. 44.4].

Законом закреплена возможность удаленной выдачи свидетельства о праве на наследство, выдачи свидетельства об удостоверении полномочий исполнителя завещания (душеприказчика), выдачи распоряжения о возмещении расходов, вызванных смертью наследодателя, охраной наследства и управлением им, а также расходов на похороны наследодателя, выдачи свидетельства о праве собственности на доли в имуществе, нажитом супругами в период брака, свидетельствовать верность перевода документов с одного языка на другой.

Также к нотариальным действиям, которые можно совершать удаленно, отнесли принятие в депозит нотариуса денег и ценных бумаг, совершение исполнительных надписей; установление в отношении должника или взыскателя по исполнительной надписи факта правопреемства, изменение наименования юридического лица, изменения фамилии, собственного имени и отчества гражданина; принятие на хранение электронных документов.

В удаленном формате стало возможным обеспечение доказательств, необходимых для ведения дел в органах иностранных государств, а также письменных доказательств для рассмотрения дел в судах общей юрисдикции Республики Беларусь; в части обеспечения доказательств, размещенных в глобальной компьютерной сети Интернет, а также выдача дубликатов нотариальных документов, экземпляры которых имеются на хранении у нотариуса, в нотариальной конторе, нотариальном или государственном архиве.

Таким образом, можно констатировать, что треть из существующих нотариальных действий, нотариусы смогут совершать в удаленном формате посредством информационно-телекоммуникационных сетей общего пользования и электронно-цифровой подписи.

Для совершения нотариального действия в удаленном формате необходимо отправить заявление или посредством почтовой связи, или в виде электронного документа с использованием информационных ресурсов (систем) Белорусской нотариальной палаты (далее – БНП). Нотариальные действия, заявления, о совершении которых удаленно могут быть направлены в виде электронного документа с использованием информационных ресурсов (систем) БНП, порядок направления соответствующих заявлений определяются Министерством юстиции [2, ст. 59-1].

Для взаимодействия через электронный портал БНП у каждого заинтересованного лица появится возможность создания личного кабинета, через который можно будет подать заявление о совершении нотариального действия, получить нотариальный документ, просмотреть совершенные с участием заявителя нотариальные действия.

Случаи и порядок обращения за совершением нотариальных действий через электронный портал будут установлены Министерством юстиции.

При направлении заявления о совершении нотариального действия удаленно с использованием информационных ресурсов (систем) БНП такое заявление должно быть подписано гражданином, его представителем или представителем юридического лица электронной цифровой подписью.

Также Законом «О нотариате и нотариальной деятельности» предусматривается возможность выдачи нотариального документа в форме электронного документа в случаях, предусмотренных Министерством Юстиции.

В настоящее время позиция нотариусов Республики Беларусь такова, что автоматизация и цифровизация процессов совершения нотариальных действий будет происходить на уровне получения актуальных сведений и проверки нотариусами фактов в рамках подготовки документов и направления сведений о совершенных нотариальных действиях в соответствующие инстанции. Полностью отказываться от живого общения с населением нотариат не будет [4].

Отметим, что в таких странах СНГ, как Казахстан и Российская Федерация «электронный нотариат» достаточно развит.

Так, например, нотариусы Российской Федерации помимо удаленного формата совершения нотариальных действий имеют возможность удостоверить сделки дистанционно, при участии двух и более нотариусов, если в совершении такой сделки участвуют два и более лица без их совместного присутствия [5, ч. 1. ст. 53.1]. В этом случае каждый из участников сделки обращается к удобному для него нотариусу, чтобы в оговоренное время одновременно все стороны присутствовали у нотариуса, каждая – у своего. Нотариусы, проведя предварительную подготовку документов, устанавливают между собой видеосвязь посредством защищенных каналов и в дистанционном режиме проводят все необходимые процедуры, удостоверяя сделку [6].

Считаем перспективным данный порядок совершения нотариальных действий и предлагаем подобную норму закрепить в законодательстве Республики Беларусь, дополнив Закон «О нотариате и нотариальной деятельности» ст. 73-1 «Сделки, удостоверяемые двумя и более нотариусами», с детальным анализом видов сделок, удостоверение которых возможно дистанционно.

В отдельных государствах Европы (Франция, Литва), а так же в странах СНГ нормативно предусмотрена возможность нотариального удостоверения доверенностей в онлайн режиме. Так в Казахстане в настоящее время нотариальная доверенность доступна гражданам через мобильное приложение eGov Mobile. Так называемая «Цифровая доверенность» оформляется в режиме онлайн посредством видеосвязи клиента с нотариусом. В целях обеспечения безопасности используется электронная цифровая подпись с применением биометрических данных пользователя как при авторизации в приложении eGov Mobile, так и при подписании заявки. Законодательством предусмотрен порядок оформления цифровой доверенности, в соответствии с которым субъекту необходимо авторизоваться в приложении eGov Mobile; заполнить заявку и подписать её с помощью электронной цифровой подписи; осуществить видеозвонок нотариусу из приложения для подтверждения личности [7].

С одной стороны, данный формат экономит время клиентов и упрощает порядок взаимодействия с нотариусом. С другой стороны, у нотариусов возникают вполне обоснованные опа-

сения в том, что посредством видео-звонка нет надлежащей возможности убедиться в том, что обратившееся лицо дееспособно, не находится в состоянии наркотического, алкогольного, токсического опьянения, не находится под влиянием заблуждения, обмана, насилия, угрозы.

Таким образом, анализируя опыт зарубежных государств, необходимо тщательно изучать возможные последствия внедрения новых форм взаимодействия между государством и гражданами, учитывая, в первую очередь, безопасность, соответствие требованиям законодательства и максимальную защиту прав и законных интересов граждан.

Заключение. Исходя из вышеизложенного, можно констатировать, что концепция «электронного нотариата» в Республике Беларусь на сегодняшний день существует не только как научная правовая теория, но и как практический правовой механизм.

Возможность совершения нотариальных действий в электронном порядке значительно повышает эффективность деятельности субъектов в гражданских правовых отношениях, повышает доступность нотариальных действий, повышает эффективность функционирования нотариата и подтверждает его прогрессивность и способность защитить права участников гражданского оборота в его новых форматах.

Целесообразным представляется дополнить Закон Республики Беларусь «О нотариате и нотариальной деятельности» ст. 73-1 «Сделки, удостоверяемые двумя и более нотариусами».

Для перевода нотариального действия в удаленный формат необходимо произвести оценку действий, производимых нотариусом при его совершении и подобрать технологии, позволяющие выполнить эти действия в удаленном формате.

При совершении нотариальных действий посредством информационных технологий следует предусмотреть возможность отказа в удаленном совершении нотариального действия при возникновении сомнений в возможности констатации достоверности юридически значимых факторов, действий, документов в удаленном формате.

Литература

1. Кирвель, И. Ю. Перспективы внедрения электронного нотариата в Республике Беларусь / И. Ю. Кирвель // Информационные технологии и право (Правовая информатизация – 2015) : материалы V Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 28 мая 2015 г. [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь ; под общ. ред. Е. И. Коваленко. – Электрон. дан. – Минск : Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2015. – С. 386.

2. О нотариате и нотариальной деятельности [Электронный ресурс] : Закон Республики Беларусь, 18 июля 2004 г., № 305-3 ; по состоянию на 5 января 2024 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2024.

3. Концепция правовой политики : Указ Президента Республики Беларусь от 28 июня 2023 г., № 196 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2024.

4. Электронный документооборот в системе нотариата [Электронный ресурс] // Белорусская нотариальная палата. – Режим доступа : <https://belnotary.by/novosti/notarialnaya-praktika/sergei-ravlovich/elektronnyu-dokumentoooborot-v-sisteme-notariata/>. – Дата доступа : 08.12.2023.

5. Основы законодательства Российской Федерации о нотариате (утв. ВС РФ 11.02.1993 г., № 4462-1) (ред. от 24.07.2023) [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. – Режим доступа : https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1581/c2af1bfaf95981a5d1f33ef11f63dbb6ba16484c/ – Дата доступа : 08.12.2023.

6. Дистанционное удостоверение сделок двумя и более нотариусами [Электронный ресурс] // Федеральная нотариальная палата. – Режим доступа : <https://notariat.ru/ru-ru/remote/distancionnoe-udostoverenie-sdelok/>. – Дата доступа : 08.12.2023.

7. Казахстанцы могут оформить доверенность в онлайн формате через eGov Mobile Казахстанцы могут оформить доверенность в онлайн формате через eGov Mobile [Электронный ресурс] // Министерство Юстиции Республики Казахстан. – Режим доступа : <https://www.gov.kz/memleket/entities/adilet/press/news/details/535647?lang=ru> – Дата доступа : 08.12.2023.

Аттестация как метод оценки профессионализма государственных гражданских служащих

Л.А. КРАСНОБАЕВА, Т.А. ГОЛЫНЕЦ

В данной статье исследуется один из методов оценки профессионализма и компетентности государственных гражданских служащих – аттестация. Анализируется нормативное закрепление аттестации в законодательстве Республики Беларусь, цели, задачи, порядок ее проведения, направления оценки гражданского служащего, решения, принимаемые по результатам аттестации. Предлагаются направления совершенствования аттестации государственных гражданских служащих посредством нормативного закрепления критериев соответствия гражданских служащих.

Ключевые слова: государственная гражданская служба, государственный гражданский служащий, аттестация, аттестационная комиссия, аттестационная характеристика.

This article examines one of the methods of assessing the professionalism and competence of government civil servants – certification. The article analyzes the normative consolidation of certification in the legislation of the Republic of Belarus, the goals, objectives, the procedure for its implementation, the directions of evaluation of a civil servant, decisions taken based on the results of certification. The directions of improving the certification of public civil servants are proposed.

Keywords: state civil service, state civil servant, attestation, attestation commission, attestation characteristics.

В соответствии с Концепцией государственной кадровой политики Республики Беларусь, утвержденной Указом Президента Республики Беларусь 3 января 2024 г. № 1, одним из направлений государственной кадровой политики является стимулирование кадров к повышению уровня квалификации. Приоритетом государственной кадровой политики в сфере государственной службы является совершенствование методов оценки деятельности государственных служащих.

Актуальность данной темы обусловлена необходимостью эффективного функционирования системы государственной гражданской службы. Достижение подобного результата возможно за счет осуществления непрерывного повышения качества подготовки служащих путем проведения своевременной процедуры аттестации, позволяющей выявить проблемные точки и провести обучение или переподготовку служащего, необходимую для его профессиональной деятельности.

О.Е. Куликова отмечает, что «от качества подготовки служащих, их добросовестного отношения к обязанностям во многом зависит профессионализм всей службы, авторитет в обществе, в глазах конкретного гражданина. При таком положении необходимо качественное обновление потенциала органов власти, приток на гражданскую службу высококвалифицированных кадров» [1, с. 39].

Аттестация государственных гражданских служащих имеет положительные характеристики. Так, она позволяет провести диагностику персонала, то есть получить информацию о сотрудниках, выявить «болевые точки», моменты, затрудняющие работу персонала, и своевременно решить эти проблемы [2, с. 341].

Как указывает О.И. Чуприс, «общая цель проведения аттестации – качественный подбор и расстановка кадров для успешного решения задач гражданской службы на основе оценки результатов служебной деятельности гражданских служащих» [3, с. 131].

Интересным является подход Ю.Н. Старилова, который рассматривает аттестацию как деятельность, состоящую из различных элементов: 1) субъекта, который проводит оценку деловых и личных качеств работника, т. е. аттестационной комиссии; 2) объекта – работника, подлежащего аттестации; 3) аттестационной процедуры – системы последовательных действий по осуществлению аттестации [4, с. 158].

Д.Н. Бахрах предложил двойственную трактовку аттестации: общую – в целях оценки государственных служащих, повышения чувства ответственности, и персональную аттестацию – в целях решения о присвоении государственному служащему очередного звания, о назначении государственного служащего на иную должность [5, с. 132].

А.Ф. Ноздрачев под аттестацией в системе государственной службы понимает государственную проверку деловой квалификации государственного служащего [6, с. 381].

Наиболее верное определение предложено Ю.С. Волковой, которая рассматривает аттестацию с позиции «административно-правовой процедуры по оценке профессионального соответствия государственного служащего занимаемой государственной должности, которая направлена на совершенствование государственной службы и развитие внутреннего потенциала аттестуемого, обязывающая по итогам принять установленные законодательством административно-правовые меры, что способствует эффективному развитию профессионального и личностного потенциала кадров» [7, с. 148].

Вопросы аттестации государственных гражданских служащих регулируются национальным законодательством Республики Беларусь, где общее регулирование осуществляется согласно ст. 41 Закона Республики Беларусь от 1 июня 2022 г. № 175-З «О государственной службе» (далее – Закон № 175-З).

В ст. 12 Постановления Межпарламентской Ассамблеи государств-участников Содружества Независимых Государств от 15 июня 1998 г. № 11-5 «О модельном законе «Об основах государственной службы»» цель аттестации государственных служащих обозначена как определение уровня профессиональной подготовки и соответствия государственного служащего занимаемой государственной должности государственной службы, а также решение вопроса о присвоении государственному служащему квалификационного чина [8].

Согласно Закону № 175-З к основным задачам аттестации относятся:

- установление соответствия занимаемой гражданской должности;
- выявление потенциальных способностей и возможностей для дальнейшего продвижения по службе;
- определение необходимости направления гражданского служащего на подготовку, переподготовку, повышение квалификации и стажировку.

Таким образом, по целям и задачам можно выделить:

- аттестацию, направленную на определение соответствия занимаемой должности служащего. Следовательно, установление факта соответствия занимаемой государственной должности является целью аттестации, а аттестационные функции (оценка; контроль; улучшение работы с персоналом; экономическая; организационная; коммуникативная; информирования; стимулирования и др.) реализуются в процессе достижения этой цели [9, с. 159];
- аттестацию, направленную на установление обстоятельств, предполагающих повышение категории работника.

Отечественный законодатель обходит стороной вопросы о присвоении гражданскому служащему классного чина (персонального звания, ранга) по решению аттестационной комиссии. Также, отметим, что с 1 января 2023 г. установлена новая система классов гражданских служащих (ст. 17 Закона № 175-З), одновременно с ней и применяется новый порядок присвоения классов. Ранее это было компетенцией специальной комиссии нанимателя, а в настоящее время эти полномочия принадлежат нанимателю. И если ранее закон предусматривал процедуру досрочного повышения в классе, то действующий закон исключил указанную возможность. При этом отметим, что прокурорскому работнику за успешное и добросовестное исполнение служебных обязанностей, продолжительную и безупречную службу в органах прокуратуры, выполнение заданий особой важности и сложности, другие достижения по службе Генеральным прокурором в качестве меры поощрения может быть присвоен очередной классный чин. Аналогичная норма применяется и в отношении работников таможенных органов. В частности, должностному лицу может быть присвоено персональное звание досрочно либо на одну ступень выше персонального звания, предусмотренного по занимаемой должности, в виде поощрения (п. 49 Положения о службе в таможенных органах, утвержденного Указом Президента Республики Беларусь от 21 апреля 2008 г. № 228 «Вопросы таможенных органов»).

На наш взгляд, Закон № 175-З должен быть дополнен нормой следующего содержания: «досрочное повышение в классе (но не более чем на один класс) возможно за добросовестное исполнение служебных обязанностей, продолжительную и безупречную гражданскую службу по решению аттестационной комиссии». Это обусловлено тем, что аттестация гражданских служащих является важным фактором повышения не только профессионализма и компетентности служащих, но и условием стабильности государственного управления.

Отметим, что на сегодняшний день в нашей стране нет единого подхода к аттестации гражданских служащих. Можно выделить пять самостоятельных порядков аттестации гражданских служащих:

- общий порядок (ст. 41 Закона № 175-3, Положение о проведении аттестации государственных гражданских служащих, утвержденное Постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 30 августа 2022 г. № 563 (далее – Положение № 563));

- аттестация гражданских служащих, должности которых включены в кадровый реестр Главы государства (ст. 52 Закона № 175-3, Указ Президента Республики Беларусь от 14 марта 2005 г. № 122 «О проведении аттестации руководящих работников государственных органов и иных организаций, должности которых включены в кадровый реестр Главы государства Республики Беларусь»). При этом руководящие работники, впервые назначенные на должности, включенные в кадровый реестр Главы государства Республики Беларусь, проходят аттестацию по истечении одного года непрерывной работы в должности;

- аттестация работников таможенных органов и подчиненных ГТК организаций (п. 56 Положения о службе в таможенных органах, утвержденного Указом Президента Республики Беларусь от 21 апреля 2008 г. № 228 «Вопросы таможенных органов»);

- аттестация прокурорских работников (ст. 52 Закона Республики Беларусь от 8 мая 2007 г. № 220-3, гл. 4 Положения о службе в органах прокуратуры, утвержденного Указом Президента Республики Беларусь от 27 марта 2008 № 181 «О прохождении службы в органах прокуратуры Республики Беларусь»);

- аттестация судей судов общей юрисдикции (гл. 8 Кодекса о судоустройстве и статусе судей от 29 июня 2006 г. № 139-3, п. 1, 2 Декрета Президента Республики Беларусь от 29 ноября 2013 г. № 6 «О совершенствовании судебной системы Республики Беларусь»). При этом очередная аттестация судей проводится при присвоении очередного квалификационного класса – не позднее одного месяца со дня истечения срока пребывания судьи в присвоенном квалификационном классе; а в отношении судей, назначенных на должность судьи бессрочно, – периодически один раз в пять лет.

Согласно Закону № 175-3, гражданские служащие, впервые поступившие на гражданскую службу, проходят аттестацию не ранее чем через три года после поступления на гражданскую службу. Правовым актом установлены и случаи, при которых отдельные категории гражданских служащих аттестацию не проходят. К ним относятся:

- гражданские служащие, находившиеся в отпуске по уходу за ребенком до достижения им возраста трех лет. Обратим внимание, если гражданский служащий находился в отпуске по уходу за ребенком до достижения им возраста трех лет, то он подлежит аттестации не раньше чем через один год после выхода на работу (подп. 3.1 п. 3 ст. 41 Закона № 175-3);

- гражданские служащие, пребывающие в данной гражданской должности менее одного года;
- беременные женщины;

- гражданские служащие, занимающие гражданские должности путем избрания.

Аттестация гражданского служащего проводится периодически каждые три года аттестационной комиссией, создаваемой по решению руководителя государственного органа, в котором гражданский служащий назначен на гражданскую должность. Аттестация гражданских служащих, назначение которых производится вышестоящими государственными органами, проводится аттестационными комиссиями этих органов. Необходимо отметить, что согласно Положению № 563, аттестационная комиссия помимо постоянно действующей, может создаваться для проведения аттестации с учетом категории гражданских служащих, подлежащих аттестации. Поэтому особая роль в процедуре аттестации принадлежит именно качественному подбору и объективной работе состава комиссии.

Т.А. Волкова обращает внимание, что в ее состав должны входить «независимые эксперты, а также представители кадровой и юридическо-психологической службы профессионального органа, что позволит обеспечить объективность мнений и защищенность самого аттестуемого» [10, с. 80].

Процедура аттестации тесно взаимосвязана с другими правовыми институтами, такими как дисциплинарная ответственность и контракт. Так в случае принятия аттестационной комиссией решения о несоответствии гражданского служащего занимаемой должности руководитель государственного органа в течение одного месяца рассматривает вопрос о возмож-

ности дальнейшего пребывания гражданского служащего в занимаемой должности и принимает решение в соответствии с законодательством (ч. 2 п. 15 Положения № 563). Таким образом, возникает вопрос об обязательном участии в аттестационной комиссии представителей профсоюзов, что требует внесения соответствующих изменений в п. 3 Положения № 563.

Согласно п. 6 Положения № 563, аттестация осуществляется на основании аттестационной характеристики, проекта аттестационного листа и иных материалов, отражающих результаты деятельности гражданского служащего (при наличии). Законодательством не установлена форма аттестационной характеристики гражданского служащего. Вместе с тем основные требования к ее содержанию определены п. 6 Положения № 563. Согласно данной правовой норме характеристика должна содержать объективную оценку практической деятельности аттестуемого, уровня его профессиональных знаний, правовой культуры, умения работать с людьми. Аттестационная характеристика может содержать рекомендации по повышению эффективности практической деятельности и уровня квалификации аттестуемого, стимулированию его профессионального роста (ч. 2 п. 6 Положения № 563). Несмотря на то, что данная норма не носит императивный характер, и, учитывая, что в круг вопросов входят знания основных нормативных правовых актов, необходимых для выполнения основных служебных обязанностей, полагаем, что наличие рекомендаций аттестуемому является желательным. Это, в свою очередь, будет свидетельствовать о тщательном анализе его профессиональной деятельности и исключать субъективный подход к подготовке аттестационной характеристики. Кроме того, необходимо оценивать индивидуально-психологические качества и мотивационные стороны деятельности гражданского служащего. Оценка аттестационной комиссии должна складываться из совокупности общего результата работы служащего, оценки деятельности его работы непосредственным руководителем и специфики деятельности государственного гражданского служащего.

Видами оценок, используемыми при проведении аттестации, могут являться:

– оценка квалификации, которая может включать в себя экзамен в письменной форме, где вопросы подготавливают сотрудники, занимающие руководящие должности (критерии оценки результата должны быть определены заранее);

– оценка деятельности. Она должна осуществляться непосредственным руководителем и включать в себя оценку выполнения сотрудником должностных обязанностей, целей, планов, установленных в определенный срок;

– оценка личности, которая может выражаться в виде оценки сотрудников, совместно работающих с аттестуемым, оценки подчиненных служащему, результатов общественного мониторинга и может проводиться с привлечением независимых психологических служб.

По мнению Т.А. Нечаевой, проводить аттестационную оценку гражданских служащих следует, исходя из следующих характеристик:

– участвовал ли данный сотрудник в решении задач, поставленных перед подразделением государственного учреждения;

– насколько сложна выполняемая работа, какова ее эффективность;

– соответствует ли квалификационным требованиям для исполнения обязанностей;

– имеет ли необходимый стаж и знания;

– не нарушал ли служебную дисциплину и установленные ограничения [11, с.112].

Полагаем, что для успешного функционирования органов государственного управления, а также повышения прозрачности и упорядоченности процедуры аттестации, необходимо закрепить *критерии соответствия государственных служащих занимаемой должности*. Закон № 175-З устанавливает общие квалификационные требования, предъявляемые при поступлении на гражданскую службу: соответствующее образование, необходимый стаж работы по соответствующему направлению деятельности; владение государственными языками Республики Беларусь; знание Конституции Республики Беларусь, законодательных актов применительно к исполнению соответствующих служебных обязанностей и другие, предусмотренные специальными нормативными правовыми актами. Полагаем, что Положение об аттестации гражданских служащих может содержать и иные критерии оценки соответствия занимаемой должности. Немаловажным фактором, влияющим на успешность деятельности государственного служащего, является его социально-психологическая компетентность. Чем она выше, тем эффективнее служащий взаимодействует с другими людьми в системе межличностных отношений [12].

Так, например, по мнению В.А. Мальцева, при оценке личностных качеств государственных служащих, внимание, прежде всего, должно быть уделено таким особенностям, как ценностные ориентиры, моральные свойства, управленческие и организаторские способности, инновационные и творческие возможности, степень коммуникабельности и лидерский потенциал [13, с. 78]. Как указывает Т.О. Потапова, «успешность профессиональной деятельности госслужащих во многом зависит от их умения и навыков предотвращать конфликты, принимать взвешенные решения, направленные на урегулирование конфликтов, разрешать их на справедливой и нравственной основе. Для этого у государственного служащего должна быть сформирована конфликтологическая компетентность» [13, с. 79].

Конфликтологическая компетентность включает в себя понимание природы противоречий и конфликтов, формирование конструктивного отношения к конфликтам; обладание навыками неконфликтного поведения; умение конструктивно регулировать противоречия и конфликты; умение оценивать и объяснять конфликтные ситуации; обладание навыками устранения негативных последствий конфликтов [14, с. 443], [15, с. 200].

Нельзя не согласиться с мнением ученых, что благодаря правильной и грамотной процедуре проведения аттестации появляется возможность увидеть, насколько справляется государственный служащий с возникающими проблемами, и увидеть его стиль общения с коллегами [16, с. 206].

Для объективной оценки профессионального уровня компетенций гражданского служащего, по мнению Е.А. Кудриной, необходимо шире разрабатывать и использовать интерактивные методы (элементы деловых игр, решение кейсов и др.) [17, с. 24].

В этой связи интересным и перспективным представляется предложение о внедрении игровых методов (геймификации) в аттестацию. Данное предложение имеет целью выявление наиболее перспективных сотрудников за счет соревновательных моментов в игре, с помощью которых мотивация сотрудника будет более высокая, и появится возможность наблюдения за аттестуемыми в новых условиях. В.О. Лялина полагает, что главное при внедрении данного метода – определить цели проведения геймификации, определить компоненты игры, движущие силы, динамику игрового метода и согласовать их со специалистами-разработчиками [18, с. 110].

Таким образом, в настоящее время аттестация является основным методом оценки профессионализма государственных гражданских служащих, который осуществляется аттестационными комиссиями соответствующих государственных органов. По результатам аттестации аттестационная комиссия тайным голосованием принимает одно из следующих решений:

- о соответствии занимаемой гражданской должности;
- о неполном соответствии занимаемой гражданской должности и повторной аттестации;
- о несоответствии занимаемой гражданской должности.

В связи с тем, что аттестация является одним из способов повышения эффективности государственного управления, возможно, рассмотреть вопрос об *обязательном* характере принимаемого решения аттестационной комиссией. В настоящее время Положением № 153 предусмотрена возможность на уровне диспозитивной нормы рекомендовать зачислить гражданского служащего в резерв руководящих кадров. С учетом целей аттестации полагаем, что следует закрепить указанную норму на уровне обязательного принятия решения о включении гражданского служащего в резерв руководящих кадров. Это обусловлено особой потребностью в управленцах нового поколения, способных самостоятельно решать задачи и исполнять новые функции, занимать новые должности, в том числе руководящие. В соответствии с Положением об организации работы с руководящими кадрами в системе государственных органов и иных государственных организаций, утвержденным Указом Президента Республики Беларусь от 26 июля 2004 г. № 354, формирование резерва руководящих кадров является приоритетным направлением государственной кадровой политики.

Обобщая изложенное, подчеркнем, что одним из путей повышения эффективности государственного управления видится принятие Программы повышения эффективности государственной службы, направленной на реализацию основных положений Концепции государственной кадровой политики Республики Беларусь, обеспечения кадрового потенциала и кадровой безопасности. Данная программа должна предусматривать достижение результатов, тесно взаимосвязанных с задачами аттестации. Ее целью должно послужить создание необходимых условий для профессионального развития государственных служащих путем непрерывного

профессионального образования, в том числе разработка в отдельных государственных органах индивидуальных планов профессионального развития гражданских служащих; внедрение современных образовательных технологий в процесс их обучения; внедрение системы показателей результативности профессиональной служебной деятельности государственных служащих, дифференцированных по направлениям деятельности государственных органов.

Аттестационная процедура должна утрачивать изначальный формализм и превратиться в действенное средство для поддержания высокого профессионального уровня служащих, выполняющих свой профессиональный и государственный долг на благо граждан своей родины.

Литература

1. Куликова, О. Е. Основные принципы аттестации государственных гражданских служащих органа государственной власти / О. Е. Куликова // Вестн. науки и образования. – 2018. – Т. 2, № 3 (39). – С. 39–41.
2. Чуракова, Н. П. Пути повышения эффективности аттестации государственных гражданских служащих Российской Федерации / Н. П. Чуракова // Россия молодая : сб. материалов VII Всерос. науч.-практ. конф. молодых ученых с междунар. участием, Кемерово, 21–24 апр. 2015 г. – Кемерово, 2015. – С. 341.
3. Чуприс, О. И. Государственная служба : учеб. пособ. / О. И. Чуприс. – Минск : РИВШ, 2024. – 300 с.
4. Стариков, Ю. Н. Аттестация госслужащих и аттестационная процедура / Ю. Н. Стариков // Правовая наука и реформа юридического образования : сб. науч. тр. – Воронеж, 1996. – Вып. 6. – С. 158.
5. Бахрах, Д. Н. Административное право России : учебник / Д. Н. Бахрах. – 6-е изд., перераб. и доп. – М. : Эксмо, 2010. – 624 с.
6. Государственная служба. Учебник для подготовки государственных служащих / А. Ф. Ноздрачев. – М. : Статут, 1999. – 592 с.
7. Волкова, Ю. С. Аттестация государственных гражданских служащих: понятие и сущность / Ю. С. Волкова // Тамбовские правовые чтения им. Ф.Н. Плевако : материалы III Междунар. науч.-практ. конф. : в 2 т. / отв. ред. В. Ю. Стромов. – Тамбов : Издат. дом «Державинский», 2019. – Т. 1. – С. 147–150.
8. О модельном законе «Об основах государственной службы» [Электронный ресурс] : постановление Межпарламентской Ассамблеи государств-участников Содружества Независимых Государств, 15 июня 1998 г., № 11-5 // ЭТАЛОН-ONLINE / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Режим доступа : https://etalonline.by/document/?regnum=n29800104&q_id=10464279. – Дата доступа : 10.01.2024.
9. Булгаков, С. Н. Значимость процедуры аттестации государственных гражданских служащих / С. Н. Булгаков // Правовая наука и реформа юридического образования. – 2012. – № 2 (25). – С. 158–161.
10. Волкова, Т. А. Психологический анализ процесса аттестации государственных служащих / Т. А. Волкова // Вестн. Сев.-Кавказ. гос. тех. ун-та. – 2007. – № 3. – С. 77–80.
11. Нечаева, Т. А. Аттестация служащих в государственном учреждении как рост по карьерной лестнице / Т. А. Нечаева // Форум молодых ученых. – 2021. – № 2 (54). – С. 111–115.
12. Деркач, А. А. Развитие профессиональной и психологической культуры государственных служащих / А. А. Деркач. – М. : Изд-во РАГС, 2000. – Ч. 1. – 278 с.
13. Потапова, Т. О. Психологические аспекты успешной деятельности государственных служащих российского парламента / Т. О. Потапова // Развитие профессионализма. – 2017. – № 2 (4). – С. 77–79.
14. Анцупов, А. Я. Конфликтология : учебник для вузов / А. Я. Анцупов, А. И. Шипилов. – 6-е изд. – СПб. : Питер, 2015. – 528 с.
15. Пономарева, М. А. Конфликтологическая компетентность руководителя как основа эффективного управления Исторические и психолого-педагогические науки : сб. науч. ст. – Минск : РИВШ, 2016. – С. 197–203.
16. Бреусова, Е. А. Проблемы профессиональной подготовки, переподготовки и повышения квалификации государственных гражданских служащих / Е. А. Бреусова, А. В. Лыгина // Науч.-метод. электронный журнал «Концепт». – 2017. – Т. 2. – С. 201–206.
17. Кудрина, Е. А. Применение модели компетенций при аттестации государственных гражданских служащих / Е. А. Кудрина, Е. Л. Бачурина // Государство и общество : вчера, сегодня, завтра. – 2018. – № 6. – С. 20–26.
18. Лялина, В. О. Внедрение игровых методов в аттестацию государственных гражданских служащих / В. О. Лялина, М. В. Виниченко // Новое поколение. – 2016. – № 9. – С. 110–115.

Конституционная модернизация в государствах СНГ: тенденции и динамика последних пяти лет

Т.С. МАСЛОВСКАЯ

В статье рассматривается динамика конституционных изменений в государствах СНГ за последние пять лет. Выделяются и рассматриваются тенденции конституционной модернизации в государствах постсоветского пространства. Обращается внимание на особенности проведения последних конституционных реформ в странах СНГ, включая расширение участия граждан в процессе конституционной модернизации. Исследуются некоторые общие направления конституционной модернизации на постсоветском пространстве. Высказывается мнение об усилении национального компонента в конституциях. **Ключевые слова:** конституция, конституционная модернизация, конституционные ценности, конституционные принципы, институциональная система, тенденции, государства СНГ.

The article examines the dynamics of constitutional changes in the CIS countries over the past five years. Trends in constitutional modernization in the states of the post-Soviet space are identified and discussed. The attention is drawn to the features of the latest constitutional reforms in the CIS countries, including the expansion of citizen participation in the process of constitutional modernization. Some general directions of constitutional modernization in the post-Soviet space are explored. An opinion is expressed about strengthening the national component in constitutions.

Keywords: constitution, constitutional modernization, constitutional values, constitutional principles, institutional system, trends, CIS states.

Прогрессивное развитие государства и общества, динамичный характер которого отмечается сегодня, предполагает конституционно-правовое обновление, конституционную модернизацию. Современный период конституционного развития многих государств СНГ свидетельствует о новом этапе, отражающем как изменения в обществе и государстве, так и современные вызовы (социальные, экологические, экономические, политические и др.). За последнее пятилетие во многих постсоветских государствах прошли конституционные реформы: в 2020 г. – в России, в 2021 г. – в Кыргызстане, в 2022 г. – в Беларуси, Казахстане, в 2023 г. – в Узбекистане, Туркменистане. Анализ данных реформ представляет определенный научный интерес в целях определения общих черт и специфических особенностей конституционной модернизации в государствах СНГ.

Принятие в 90-е гг. XX в. в странах СНГ конституций явилось результатом отказа от социалистической модели и признание либерально-демократической модели общественного развития. Учитывая национальную специфику, принятые на первоначальном этапе конституции во многом имели определенное сходство, в их основу были положены классические принципы либеральной демократии, они закрепили ряд одинаковых норм, принципов и институтов. Отметим, что, формализуя переход от одного типа государства к другому путем закрепления новых принципов и институтов, отрицавшихся ранее (например, принципы верховенства права, разделения властей, многопартийности и др.), *многие постсоветские конституции подтвердили в своих текстах непрерывность конституционного процесса, преемственность в конституционном развитии*, закрепив в преамбуле связь с фундаментальными принципами (Армения) или традициями своей государственности (Азербайджан, Беларусь, Узбекистан и др.), непрерывность государственности (Молдова).

Сложившаяся в 90-е гг. XX в. в странах СНГ модель постсоветской конституции носила переходный характер, отражая смену вектора общественного развития. Принятые конституции не всегда могли адаптироваться к новой экономической и политической реальности, что предопределяло необходимость внесения в них изменений и дополнений. Уже через несколько лет после принятия конституций в некоторых государствах постсоветского пространства в них вносятся изменения и дополнения (например, в Беларуси в 1996 г., Кыргызстане в 1994 г., 1996 г.) либо принимается новая конституция (Казахстан в 1995 г.).

Определенный всплеск конституционного реформирования наблюдается в первое десятилетие XXI в. (Азербайджан в 2009 г., Армения в 2005 г., Беларусь в 2004 г., Казахстан в 2007 г., Россия в 2008 г., Кыргызстан в 2010 г. и др.), последнее десятилетие знаменует собой период активного реформирования конституций стран СНГ (Азербайджан в 2016 г., Армения в 2015 г., Беларусь в 2022 г., Казахстан в 2017 г., 2019 г., 2022 г., Кыргызстан в 2021 г., Россия в 2014 г., 2020 г., Таджикистан в 2016 г., Туркменистан в 2016 г., 2023 г., Узбекистан в 2016 г., 2017 г., 2023 г. и др.).

В целом, с момента принятия во все конституции постсоветского пространства были внесены изменения, объем и количество таких изменений были разными (например, в Армении в Конституцию вносились изменения и дополнения два раза, в Азербайджане – три, в Беларуси – четыре, в Казахстане – семь раз). Безусловно, нельзя подходить к указанным изменениям с арифметической точки зрения, необходимо анализировать их содержание. В целом, для государств СНГ в последнее десятилетие характерна *высокая динамика конституционных преобразований*.

Использование конституционных поправок «в качестве инструмента адаптации конституционного устройства к изменяющимся социальным реалиям» [1, с. 82] выступают характеристикой современной эпохи. В литературе «стали говорить о наступлении эпохи конституционного ускорения, которая является составной частью социального ускорения, предполагающего постоянное и стремительное вмешательство в деятельность сложившихся институтов» [1, с. 82].

Представляется, что в современных условиях можно вести речь о *постоянном характере процесса конституционной модернизации*: для того, чтобы идти в ногу со временем, необходимо осовременивать конституционный текст посредством как внесения изменений и дополнений в Конституцию, так и в текущее законодательство, а также посредством деятельности специализированных органов конституционного контроля, в первую очередь, правообразующей. Полагаем, данная тенденция сохранится. Переход от исключительности конституционной модернизации к постоянному реформированию Конституции на постсоветском пространстве будет распространяться в будущем.

Конституционная модернизация в государствах СНГ идет по пути изменения конституции (Беларусь, Казахстан, Россия и др.), причем конституция иногда излагается в новой редакции (как в Армении в 2015 г., в Узбекистане в 2023 г.) или смены конституции (например, в Кыргызстане в 2010 г., 2021 г.). Не оценивая в рамках настоящей публикации достоинства и недостатки указанных путей, отметим, что принятие новой редакции конституции, по нашему мнению, выступает результатом внесения поправок, существенно изменяющих принципы устройства государства и общества, относящиеся к материальному ядру конституции.

Формирующейся тенденцией на постсоветском пространстве выступает *расширение участия граждан в процессе конституционной модернизации*. Причем такое участие на практике осуществляется на ее различных стадиях, хотя сама возможность и формы участия не везде законодательно определены. На практике используются различные формы участия граждан, которые реализуются одновременно с подготовкой проекта конституционных изменений, либо (что встречается реже) – до такой подготовки, а также после подготовки соответствующего проекта.

В государствах СНГ чаще используется опосредованный способ участия граждан в разработке конституции, поправок к ней через специальный орган по разработке конституции (конституционная комиссия, рабочая группа и др.), который формируется, как правило, путем назначения посредством включения в его состав представителей общественности, состоящий также из специалистов, экспертов, парламентариев и других лиц (Беларусь, Казахстан, Россия и др.).

Обратим внимание на то, что в странах СНГ возрастает активность граждан в работе над содержанием конституционных изменений и их обсуждением. Так, в Беларуси диалог с обществом в отношении предполагаемых конституционных изменений был начат осенью 2020 г., вовлечение общественности в обсуждение предложений происходило в различных организационных формах (работа диалоговых площадок, направление предложений в государственные органы и др.). Непосредственно в Конституционную комиссию в период ее активной деятельности поступило более 1100 конкретных предложений о корректировках конституционных норм, которые были проанализированы. Кроме того, более 15000 предложений было высказано на диалоговых площадках с участием представителей политических партий, общественных объединений, научной общественности, средств массовой информации. Прошли широкие научные дискуссии, конференции, на которых также рассматривались возможные поправки в Конституцию [2].

В Российской Федерации в ходе конституционных преобразований 2020 г. рабочая группа по подготовке предложений о внесении поправок в Конституцию РФ стала одним из основных каналов выражения народной конституционной (правотворческой) инициативы, обобщив более 1000 предложений [3, с. 13]. В Конституционный совет Кыргызстана, образованный 20 ноября 2020 г. в целях участия в подготовке новой Конституции, поступило около 1000 предложений от граждан, специалистов в различных областях, общественности [4, с. 191].

Необходимо обратить внимание на тот факт, что несмотря на факультативный характер проведения публичного обсуждения официального проекта конституционных изменений, практика многих государств постсоветского пространства (Армения, Беларусь, Россия и др.) демонстрирует постоянное использование данной формы, формируя правовую традицию обязательного проведения такого обсуждения с гражданами в силу значимости данного вопроса в целом, а также важности рассматриваемых изменений фундаментального акта государства, выступающего общественным договором.

В единичных случаях обсуждение официального проекта конституционных изменений конституционно закрепляется в качестве обязательного элемента процедуры конституционного пересмотра (Узбекистан). Так, в Узбекистане в 2023 г. было проведено всенародное обсуждение по проекту Конституционного закона, всего от населения поступило свыше 220 тысяч предложений по его совершенствованию, из которых каждое четвертое отражено в проекте [5].

Отметим, что практически все конституционные реформы последнего пятилетия были проведены с использованием процедур непосредственного участия граждан по их принятию: референдума (Беларусь 27 февраля 2022 г., Казахстан 5 июня 2022 г., Кыргызстан 11 апреля 2021 г., Узбекистан 30 апреля 2023 г.), общероссийского голосования (1 июля 2020 г.).

Общей особенностью конституционной модернизации в странах СНГ является *масштаб и углубленный характер трансформации конституционного текста*. Следствием масштабной и углубленной трансформации конституционных предписаний выступает *увеличение объема конституционного текста и его детализация*, во многом обусловленная расширением объектов конституционного регулирования. Если на первоначальном этапе конституции стран СНГ были более лаконичными, на сегодняшний день они стали более детализованными и развернутыми.

Конституционализация новых объектов выступает характерной чертой современных конституций XXI в. (речь идет как о принятых, так и существенно обновленных конституциях). Как справедливо отмечает В.Е. Чиркин, современные конституции становятся документами государства и общества, ...они расширяют объект регулирования и придают ему комплексный, системный характер [6, с. 23].

В результате проведенных за последние пять лет конституционных реформ в Беларуси, Казахстане, Кыргызстане, России, Узбекистане в тексты учредительных документов были включены новые правовые конструкции – новые принципы, новые нормы и/или новые институты, выступающие в качестве принципиально новых либо модернизирующие существующие. В целом, такие конституционные изменения, призванные придать современный облик конституционному тексту, свидетельствуют о конституционной модернизации.

Так, в результате трансформации конституционных текстов в них были включены новые принципы: например, принцип социальной ответственности (Беларусь в 2022 г.), принцип солидарности (Узбекистан в 2023 г.), принцип конституционно-правовой ответственности государственных органов, органов местного самоуправления и их должностных лиц перед народом (Кыргызстан в 2021 г.).

В отношении новых конституционных норм обратим внимание на появление в конституционных текстах ряда положений, демонстрирующих модернизацию отдельных конституционно-правовых институтов (например, конституционного статуса личности, избирательного права, системы государственных органов, конституционного контроля и др.), формализующих используемые на практике категории (например, публичная власть – включена в Конституцию РФ в 2020 г.), а также переводящих на конституционный уровень положения законодательных актов.

Как отмечает Т.Я. Хабриева, «перевод положений законов на конституционный уровень, их «восхождение» в Конституцию – новое явление для российской конституционной практики, уже получившее в доктрине название – конституционная легитимация законодательных норм» [3, с. 21–22]. Данный инструмент использовался в процессе обновления российской Конституции в 2020 г., белорусской Конституции в 2022 г. Так, в Республике Беларусь перевод на консти-

туционный уровень был реализован в отношении ряда законодательных положений путем более детальной или лаконичной регламентации. Речь идет, например, о положениях об инновациях (ч. 4 ст. 51, ч. 5 ст. 107), персональных данных (ч. 2 ст. 28), государственно-частном партнерстве (ч. 5 ст. 107) с опорой на действующие законодательные акты. Данные положения выступают новыми для конституционного регулирования, но не являются таковыми в рамках законодательного регулирования. Возведение в ранг конституционных норм отдельных законодательных положений усиливает их значение и трансформирует их юридическую силу.

В конституциях закрепляются новые объекты не только конституционного, но и в целом правового регулирования, которые выступают конституционным началом для дальнейшего правового регулирования. Некоторые из них, по нашему мнению, можно именовать конституционными инновациями, что выступает проявлением конституционной модернизации.

Принципиально новым объектом конституционного регулирования является гражданское общество. Анализ положений новых конституций XXI в. показывает, что термин «гражданское общество» достаточно редко встречается в учредительных актах. На постсоветском пространстве данный объект был закреплен в результате последних конституционных реформ в Основном Законе Республики Беларусь, Кыргызстана, Российской Федерации, Узбекистана. Причем регламентация на конституционном уровне гражданского общества в белорусском Основном Законе осуществляется при определении состава Всебелорусского народного собрания (в свою очередь также являющимся новым объектом конституционного регулирования и нуждающимся в отдельном анализе), в российской Конституции – посредством закрепления полномочия Правительства осуществлять меры по поддержке гражданского общества, в кыргызской Конституции – через полномочие Кабинета Министров обеспечивать эффективное взаимодействие с гражданским обществом. Следует отметить, что в новой редакции Конституции Узбекистана 2023 г. появилась новая глава XIII «Институты гражданского общества», включенная в раздел третий «Общество и личность», в которой определяется, что «институты гражданского общества, в том числе общественные объединения и другие негосударственные некоммерческие организации, органы самоуправления граждан, средства массовой информации образуют основу гражданского общества» (ч. 1 ст. 69), закрепляются основы деятельности общественных объединений, включая политические партии, профсоюзы, религиозных организаций.

Отмечая ослабление влияния глобализационных процессов на конституционное развитие стран СНГ в последние пять лет (за исключением отдельных государств), конституции, сохраняя общие базовые принципы (народный суверенитет, разделение властей и др.), все более четко проявляют специфические черты. Конституции становятся более узнаваемыми применительно к конкретной стране, вводят оригинальные правовые конструкции, что усиливает их самобытные черты. В литературе отмечается, что «конституционные реформы XXI в. демонстрируют уникальный всплеск самобытности» [3, с. 18]. Данный тезис относится и к ряду постсоветских государств (Беларусь, Россия и др.). По справедливому утверждению О.И. Чуприс, изменения и дополнения Конституции Республики Беларусь 2022 г. олицетворяют самобытность Основного Закона [7].

Данная тенденция проявляется, полагаем, прежде всего, *в усилении национального компонента в конституции*. Так, в учредительные акты государств (как правило в преамбулы), включаются положения о сохранении национальной самобытности (Беларусь), об опоре на культурные и духовные традиции (Беларусь), об опоре на более чем трехтысячелетний исторический опыт развития государственности, а также научное, культурное и духовное наследие великих предков, внесших бесценный вклад в мировую цивилизацию (Узбекистан), о сохранении верности традициям предков, о следовании заветам Манаса Великодушного жить в единстве, мире и согласии, в гармонии с природой (Кыргызстан).

Преемственность в развитии Российского государства провозглашается в новой ст. 67.1 Конституции РФ. Более того, Российская Федерация конституционно провозглашается правопреемником Союза ССР на своей территории, а также правопреемником (правопродолжателем) Союза ССР в отношении членства в международных организациях, их органах, участия в международных договорах, а также в отношении предусмотренных международными договорами обязательств и активов Союза ССР за пределами территории Российской Федерации (ст. 67.1).

В Конституцию РФ в 2020 г. были включены положения о русском языке как языке государствообразующего народа, «о культуре как уникальном наследии многонационального наро-

да, о сохранении этнокультурного и языкового многообразия, веры в Бога, исторической правды памяти защитников Отечества, традиционных в России семейных ценностей и др.» [3, с. 19]. Таким образом, поправка 2020 г. закрепила в российской Конституции социокультурный код, что относится к ее оригинальным чертам. В целом можно говорить об усилении как конституционных положений о национальной самобытности (языке, религии, культуре, традициях), подчеркивающих уникальность народа, так и о преемственности государственного развития.

Общей чертой конституционных реформ, прошедших в последнее пятилетие в государствах СНГ и свидетельствующих об усилении самобытности содержания текстов конституций, является усиление ценностной составляющей Конституции путем расширения и уточнения каталога конституционных ценностей. Например, в конституциях нашли отражение такие ценности как мир (Беларусь), гражданское согласие (Беларусь), межконфессиональное и межнациональное согласие (Узбекистан), благополучие граждан (Беларусь) или достойная жизнь граждан (Узбекистан), процветание государства (Беларусь, Узбекистан), социально справедливое общество (Беларусь) или социальная справедливость (Узбекистан), солидарность (Узбекистан), брак как союз женщины и мужчины (Беларусь, Россия), патриотизм (Беларусь, Россия), историческая правда и историческая память (Беларусь, Россия) и др. Отметим, что положение о приверженности не только общечеловеческим, но и национальным ценностям декларируется в Преамбуле Конституции Узбекистана в редакции 2023 г.

Одним из направлений конституционных реформ на постсоветском пространстве выступает изменение типа существующей республиканской формы правления (Кыргызстан), и, как следствие, – перераспределение полномочий между ветвями власти. Совокупный эффект введенных нововведений приводит к перестройке отношений между ветвями власти.

Опыт конституционной модернизации в странах СНГ продолжает демонстрировать поиск оптимальной модели взаимоотношений главы государства с парламентом и правительства с акцентом на расширение полномочий законодательной власти (в частности, в кадровой сфере, контрольные полномочия и др.). За последние пять лет серьезным изменениям в этой части подверглись, в частности, основные законы Беларуси (2022 г.), Казахстана (2022 г.), Кыргызстана (2021 г.).

В некоторых государствах СНГ в результате последних конституционных реформ можно наблюдать укрепление судебной власти, что в большинстве случаев связано с развитием конституционного правосудия (Беларусь, Казахстан, Кыргызстан).

Наблюдаются внутриинституциональные изменения. В отношении парламента следует отметить переход от пропорциональной к ассиметричной смешанной избирательной системе (в Казахстане примерно 30 % Мажилиса (нижней палаты) формируется по мажоритарной системе, в Кыргызстане – 40 % Парламента), введение отзыва депутатов (Казахстан, Кыргызстан).

Представляется возможным выделение возникающего перспективного, по нашему мнению, направления совершенствования организации и деятельности парламента – сокращение численности парламентариев. Так, в Узбекистане уменьшилось количество членов Сената со 100 до 65, в Кыргызстане – членов парламента со 120 до 90. Полагаем, данная тенденция будет укрепляться, учитывая необходимость модернизации отношений между избирателями и их представителями, обусловленную в том числе расширяющимися возможностями использования информационно-коммуникационных технологий, дальнейшей цифровизацией при отсутствии объективной необходимости наличия значительного корпуса парламентариев.

Усиление самобытности содержания конституций некоторых постсоветских государств проявляется в конституционализации статуса новых представительных органов: в 2021 г. в Кыргызстане – Народного Курултая – общественно-представительного собрания, которое дает рекомендации по направлениям общественного развития; в 2023 г. в Конституцию Туркменистана была включена статья 6¹: «Халк Маслахаты Туркменистана является высшим представительным органом, представляющим интересы народа Туркменистана, порядок его создания и полномочия определяются Конституционным законом». В Республике Беларусь в соответствии с новой ст. 89¹ Конституции Республики Беларусь Всебелорусское народное собрание становится высшим представительным органом народовластия, по мнению Г.А. Василевича, – «высшим представительным органом народа Республики Беларусь» [8, с. 20]. Данная статусная характеристика определяет особый характер конституционного органа, его правовую природу, место в системе представительных органов. Предназначение данного органа выражается

в том, чтобы, с одной стороны, служить связующим звеном между государством и обществом, не допускающим разрыва между ними, укреплять их взаимосвязь, с другой – выступать институциональной опорой государственного механизма. Следует согласиться с О.И. Чуприс в том, что «фактически в Республике Беларусь получила конституционно-правовое закрепление новая формы гражданского участия в осуществлении государственной власти» [7, с. 9].

В рамках данной статьи было обращено внимание лишь на отдельные новеллы конституций стран СНГ, содержание конституционных изменений в постсоветских государствах требует детального изучения.

В заключение отметим следующее. Современный период конституционного развития многих стран СНГ свидетельствует о масштабном обновлении конституционного текста, вызванном изменениями в обществе и государстве, высокой динамике конституционных изменений, углубленном характере трансформации конституционных предписаний, усилении национального компонента.

Последние прошедшие конституционные реформы во многих из рассматриваемых государств (например, в Беларуси в 2022 г., России в 2020 г., Кыргызстане в 2021 г., Узбекистане в 2023 г.) носили комплексный характер, отражая во множестве поправок масштабные конституционные преобразования, объединенные логикой эволюционного развития государства и общества в конкретный исторический период.

Конституционная модернизация в странах СНГ демонстрирует некоторую схожесть направлений, но одновременно усиливает индивидуальность государств, что обусловлено внутренними вызовами, историческими особенностями, различным уровнем правовой культуры. Многие постсоветские конституции демонстрируют оригинальные правовые решения, при сохранении общих базовых принципов они все более четко проявляют свою самобытность. Общим в конституционном реформировании рассматриваемых государств на современном этапе, полагаем, является усиление в конституциях коллективистских устремлений, объединяющего начала, что проявляется как в содержании некоторых вносимых поправок, так и в их широком обсуждении с общественностью.

Литература

1. Васильева, Т. А. Изменение конституции: современные тенденции / Т. А. Васильева // Вестник Университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2019. – № 9. – С. 80–86.
2. Наталья Карпович : предлагаемые поправки в Конституцию расширяют гарантии прав граждан. Солигорский телевизионный канал [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://www.stc-tv.by/obschestvo/102936-natalya-karpovich-predlagaemye-popravki-v-konstitucziyu-rasshiryayut-garantii-prav-grazhdan>. – Дата доступа : 10.01.2024.
3. Хабриева, Т. Я. Тематический комментарий к Закону Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» / Т. Я. Хабриева, А. А. Клишас. – М. : Норма ИНФРА-М, 2020. – 240 с.
4. Акбарали кызы Токтобубу. Процесс принятия новой Конституции Кыргызской Республики 2021 года / Акбарали кызы Токтобубу // International Journal of Humanities and Natural Sciences. – 2022. – Vol. 7-1(70). – P. 190–193.
5. В Узбекистане 30 апреля пройдет референдум по принятию новой Конституции [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://rg.ru/2023/03/28/v-uzbekistane-30-aprelia-projdet-referendum-progrianiatiiu-novoj-konstitucii.html>. – Дата доступа: 12.01.2024.
6. Конституция в XXI веке : сравнительно-правовое исследование: монография / отв. ред. В. Е. Чиркин. – М. : Норма: ИНФРА-М, 2011. – 656 с.
7. Чуприс, О. И. Изменения и дополнения Конституции Республики Беларусь : олицетворение самобытности Основного Закона и обновленной государственности / О. И. Чуприс // Право.by. – 2022. – № 2 (76). – С. 5–13.
8. Василевич, Г. А. Новеллы белорусской Конституции как фактор устойчивого развития государства / Г. А. Василевич // Право.by. – 2022. – № 2 (76). – С. 14–23.

Распознавание по лицу в криминалистике: научное понимание и значение для системы криминалистической техники

А.Е. СЕРЕДА

В статье рассматривается понятийный аппарат распознавания лиц в криминалистике, подчеркивается необходимость уточнения некоторых существующих и введения новых понятий. Предложены классификации методов в криминалистическом распознавании лиц и категории организационно-технического обеспечения исследуемого феномена. Автор указывает на научный потенциал распознавания по лицу как возможного элемента системы криминалистической техники.

Ключевые слова: классификация, понятие, категория, методика, криминалистическая техника.

The article examines the conceptual apparatus of facial recognition in criminology, emphasizes the need to clarify existing concepts and introduce new ones. Classifications of methods in forensic face recognition and categories of organizational and technical support for the phenomenon under study are proposed. The author points to the scientific potential of facial recognition as a possible element of forensic technology system.

Keywords: classification, concept, category, methodology, forensic technique.

Введение. Идентификация преступника в условиях века цифровой информации и глобализации представляет собой приоритетную задачу в рамках обеспечения Национальной безопасности и поддержания правопорядка. Условия информационной осведомленности и международной мобильности обозначили весьма непростую проблему распознавания лица, активно скрывающего признаки, по которым оно может быть идентифицировано. Являясь еще не сформировавшейся в достаточной степени концепцией, распознавание лиц характеризуется проблемами как теоретического, так и практического характера его определения; с одной стороны, имеется ввиду отождествление и идентификация личности в общем, а с другой – сугубо по биометрическим характеристикам лица человека. Криминалистика в настоящее время не в полной мере различает составляющие данной дилеммы.

Характерной чертой распознавания по биометрическим параметрам лица человека является отсутствие четкой и однозначной терминологии в данном направлении научной мысли, а также ввиду ее новизны для гуманитарных наук в целом не в полной мере обозначена классификация методов, являющаяся основополагающим фундаментом дальнейшего научного развития. Не представлены основные категории организационного обеспечения распознавания лиц по биометрическим признакам в расследовании преступлений.

Эти и иные вопросы не исследовались ранее с точки зрения распознавания лиц как потенциального элемента системы криминалистической техники; предлагаемая в существующих научных источниках информация не позволяет выделить его из исследования внешнего облика человека в целом, что значительно ограничивает данную область. Задачей работы выступает предложение путей преодоления обозначенных проблем.

Основная часть. На протяжении своего развития криминалистика разработала и (или) заимствовала ряд весьма сложных технологий распознавания лиц по элементам внешнего облика: 1) бертильонаж (антропометрия); 2) словесный портрет; 3) фотограмметрические методы; 4) автоматизированное распознавание по изображениям и др. Очевидно, что автоматизированные системы распознавания реализуют все достижения в области методов криминалистической идентификации человека по внешним признакам, выработанные за более чем вековую историю криминалистики, фотограмметрии, информационных технологий.

Современные условия предопределили экспоненциальный уровень развития, распространения и имплементации технологий распознавания лиц, о чем свидетельствуют зафиксированные факты их использования в практической деятельности [1, с. 735]. Немаловажным также представляется обширный интерес к их рассмотрению в академических кругах и работах профессионалов, которые исследуют данное направление, причем необязательно в криминалистике [2, с. 6].

К примеру, Г.А. Кухарев выделял такие направления использования технологий распознавания лиц, как: 1) аутентификация и идентификация лиц; 2) распознавание эмоционального состояния людей по лицам; 3) распознавание текущего психофизического состояния людей по лицам [3, с. 128]. В.А. Ворона указывал на следующие функции: аутентификация – установление подлинности «один в один», идентификация – поиск соответствия «один из многих». Ученый отмечает принадлежность распознавания лиц по биометрическим признакам лица человека к «трем большим биометрикам» вместе с распознаванием по следам пальцев рук и радужной оболочке [2, с. 5].

В отличие от иных способов применения данных технологий (верификация, аутентификация и др.), криминалисты применяют их в том числе с целью отождествления и идентификации преступников, а также установления всех обстоятельств преступления [4, с. 152]. Как результат, высокую значимость следует отнести их организационно-правовому обеспечению. В данном контексте организационно-правовое обеспечение распознавания лиц в расследовании преступлений, исходя из природы слов, подразумевает: 1) организацию распознавания лиц; 2) правовое сопровождение, регламентирующее работу в данной области в расследовании преступлений. На основе исследования работ ряда авторов в данной сфере можно сделать вывод, что организационный аспект распознавания лиц включает технический и теоретический его уровни [5, с. 44], [6, с. 34], [7, с. 179]; правовое сопровождение заключается в законодательном регулировании использования и развития явления [8], [9].

Ретроспективный анализ работ как отечественных, так и зарубежных авторов криминалистов позволяет сделать вывод о том, что теоретическая часть организационного обеспечения не в полной мере проработана и требует значительных уточнений для адаптации данных технологий в процесс раскрытия и расследования преступлений. Для начала, с целью внесения ясности в данный вопрос, целесообразно акцентировать внимание на таких элементах организационного обеспечения распознавания лиц в правоохранительной деятельности в общем и в расследовании преступлений в частности, как: 1) понятийно-категориальный аппарат; 2) классификацию методов распознавания лиц (по лицу человека).

В рамках исследуемого вопроса высокую значимость приобретает такой первичный элемент организации, как понятийно-категориальный аппарат и его имплементация в криминалистике. Р.С. Белкин указывал, что под условным «языком криминалистики» понимается система общих и частных понятий криминалистики, выражаемых определениями и обозначениями (знаками, терминами) [10, с. 273]. Учитывая, что «язык криминалистики» предназначен для придания большей точности и однозначности употребляемым специальным терминам, следует согласиться с А.А. Бессоновым, который обращает внимание на то, что «язык» криминалистической науки, как и любой иной сферы научного знания, должен быть точным и все используемые термины определены однозначно [11, с. 139].

В свою очередь, М.Е. Игнатьев подчеркивает, что для того, чтобы понятие активно участвовало в познавательной деятельности, оно должно быть правильно и точно определено [12, с. 128]. На определения, по мнению ученого, опираются все субъекты расследования преступлений, т. к. они определяют и дисциплинируют обоснованное криминалистическое мышление. С нашей точки зрения, однозначное толкование введенных криминалистикой понятий, установленных в процессе научного исследования явлений, предметов и процессов, имеет важное значение для всей познавательной деятельности в науке и практике.

Анализ научной литературы позволил выделить основные требования, которым, по мнению ученых, должен соответствовать язык науки или ее понятийно-категориальный аппарат: 1) единство терминологии; 2) точность; 3) устойчивость; 4) системность [13, с. 11]. В.Ю. Белицкий единство терминологии определяет как использование терминов, понятий и категорий в прямом и непосредственном значении, не допускающем двузначного толкования; точность терминологии, развивает мысль ученых, означает четкость употребляемых терминов, однозначность их понимания, соответствие слова или словосочетания содержанию обозначаемого понятия. Под устойчивостью терминологии В.Ю. Белицкий понимает постоянство употребления, недопустимость неоправданного, необоснованного научной необходимостью замены одних терминов, понятий и категорий другими [13, с. 11].

М.Е. Игнатъев указывает на важность точности и однозначности толкования или единства терминологии. Несоблюдение обозначенных требований к терминологии, по его мнению, приведет к непониманию друг друга учеными, практиками, которые станут использовать одни и те же термины, понятия и категории, наполняя их различным содержанием, вкладывая в них различное смысловое значение [13, с. 11].

В действительности, по причинам объективного и субъективного характера, данное условие часто не соблюдается. Многозначность терминов в криминалистике развивается в результате подмены криминалистического содержания понятия другим. Помимо этого, фактором является то, что криминалистика оперирует понятиями, которые одновременно рассматриваются как в самой науке, так и в смежных областях, а также дисциплинах, лишь опосредованно связанных с криминалистикой. Понятийный аппарат криминалистики представляет собой симбиоз множества наук и по своей природе является интегрированным явлением, вобрав в себя понятия и определения естественных, технических и других наук.

Как результат, для криминалистической науки важно выявлять и транслировать именно криминалистический смысл привлекаемых в систему понятий. Вся история изучения понятийно-терминологической системы криминалистики демонстрирует, что выделение специфических криминалистических понятий является важной исследовательской задачей. Ретроспективный же анализ научных работ и публикаций демонстрирует наличие обширного спектра используемых исследователями в данной области понятий и их определений, которые достаточно далеки от юриспруденции и требуют в том числе расшифровки для использующих их в расследовании специалистов в сфере расследования преступлений [14, с. 65–66].

К примеру, изучая юридическую литературу, понятие «лицо» можно с уверенностью назвать одним из встречающихся многократно. Данное слово обладает характерной для многих понятий, используемых в криминалистике, многозначностью, во многом зависящей от контекста. К примеру, в рамках уголовного и гражданского законодательства, наиболее частый контекст употребления демонстрируется определениями, которые встречаются в законодательных актах и юридических словарях: «физическое лицо – граждане Республики Беларусь, а также иностранные граждане и лица без гражданства, постоянно проживающие в Республике Беларусь» [15]; «юридическое лицо – организация, которая имеет обособленное имущество в собственности, хозяйственном ведении или оперативном управлении» [16].

Можно также обратиться к ст. 4.9. Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях, название которой демонстрирует обозначенный выше аспект: «Срок, по истечении которого физическое или юридическое лицо считается не подвергавшимся административному взысканию» [17, с. 21]. Иным примером будет п. 1 ст. 83 Уголовного кодекса Республики Беларусь «Лицо освобождается от уголовной ответственности в связи с истечением сроков давности» [18, с. 52]. Не в последнюю очередь Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь также придерживается данной позиции, как продемонстрировано в п. 1 ст. 223 «С целью установления тождества или различия с ранее наблюдавшимися лицом или объектом следователь, лицо, производящее дознание, могут...» [19, с. 186].

В данной связи с правовой точки зрения логично было бы предположить, что под распознаванием лиц мы понимаем распознавание человека, что не было бы далеко и от литературного значения слова «распознавать». Однако криминалистика разработала спектр методов и приемов в идентификации личности, которые, по данной логике, также могут быть определены как «распознавание лиц» – антропометрия, дактилоскопия, одонтология, серология и др. [20, с. 80, 114, 139, 147]. Как результат, применяя методы криминалистической идентификации по биометрическим признакам, мы выделяем значение понятий «распознавание лиц», «лицо» и «распознавать» в уникальном для этой науки контексте – криминалистическом. Примечательно, что само понятие «распознавать» в русском языке определяется как «узнать по каким-либо признакам»; это вполне соответствует выраженному и иногда принятому за аксиому предположению, что в таком случае значительное количество методов идентификации допускается именовать в криминалистике как «распознавание лиц», с чем мы категорически не согласны ввиду указанных выше причин [21].

Действующий факт неоднозначности применяемой терминологии является неблагоприятным явлением и способствует внесению неясности как в теоретическом поле исследо-

ваний, так и практическом применении. Процесс обнаружения, фиксации и обработки биометрической информации о лице человека, исследование его индивидуальных особенностей элементов и анализ сопутствующих им признаков, а также последующее сравнение и идентификация личности на их основе, с нашей позиции, не должен именоваться общим термином «распознавание лиц», так как данное понятие слишком широкое и не соответствует требованиям четкости, однозначности и ясности к понятийному аппарату в криминалистике.

Технологический процесс обусловил возникновение ряда подходов к распознаванию лиц в целом. Изучение соответствующих источников, результатов практического применения распознавания лиц, а также анализ технической информации в отношении вышеупомянутых систем дает основание полагать, что в криминалистическом распознавании по лицу человека для дальнейшего эффективного развития должна иметь место классификация методов. В результате изучения публикаций и научных работ авторов, занимающихся распознаванием в данной области, нам становится очевидным, что применяемые методы целесообразно разделить на две категории признаков: общие и частные. Общий признак включает деление на два аспекта – концептуальный и технический. Первый отвечает на вопрос: «Что и по каким признакам будет распознаваться?»; второй заключается в ответе на вопрос: «Каким образом будет происходить распознавание с точки зрения технического устройства?».

Концептуальная категория признаков подразумевает направления познавательной деятельности. Согласно данным общественных организаций, государственных учреждений и объединений, отражающим практику применения данных систем в расследовании преступлений, нам представляется целесообразным обозначить следующие элементы концептуального элемента общего уровня методики распознавания по лицу [22]:

- фиксация, обработка и сравнение биометрических данных лица человека в совокупности с антропометрическими признаками внешнего облика с целью криминалистического отождествления и последующей идентификации;

- фиксация, обработка и сравнение биометрических данных лица человека в совокупности с поведенческими признаками (повторяющиеся движения, поведенческие особенности и др.) с целью криминалистического отождествления и последующей идентификации;

- фиксация, обработка и сравнение биометрических данных лица человека в совокупности с фиксацией, обработкой и сравнением идентифицирующих признаков голоса человека с целью криминалистического отождествления и последующей идентификации;

- фиксация, обработка и сравнение биометрических данных лица человека в совокупности с распознаванием эмоционального состояния человека с целью криминалистического отождествления и последующей идентификации. Целесообразность применения данного метода в настоящее время находится в дискуссионной плоскости и др. [14, с. 67].

Техническую категорию признаков следует подразделять на две последующие категории: аппаратно-техническую и аппаратно-программную. Первая подразумевает такие технические возможности аппаратного комплекса как 3D-сканирование, лазерное сканирование, возможность ночной съемки, присутствие приближения и защита от физического воздействия на прибор и т. д. Вторая категория более сложная и представляет собой комплекс программного обеспечения и алгоритмов систем работы – искусственный интеллект, нейронные сети, «машинное обучение», «глубокое обучение» и т. д.

Под частными признаками в криминалистическом распознавании по лицу человека можно понимать разнообразные специфически-определенные аспекты, такие как, к примеру, правовая природа распознавания лиц – распознавание может проходить в рамках расследования по уголовному делу или в ходе оперативно-розыскной деятельности, профилактики правонарушений и др. Частные признаки имеют решающее значение в правовом регулировании распознавания лиц и в обязательном порядке их следует учитывать в процессе ассимиляции и имплементации данного феномена в расследовании преступлений.

Построение категорий организационного обеспечения распознавания лиц по биометрическим признакам в расследовании преступлений следует осуществлять по принципу учета используемых систем, баз данных или вида данных, с которыми алгоритмы работают и т. д. К примеру, системы: 1) использующие искусственный интеллект; 2) не использующие искусственный интеллект; базы данных: 1) интегрированные с внешними базами данных; 2) не интегрированные с внеш-

ними базами данных; алгоритмы: 1) работающие с персональными данными в открытом доступе; 2) работающие с персональными данными, находящимися в закрытом доступе и др. Представленные нами категории организационного обеспечения распознавания лиц необходимы для обеспечения понимания и эффективного научного исследования рассматриваемого феномена.

Следует также отметить взаимосвязь распознавания лиц, осуществляемого в криминалистических целях, и криминалистических учетов. Распознавание оперирует признаками проверяемых лиц, внесенных в соответствующую базу данных. Поэтому эффективность автоматизированных систем распознавания лиц напрямую зависит от объема массива проверяемых лиц. Практика использования криминалистических учетов показывает, что чем больше массив учета, тем большую эффективность показывает вся система. Считаем, что большое значение в раскрытии и расследовании преступлений следует придавать классификации и правовому обеспечению баз данных для систем автоматического распознавания лиц. В общем виде эти базы данных следует разделить на три категории: глобальные (социальные сети, международные реестры и платформы, предоставляющие материал для сравнения и идентификации), корпоративные (базы данных корпоративных сотрудников предприятий и корпораций) и ведомственные (для использования правоохранительными и административными органами) [23, с. 100].

Итак, на современном этапе обоснованным следует понимать методологию криминалистического распознавания по лицу как технику исследования способов, методов, приемов научного исследования лица человека в криминалистической деятельности. Вышеизложенное можно обозначить как предпосылку дальнейшей разработки и выведения основных положений методики в распознавании лиц, теоретического обоснования ее системы в рамках научного подхода и выделения существующих методов как ее элементов. Правильное понимание сущности методологии распознавания по лицу и особенно грамотная терминологическая трактовка всей системы идей в криминалистическом распознавании лиц имеет существенное значение для формирования и осмысления всех ее элементов.

Заключение. Рассмотрение выявленных категорий и представление классификации организационного обеспечения криминалистического распознавания по лицу человека демонстрирует сложную структуру, проработка и уточнение элементов которой закладывает фундамент дальнейшей научной и практико-ориентированной деятельности. Эффективное применение рассматриваемых технологий в противодействии преступности обусловлено их имплементацией на основе системного подхода, в том числе с применением дифференцирования и комбинирования различных элементов и методов. В зависимости от задач расследования, а также от обстоятельств, нам представляется рациональным сочетать несколько способов биометрической идентификации человека, иначе говоря, применять концептуально комбинированный подход. Обоснованием этому служит также необходимость повышения точности результатов и надежности применяемых систем распознавания лиц.

Распознавание или распознавание лиц как понятия идентичны в криминалистике, представляя собой широкую категорию методов в расследовании преступлений, подразумевают различные методы криминалистической идентификации личности; по данной причине, представляется нецелесообразным их применение с целью обозначения определенных методов идентификации, и в том числе распознавания лица человека с целью криминалистической идентификации. Результаты проведенного анализа научных источников и сделанные нами на их основании выводы предлагают основы классификации методов распознавания по лицу человека в расследовании преступлений и обозначили возможные категории его организационно-технического обеспечения. На основании вышеизложенного, считаем обоснованным вынести на рассмотрение следующие определения:

– организационное обеспечение в криминалистическом распознавании по лицу человека – это совокупность теоретико-прикладных положений, материально-технического обеспечения, а также мер и действий, направленных на консолидацию имеющихся знаний в единую систему и поэтапную организацию познавательного процесса в рамках криминалистического распознавания по лицу с целью раскрытия и расследования преступлений;

– понятийный аппарат криминалистического распознавания по лицу – это сложное системное комплексное понятийно-терминологическое образование, имеющее постоянно развивающуюся и совершенствующуюся структуру, выступающее способом и средством осуще-

ствления научного мышления и процесса познания в сфере распознавания лиц по биометрическим характеристикам лица человека и идентификации на их основе, обусловленного объектом и задачами исследования в конкретной области.

С учетом характерных особенностей актуального этапа развития организационная составляющая расследования преступлений требует позитивной адаптации к технологическому прогрессу, в видимой степени опережающему теоретическое осмысление становящихся доступных в криминалистической деятельности средств и методов. В данной связи необходима совершенная четкость и ясность терминологического аппарата в той или иной области криминалистики. Наибольшая четкость терминологии возможна не в последнюю очередь в условиях выделения родственных теоретических положений и практических подходов в единое научное направление в рамках криминалистической техники.

Анализ публикаций показывает, что криминалисты редко обращаются к данной теме, что объясняется в том числе технической сложностью рассматриваемых систем и подходов к их использованию для юристов. Нет сомнений, что эффективное применение технологий распознавания лиц в криминалистической деятельности невозможно без понимания основных методологических принципов и терминологических особенностей его организационного обеспечения. Систематизация понятий и классификация методов располагает, таким образом, высокой научной и практической значимостью, что обуславливает востребованность дальнейшего их исследования.

Таким образом, объем криминалистических знаний по рассматриваемому вопросу в совокупности образует систему, синтез элементов которой позволяет констатировать становление нового уровня знания. Совокупность подходов и свойств технологий распознавания по лицу в раскрытии и расследовании преступлений, поддержании общественного порядка и профилактики правонарушений достигла точки развития, позволяющей говорить о необходимости становления соответствующего самостоятельного направления в рамках криминалистической техники в области распознавания по внешнему облику человека, аккумулирующего результаты исследований в разрезе технических и гуманитарных наук.

Литература

1. Середа, А. Е. Особенности криминалистического распознавания лиц: проблемы и перспективы / А. Е. Середа, И. Р. Веренчиков // *Право в современном белорусском обществе* : сб. науч. тр. / Нац. центр законодательства и правовых исслед. Респ. Беларусь ; редкол.: Н. А. Карпович (гл. ред.) [и др.]. – Минск : Колорград, 2022. – Вып.17. – С. 733–742.
2. Ворона, В. А. Биометрическая идентификация личности / В. А. Ворона. – СПб., 2022. – 228 с.
3. Кухарев, Г. А. Методы обработки и распознавания лиц в задачах биометрии / Г. А. Кухарев, Е. И. Каменская, Ю. Н. Матвеев, Л. Н. Щеголева ; под ред. М. В. Хитрова. – СПб., 2013. – 388 с.
4. Saferstein, R. *Criminalistics. An introduction to Forensic Science* / R. Saferstein, R. Tiffany. – New Jersey : Mt. Laurel, 2020. – 577 p.
5. Das, R. *The Science of Biometrics. Security Technology for Identity Verification* / R. Das. – New York : Routledge, 2019. – 315 p.
6. Gates, K. *Our Biometric Future. Facial Recognition Technology and the Culture of Surveillance* / K. Gates. – New York : University Press, 2011. – 276 p.
7. Lee-Morrison, L. *Portraits of Automated Facial Recognition* / L. Lee-Morrison. – Biefeld : Transcript Verlag, 2019. – 199 p.
8. Постатейный комментарий к Закону Республики Беларусь от 7 мая 2021 г., № 99-3 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://etalonline.by/document/?regnum=H12100099>. – Дата доступа : 14.01.2023.
9. Распознавание лиц : почему в Китае не скрыться даже в 60-тысячной толпе [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://www.bbc.com/russian/news-43751391>. – Дата доступа : 08.01.2024.
10. Белкин, Р. С. *Криминалистическая энциклопедия* / Р. С. Белкин. – М. : Изд-во БЕК, 1997. – 342 с.
11. Бессонов, А. А. Криминалистические стандарты как содержание парадигмы криминалистики / А. А. Бессонов // *Расследование преступлений: проблемы и пути их решения*. – 2018. – № 3 (21). – С. 135–140.
12. Игнатъев, М. Е. Язык криминалистики и понятия криминалистической теории причинности / М. Е. Игнатъев // *Современные проблемы отечественной криминалистики и перспективы ее развития* : сб. науч. ст. по мат. всерос. науч.-практ. конф. (с междунар. участием), посв. 20-летию каф. криминалистики ; отв. ред. Г. М. Меретуков. – Краснодар : Изд-во Кубанского гос. аграрного ун-та им. И.Т. Трубилина, 2019. – С. 127–134.

13. Белицкий, В. Ю. Понятийно-категориальный аппарат криминалистической науки / В. Ю. Белицкий // Криминалистика; судебно-экспертная деятельность; оперативно-розыскная деятельность. – 2020. – № 1 (13). – С. 9–15.
14. Серeda, А. Е. Понятие, классификация и криминалистическое значение систем распознавания лиц / А. Е. Серeda, И. А. Мороз, И. И. Лузгин // Вопросы криминологии, криминалистики и судебной экспертизы : сб. науч. тр. / НПЦ Гос. ком. судеб. экспертиз Респ. Беларусь ; редкол.: А. С. Рубис (гл. ред.) [и др.]. – Минск : Право и экономика, 2022. – Вып. 2/52. – С. 63–71.
15. Юридический словарь [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://multilang.etalonline.by/ru/term/index/2180?langname=ru&size=25&page=1&type=3>. – Дата доступа : 20.10.2023.
16. Юридический словарь [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://multilang.etalonline.by/ru/term/index/26792?langname=ru&page=1&type=3&etalon=false&rubric=-1>. – Дата доступа : 20.10.2023.
17. Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях. Процессуально-исполнительный кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях : вводятся в действие с 1 марта 2021 г. – Минск : Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2021. – 512 с.
18. Уголовный Кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 1 фев. 2020 г., № 76, 2/50 : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 01.02.2020 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.
19. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь : с изм. и доп., внесенными Законом Респ. Беларусь от 9 янв. 2019 г. – Минск : Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2019. – 480 с.
20. Innes, B. Bodies of Evidence: How Forensic Science Solves Crimes / B. Innes, L. Doncaster. – М. : Ecsmo, 2023. – 256 p.
21. Толковый словарь Ожегова [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=18681>. – Дата доступа : 20.10.2023.
22. Facial Recognition Technology. Current and Planned Uses by Federal Agencies [Electronic resource]. – Access mode : <https://www.gao.gov/assets/gao-21-526.pdf>. – Access date : 14.01.2023.
23. Серeda, А. Е. Развитие габитоскопии в рамках прогресса информационных технологий и методов искусственного интеллекта / А. Е. Серeda, И. И. Лузгин // Вестник Могилевского института МВД. – 2023. – № 1 (7). – С. 97–101.

Субсидиарная ответственность аффилированных лиц неплатежеспособной организации как инструмент защиты прав кредиторов

А.А. СТЕПАНЕНКО

В данной статье автор рассматривает вопросы привлечения аффилированных лиц юридического лица, в отношении которого открыто конкурсное производство в деле о банкротстве должника, к subsidiарной ответственности в соответствии с нововведениями относительно данного правового института, отраженных в положениях Закона Республики Беларусь от 13.12.2022 № 227-З «Об урегулировании неплатежеспособности», уделяя внимание практическим аспектам привлечения должника к subsidiарной ответственности: кругу лиц, к которым может быть предъявлен соответствующий иск, основаниям их привлечения к subsidiарной ответственности.

Ключевые слова: юридическое лицо, кредитор, должник, subsidiарная ответственность, банкротство, собственник имущества юридического лица, руководитель юридического лица.

In this article, the author considers the issues of attracting affiliates of a legal entity in respect of which bankruptcy proceedings have been opened in the case of bankruptcy of the debtor to subsidiary liability in accordance with the innovations regarding this legal institution, reflected in the provisions of the Law of the Republic of Belarus dated December 13, 2022 № 227-Z «On the settlement of insolvency», paying attention to the practical aspects of bringing the debtor to subsidiary liability: the circle of persons against whom a corresponding claim can be brought, the grounds for bringing them to subsidiary liability.

Keywords: legal entity, creditor, debtor, subsidiary liability, bankruptcy, owner of the property of a legal entity, head of a legal entity.

Введение. Защита интересов кредиторов, выраженная, в том числе, в гарантии наиболее полного исполнения обязательств перед ними должником, в отношении которого открыто конкурсное производство и утвержден план ликвидации (прекращения деятельности), фактически является одной из целей урегулирования неплатежеспособности должника. В этой связи следует отметить, что, с одной стороны, в отличие от экономической несостоятельности, предполагающей возможное восстановление платежеспособности должника в результате его санации, для банкротства с ликвидацией должника недостаточность имущества для удовлетворения требований кредиторов является негативной, но обычной практикой, однако, с другой, – нельзя исключать предусмотренные нормами законодательства возможности для защиты имущественных интересов кредиторов, признанного банкротом. Одной из таких мер является взыскание непогашенной задолженности с subsidiарных должников юридического лица, признанного банкротом.

Целью данной статьи является анализ норм действующего законодательства Республики Беларусь об урегулировании неплатежеспособности, регламентирующих основания и порядок реализации subsidiарной ответственности аффилированных лиц организации-должника. Анализ правовых положений о subsidiарной ответственности лиц, правомочных давать обязательные для организации-должника указания, нашел отражение в научных работах А.П. Олешкевича, В.С. Шильчёнка, Я.И. Функа, Д.И. Михайлова.

Основная часть. По нашему мнению, в основе правовых положений о subsidiарной ответственности субъектов, тесно взаимосвязанных с юридическим лицом, лежит теория юридической фикции гражданской правосубъектности соответствующей организации. Базовые положения данной теории были выдвинуты Ф.К. Савиньи. Исходя из данной теории, юридическое лицо – это искусственный, фиктивный субъект, допускаемый только для юридических целей, и искусственная способность этого субъекта распространяется только на отношения, регламентируемые частным правом [1]. В тоже время одной из возможных причин банкротства должника являются недобросовестные действия лиц, аффилированных с этим должником, в том числе собственников имущества организации-должника, ее участников, руководителей и иных лиц. Деяние указанных лиц, вызвавшее банкротство юридического лица, на наш взгляд, следует рассматривать как деликт, обладающий как частной, так и публичной составляющей. Его частно-правовая составляющая состоит в нарушении прав и ущемлении интересов конкретных кредиторов, а публичная составляющая состоит в том, что следствием данного деяния

является риск возникновения системной вторичной неплатежеспособности уже у кредиторов, которые могут утратить способность к исполнению своих обязательств вследствие неполного удовлетворения их требований. В этой связи белорусский законодатель предусмотрел институт привлечения к субсидиарной ответственности аффилированных лиц должника. Под аффилированными лицами должника для целей настоящей статьи и для удобства мы будем понимать не только круг данных субъектов, отраженный в ст. 56 Закона Республики Беларусь от 09.12.1992 № 2020-ХІІ «О хозяйственных обществах» (далее – Закон № 2020-ХІІ), но и всех лиц, к которым законодательство и практика предусматривают возможность предъявления иска кредиторами или управляющим о привлечении к субсидиарной ответственности.

На наш взгляд, включение в белорусское законодательство института субсидиарной ответственности должника при его экономической несостоятельности (банкротстве) является одним из исключений относительно одного из важнейших постулатов гражданского права, а именно возложения ответственности по обязательствам юридического лица непосредственно на юридическое лицо и невозможности привлечения к данной ответственности его учредителей (участников) или собственника, отраженного в п. 3 ст. 52 Гражданского кодекса Республики Беларусь (далее – ГК) [2].

Абзац 2 ч. 3 ст. 52 ГК, п. 1 ст. 9 Закона Республики Беларусь от 13.12.2022 № 227-3 «Об урегулировании неплатежеспособности» (далее – Закон № 227-3), а также п. 5.6 Декрета Президента Республики Беларусь от 23.11.2017 № 7 «О развитии предпринимательства» (далее – Декрет № 7) указывают на лиц, которых можно привлечь к субсидиарной ответственности при рассмотрении дела о признании банкротом юридического лица:

- 1) собственник имущества унитарного предприятия, признанного банкротом;
- 2) учредители (участники) юридического лица, признанного банкротом [2], [3], [4]. Как отражено в практике, возможно привлечение к субсидиарной ответственности и физического и юридического лица, последнего – при установлении вины (умысла) физического лица, которое представляет интересы такого юридического лица, являясь, например, его единоличным органом управления [5, с. 52];
- 3) иные лица (в том числе руководитель юридического лица), имеющие право давать обязательные для этого юридического лица указания [2], [3], [4].

В соответствии с абз. 3 ч. 1 ст. 33 Закона № 2020-ХІІ в хозяйственном обществе в качестве исполнительного органа хозяйственного общества может выступать коллегиальный исполнительный орган (правление или дирекция) [6]. В данном случае возникает вопрос, кто должен привлекаться к субсидиарной ответственности в отношении хозяйственного общества, у которого имеется коллегиальный исполнительный орган: все члены правления (дирекции) или лицо, возглавляющее данный орган? Из содержания ч. 3 ст. 5 Закона № 2020-ХІІ следует, что в данном случае субсидиарная ответственность может быть возложена только на лиц, возглавляющих коллегиальный исполнительный орган этого общества, имеющих право давать обязательные для этого общества указания либо возможность иным образом определять его действия [6]. Аналогичное мнение высказывает В. Шильченок [7, с. 43]. Однако из ч. 1 ст. 55 Закона № 2020-ХІІ следует, что решения коллегиального исполнительного органа хозяйственного общества принимаются на его заседаниях и оформляются протоколом [6]. Следовательно, при принятии решения, например, о совершении сделки на невыгодных для юридического лица условиях на заседании правления может голосовать большинство членов правления, однако, лицом, к которому с точки зрения буквального толкования правила абз. 2 ч. 3 ст. 52 ГК можно будет предъявить иск о привлечении к субсидиарной ответственности, будет являться только председатель правления, как руководитель коллегиального исполнительного органа.

Таким образом, по нашему мнению, буквальный толкование правила абз. 2 ч. 3 ст. 52 ГК не достаточно полно согласуется с нормами законодательства о хозяйственных обществах о порядке реализации полномочий правления как коллегиального исполнительного органа. По этой причине имеет право на существование также системно-смысловой вариант толкования абз. 2 ч. 3 ст. 52 ГК, согласно которому, членов правления, голосовавших за принятие решения, вызвавшего банкротство коммерческой организации, следует признавать в качестве иных лиц, правомочных давать обязательные для данной организации указания. Аргументом, уменьшающим степень обоснованности системно-смыслового варианта толкования положений абз. 2 ч. 3 ст. 52 ГК относительно членов правления, одобрявших решение, вызвавшее банкротство коммерческой организации, является включение данных членов именно в коллегиальный исполнительный орган, чей председатель выполняет функцию уставного представителя юридического лица. Как

правило, экономически неблагоприятные решения правления реализуются либо через сделки, заключаемые от имени организации председателем правления, или через иные индивидуальные распоряжения председателя правления. В результате причинно-следственная связь между банкротством как следствием и неблагоприятной сделкой может быть констатирована применительно именно к деянию председателя правления по совершению данной сделки, тогда при установлении данной связи между решением, принятым правлением, и банкротством, имеется промежуточное звено в действиях состава одного и того же органа управления. В этой связи признание действия члена правления по одобрению неблагоприятного решения данного органа как факта совершения деяния, вызвавшего банкротство организации, несколько сложнее, чем признание таковым сходного по гражданско-правовой природе деяния, а именно – одобрения сделки коммерческой организации членом высшего или наблюдательного органа.

Исходя из вышеизложенного, по нашему мнению, следует констатировать недостаточную определенность смысла положений о субъектах, на которых может быть возложена субсидиарная ответственность у должника - неплатежеспособной организации, которую целесообразно устранить, внося соответствующие изменения в Закон № 227-3, дополнив перечень лиц, которые солидарно несут субсидиарную ответственность, членами коллегиального исполнительного органа, а также внести соответствующие изменения в ч. 3 ст. 5 Закона № 2020-ХІІ и п. 5.6 Декрета № 7.

Во-вторых, законодатель выделяет категорию «иные лица, в том числе имеющие право давать обязательные для этого юридического лица указания либо возможность иным образом определять его действия». В. Шильченок выделяет четыре категории данных лиц: лица, выполнявшие от имени должника организационно-распорядительные и (или) административно-хозяйственные действия, будучи наделенными соответствующими полномочиями (в силу законодательства, договора и др.); лица, непосредственно совершавшие такие действия без их наделения названными полномочиями; лица, которые не имели какого-либо правового статуса по отношению к должнику, но фактически управляли его деятельностью путем использования принадлежащих должнику платежных инструментов, документов бухгалтерского и (или) налогового учета и это доказано или установлено судебным постановлением; лица, ранее имевшие вышеуказанный статус (например, бывший собственник), которые совершили доведшие до банкротства виновные (умышленные) действия до момента утраты ими такого права или возможности [7, с. 43].

Заметим, что условиями привлечения вышеуказанных лиц, исходя из буквального толкования п. 1 ст. 9 Закона № 227-3, к субсидиарной ответственности являются:

– недостаточность имущества юридического лица. Согласно п. 3 ст. 9 Закона № 227-3 иски о привлечении к субсидиарной ответственности предъявляются на сумму неудовлетворенных требований кредиторов [2];

– банкротство юридического лица должно быть вызвано виновными (умышленными) действиями таких лиц. В контексте субъективного основания для привлечения указанных лиц к субсидиарной ответственности, ссылаясь на п. 9 Постановления Пленума Высшего Хозяйственного Суда Республики Беларусь от 27 октября 2006 № 11, суду необходимо установить следующие обстоятельства: наличие у соответствующего лица права давать обязательные для юридического лица указания либо возможности иным образом определять его действия; совершение соответствующим лицом действий (или его бездействие), свидетельствующих об использовании принадлежащего ему права давать обязательные для юридического лица указания или использовании своих возможностей иным образом определять его действия; наличие причинно-следственной связи между использованием соответствующим лицом своих прав и (или) возможностей в отношении юридического лица и последствиями в виде признания должника банкротом [8]. Заметим, что на момент принятия данного постановления законодательными актами не была предусмотрена умышленная вина в совершении деяния, вызвавшего банкротство юридического лица. Это во многом усложняло квалификацию деяний, которые усиливали неплатежеспособность, но в тоже время обладали признаками действий по предотвращению банкротства [9, с. 74–79].

К категории вышеуказанных виновных (умышленных) действий можно отнести для примера принятие должником к бухгалтерскому учету документов, не имеющих юридической силы [5, с. 54], не обеспечение надлежащего ведения бухгалтерского и налогового учета, надлежащего руководства и контроля за деятельностью предприятия, допущение нарушения налогового законодательства [10], принятие решений руководителем и учредителем частного унитарного предприятия (ЧУП), повлекших за собой неуплату ЧУП в бюджет сумм налогов и сборов [11, с. 39]. Заметим, что правоприменительная практика идет по пути отнесения к осно-

ваниям привлечения к субсидиарной ответственности не только при совершении аффилированными лицами должника действий, но и при их бездействии. Так, по одному из дел, рассматриваемых судом, ответчик – директор ЧУП не обеспечил сохранность документов бухгалтерского учета, не предоставил их к проверке в нарушение требований действующего законодательства, что в последующем послужило причиной банкротства данного ЧУП [12, с. 52].

При этом А. Олешкевич указывает, что негативные последствия в виде неплатежеспособности должника сами по себе не свидетельствуют о недобросовестности и (или) неразумности действия (бездействия) вышеуказанных лиц, так как возможность возникновения таких последствий сопутствует рисковому характеру предпринимательской деятельности, который презюмируется в ч. 2 п. 1 ст. 1 ГК [13, с. 41].

Иск о привлечении к субсидиарной ответственности предъявляется в суд после открытия ликвидационного производства (п. 2 ст. 9 Закона № 227-3) и может быть рассмотрен судом до вынесения определения о завершении ликвидационного производства. При этом в ранее действовавшем Законе Республики Беларусь от 13.07.2012 № 415-3 «Об экономической несостоятельности (банкротстве)» (ст. 11) была предусмотрена возможность предъявления данных требований после открытия ликвидационного производства в хозяйственный суд и в течении десяти лет с момента возбуждения производства по делу об экономической несостоятельности (банкротстве) [14]. Положения Закона № 227-3, на наш взгляд, будут способствовать пресечению злоупотребления правами со стороны кредиторов путем подачи исков о привлечении должника к субсидиарной ответственности спустя значительное время после возбуждения производства по делу о банкротстве должника.

Для разрешения вопроса о возможности предъявления иска о привлечении к субсидиарной ответственности управляющий созывает и проводит собрание кредиторов (п. 4 ст. 9 Закона № 227-3) [2].

В дальнейшем, исходя из буквального толкования п. 5 ст. 9 Закона № 227-3, возможны два варианта развития событий:

– либо собрание кредиторов принимает решение о предъявлении управляющим иска о привлечении к субсидиарной ответственности. В таком случае управляющий обязан предъявить указанный иск;

– либо собрание кредиторов принимает решение о непредъявлении антикризисным управляющим указанного иска. При этом даже принятие собранием кредиторов указанного решения не лишает возможности управляющего предъявить данный иск по своей инициативе (п. 5 ст. 9 Закона № 227-3) [2].

Логично возникает вопрос, каким образом кредиторам защитить свои интересы, если решение о предъявлении антикризисным управляющим иска о привлечении к субсидиарной ответственности было принято на собрании кредиторов, однако непосредственно управляющий данный иск не подает. В. Шильченок отмечает, что данная ситуация может стать основанием для подачи жалобы на действия управляющего [7, с. 44].

Также заметим, что в п. 6 ст. 9 Закона № 227-3 предусмотрена «страховка» интересов кредиторов в случае, если управляющий не подаст иск о привлечении к субсидиарной ответственности в суд – в таком случае любой кредитор вправе самостоятельно обратиться в суд с таким иском на сумму его неудовлетворенных требований [2]. Заметим, что в п. 14 ст. 54 Закона № 227-3 установлена возможность установления вознаграждения управляющему на основании принятого решения собрания кредиторов, что на наш взгляд является одним из стимулов управляющему для предъявления в суд указанных исков.

Анализируя положения п. 5 и 6 ст. 9 Закона № 227-3, можно обратить внимание на стремление законодателя (в контексте порядка привлечения должника к субсидиарной ответственности) выстроить баланс между интересами кредиторов и задачами управляющего, которые на практике, не всегда совпадают.

Среди исключений, предусмотренных законодательством о банкротстве относительно привлечения должника к субсидиарной ответственности, указанных в п. 1 ст. 9 Закона № 227-3 выделим два варианта: банкротство резидента Парка высоких технологий и банкротство резидента Китайско-Белорусского индустриального парка «Великий камень», совместной белорусско-китайской компании по развитию индустриального парка, юридических лиц, осуществляющих деятельность на территории индустриального парка, 50 и более процентов акций (долей в уставных фондах) которых принадлежит совместной компании

либо имущество которых находится в собственности совместной компании (далее – резидента индустриального парка «Великий камень»). На наш взгляд, прямое указание в п. 7 и п. 8 Закона № 227-3 исключений из правил привлечения к субсидиарной ответственности является следствием специальных правовых режимов, имеющих у Парка высоких технологий и Китайско-Белорусского индустриального парка «Великий камень».

В первом случае, как отражено в п. 8 ст. 9 Закона № 227-3, субсидиарная ответственность по обязательствам такого юридического лица не может быть возложена на собственника его имущества, его учредителей (участников) или иных лиц, в том числе руководителя, имеющих право давать обязательные для этого юридического лица указания либо возможность иным образом определять его действия. Исключение – когда банкротство резидента Парка высоких технологий вызвано действиями указанных лиц, повлекшими привлечение их к уголовной ответственности на основании вступившего в законную силу приговора суда общей юрисдикции [2]. Заметим, что указанный пункт по своему содержанию тождественен п. 3.6 Декрета Президента Республики Беларусь от 21.12.2017 № 8 (ред. от 18.03.2021) «О развитии цифровой экономики» [15]. В данной ситуации, по всей видимости, законодатель указывает на возможность привлечения вышеуказанных лиц к уголовной ответственности по ч. 1 и ч. 2 ст. 240 Уголовного кодекса Республики Беларусь, а именно за преднамеренное банкротство.

Во втором случае, то есть в части резидента индустриального парка «Великий камень», законодатель вообще исключил возможность привлечения данных лиц к субсидиарной ответственности при банкротстве этого типа должника. Хотя, в п. 2.7 Указа Президента Республики Беларусь от 12.05.2017 № 166 «О совершенствовании специального правового режима Китайско-Белорусского индустриального парка «Великий камень» (далее – Указ № 166) отражено, что вышеуказанные лица все же могут быть привлечены к субсидиарной ответственности в случае, когда экономическая несостоятельность (банкротство) вызвана действиями таких лиц, повлекшими привлечение их к уголовной ответственности» [16].

Одним из преступлений, совершение которого неизбежно влечет неустранимую неплатежеспособность юридического лица, является преднамеренное банкротство. Иными уголовно наказуемыми деяниями, которые могут вызвать неустранимую неплатежеспособность, являются хищения имущества, как правило, совершаемые в форме присвоения (растраты), хищения посредством злоупотребления должностным положением, повлекшим причинение значительного ущерба. Обязательным признаком субъективной стороны всех указанных преступлений является умышленная форма вины. В этой связи необходимо отметить, что анализируемые положения сужают основание привлечения к субсидиарной ответственности собственников имущества, участников и членов органов управления организаций-резидентов «Парка Великий Камень» в сравнении с положениями ст. 52 ГК и ст. 9 Закона «Об урегулировании неплатежеспособности». Не всякое умышленное деяние, вызвавшее банкротство организации, может быть квалифицировано как один из указанных и сходных с ними составов преступлений. В тоже время банкротство может стать следствием неосторожного преступления, например, должностной халатности.

Таким образом, считаем целесообразным дополнить п. 2.7 Указа № 166 положением, согласно которому, субсидиарная ответственность может быть возложена только на лиц, вызвавших банкротство резидентов индустриального парка «Великий камень» только в результате совершения преступлений с умышленной формой вины, что в большей степени будет обеспечивать сочетание специального преференциального правового режима. Это обусловлено тем, что по своей правовой природе специальный преференциальный правовой режим «Парка Великий камень» не должен ухудшать положения резидентов и аффилированных с ними лиц в части возложения субсидиарной ответственности за те или иные неосторожные деяния, повлекшие банкротство резидентов данного Парка.

Заключение. Подводя итог, необходимо отметить, что в целом законодательство Республики Беларусь достаточно полно и комплексно регулирует вопрос о привлечении лиц должника к субсидиарной ответственности. Однако, во-первых, полагаем необходимым отразить в ч. 1 ст. 9 Закона № 227-3, ч. 3 ст. 5 Закона № 2020-XII и п. 5.6 Декрета № 7 положения о возможности привлечения членов коллегиального исполнительного органа хозяйственного общества – должника к субсидиарной ответственности, поскольку указанные лица, голосовавшие за принятие решения, вызвавшего банкротство коммерческой организации,

могут признаваться в качестве иных лиц, правомочных давать обязательные для данной организации указания. Во-вторых, предлагаем уточнить положения п. 2.7 Указа № 166 согласно положениям п. 8 ст. 9 Закона № 227-3 в части исключения возможности привлечения к субсидиарной ответственности лиц, указанных в п. 2.7 Указа № 166.

Литература

1. Танимов, О. В. Развитие юридических фикций в эпоху Нового времени [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://inlnk.ru/G6z2EO>. – Дата доступа : 02.02.2024.
2. Гражданский кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 07 декабря 1998 г., № 218-3 : принят Палатой представителей 28 октября 1998 г. : одобр. Советом Респ. 19 ноября 1998 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 05.01.2024 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2024.
3. Об урегулировании неплатежеспособности [Электронный ресурс] : Закон Республики Беларусь, 13 декабря 2022 г., № 227-3 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2024.
4. О развитии предпринимательства [Электронный ресурс] : Декрет Президента Республики Беларусь, 23 ноября 2017 г., № 7 : в ред. Декрета Президента Респ. Беларусь от 17.07.2023 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2024.
5. О субсидиарной ответственности по обязательствам должника, признанного банкротом: отдельные вопросы применения Декрета №7 // Судебный вестник Плюс : Экономическое правосудие. – 2018. – № 7. – С. 51–55.
6. О хозяйственных обществах [Электронный ресурс] : Закон Республики Беларусь, 09 декабря 1992 г., №2020-ХП : текст по состоянию на 28 декабря 2023 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2024.
7. Шильченок, В. С. Привлечение к субсидиарной ответственности / В. С. Шильченок // Судебный вестник Плюс : Экономическое правосудие. – 2023. – № 12. – С. 43–47.
8. О некоторых вопросах применения субсидиарной ответственности [Электронный ресурс] : постановление Пленума Высшего Хозяйственного Суда Республики Беларусь, 27 октября 2006 г., № 11 : в ред. постановления Пленума Верховного Суда Респ. Беларусь от 26.09.2008, № 12 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2024.
9. Михайлов, Д. И. Сделка с неопределенным финансовым результатом в преддверии экономической несостоятельности : деликтный аспект / Д. И. Михайлов // Судовы веснік. – 2016. – № 1. – С. 74–79
10. Постановление апелляционной инстанции экономического суда Могилевской области от 03.04.2019 (дело № 1-7/2019/34А) [Электронный ресурс] // Пех / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2024.
11. Людвиг, Т. В. Привлечение к субсидиарной ответственности по обязательствам должника после завершения ликвидационного производства / Т. В. Людвиг // Судебный вестник Плюс : Экономическое правосудие. – 2017. – № 3. – С. 37–41.
12. Особенности рассмотрения дел о привлечении к субсидиарной ответственности по обязательствам должника, признанного банкротом (по материалам обзора) // Судовы веснік. – 2016. – № 2. – С. 48–57.
13. Олешкевич, А. П. Институт субсидиарной ответственности : есть предпосылки для совершенствования / А. П. Олешкевич // Судебный вестник Плюс : Экономическое правосудие. – 2017. – № 6. – С. 38–43.
14. Об экономической несостоятельности (банкротстве) [Электронный ресурс] : Закон Республики Беларусь, 13 июля 2012 г., №415-3 : текст по состоянию на 24 октября 2016 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2024.
15. О развитии цифровой экономики [Электронный ресурс] : Декрет Президента Республики Беларусь, 21 декабря 2017 г., № 8 : в ред. Декрета Президента Респ. Беларусь от 18.03.2021 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2024.
16. О совершенствовании специального правового режима Китайско-Белорусского индустриального парка «Великий камень» [Электронный ресурс] : Указ Президента Республики Беларусь, 12 мая 2017 г., №166 : в ред. Указа Президента Респ. Беларусь от 01.06.2023 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2024.

Становление и развитие национальной системы правового регулирования в сфере незаконной миграции населения

И.А. ШАМАТУЛЬСКИЙ, Н.А. ОСИПОВА

В данной статье рассматривается история становления и развития современной системы законодательства, регулирующего миграцию населения в Республике Беларусь. Сделаны выводы об эффективности проводимой миграционной политики.

Ключевые слова: незаконная миграция, организация, международное сотрудничество, уголовная ответственность, депортация, высылка, реадмиссия.

This article examines the history of the formation and development of the modern system of legislation regulating population migration in the Republic of Belarus. Conclusions are drawn about the effectiveness of the ongoing migration policy.

Keywords: illegal migration, organization, international cooperation, criminal liability, deportation, expulsion, readmission.

На сегодняшний день незаконная миграция является проблемой мирового масштаба, выступая в качестве угрозы национальной безопасности государства, а также создавая предпосылки эскалации социальной напряженности в обществе, что в итоге может привести к дестабилизации социально-политической обстановки.

По сути, незаконная миграция представляет собой массовое незаконное перемещение людей, затрагивая большинство стран мира в качестве пункта отправления, транзита, либо как пункт конечного назначения [1, с. 177].

В процессе своего исторического развития территории современной Республики Беларусь на различных временных этапах входили в состав неоднородных по своему этническому составу государственных образований, что, с учетом географического расположения в центре Европы, а также наличия ряда транспортных путей (в X–XII вв. варяги-викинги из Скандинавии попадали в Константинополь из Балтийского моря в Черное по рекам – Западной Двине и Днепру), усиливало естественные миграционные процессы.

В современном мире понятие миграции населения неразрывно связано с естественными, имеющими международное закрепление, правами человека на свободу передвижения и выбора места жительства [2, с. 13]. Так, согласно ст. 30 Конституции Республики Беларусь, граждане Республики Беларусь имеют право свободно передвигаться и выбирать место жительства в пределах Республики Беларусь, покинуть ее и беспрепятственно возвращаться обратно.

Распад Союза Советских Социалистических Республик (далее – СССР) привел к возникновению в постсоветских государствах целого ряда кризисных проявлений, что, при открытии границ, привело к массовой миграции населения. Республика Беларусь, в числе прочих, также столкнулась с необходимостью установления ответственности за посягательства на охраняемые уголовным законом правоотношения в сфере незаконной миграции населения. Стоит отметить, что механизм правового регулирования в сфере международной миграции молодым белорусским государством до этого выработан не был.

Законодательство Республики Беларусь развивалось в это время, опираясь прежде всего на общепринятые нормы международного права. А многие законодательные акты, принятые в этот период в сфере миграции, во многом имели заимствование из законодательства СССР.

Приобретение Республикой Беларусь в 1991 г. статуса суверенного государства потребовало регулирования важнейших общественных отношений, включая миграционные, путем принятия новых нормативных правовых актов [3, с. 34].

Одними из первых нормативных правовых актов в указанной сфере были приняты Указ Президиума Верховного Совета Республики Беларусь от 25 февраля 1993 г. «О вопросах предоставления убежища иностранным гражданам и лицам без гражданства», Закон от 18 октября 1991 г. № 1181-ХІІ «О гражданстве Республики Беларусь», Закон от 2 июня 1993 г. № 2335-ХІІ

«О порядке выезда из Республики Беларусь и въезда в Республику Беларусь граждан Республики Беларусь» и Закон Республики Беларусь от 3 июня 1993 г. № 2339-ХІІ «О правовом положении иностранных граждан и лиц без гражданства в Республике Беларусь».

Стоит отметить, что в тот период времени в Уголовном кодексе Белорусской ССР 1960 г. была всего одна норма (ст. 80), которая предусматривала ответственность за нарушение установленного порядка пересечения Государственной границы – «Незаконный выезд за границу и незаконный въезд в СССР». Указанная статья предусматривала уголовную ответственность в случае незаконного пересечения Государственной границы любым способом в любом направлении.

Уголовный кодекс суверенной Республики Беларусь, введенный Законом Республики Беларусь от 9 июля 1999 г. № 275-З (далее – УК), содержал норму, в основном дублирующую положения ст. 80 УК Белорусской ССР 1960 г. – «Незаконное пересечение Государственной границы Республики Беларусь» (ст. 371).

После принятия Закона Республики Беларусь от 4 января 2003 г. № 173-З «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Беларусь» появились новые статьи УК: ст. 371¹ «Организация незаконной миграции иностранных граждан и лиц без гражданства в Республике Беларусь», ст. 371² «Нарушение правил пребывания в Республике Беларусь, а также правил транзитного проезда (транзита) через территорию Республики Беларусь» [4, с. 66]. Так, ст. 371¹ УК, которая была введена Законом Республики Беларусь от 4 января 2003 г. № 173-З, в первоначальной редакции устанавливала ответственность за организацию незаконного въезда на территорию Республики Беларусь, пребывание на территории Республики Беларусь или выезда с территории Республики Беларусь иностранных граждан или лиц без гражданства.

В качестве квалифицирующих признаков уголовного преступления по ч. 2 ст. 371¹ предусматривались те же деяния, указанные в ч. 1 ст. 371¹ УК, совершенные повторно, либо группой лиц по предварительному сговору, либо должностным лицом с использованием своих служебных полномочий.

Немного позднее ч. 2 ст. 371¹ УК претерпела значительные изменения в связи с принятием Закона Республики Беларусь от 17 июля 2006 г. № 147-З «О внесении дополнений и изменений в Уголовный, Уголовно-процессуальный кодексы Республики Беларусь и кодексы Республики Беларусь об административных правонарушениях», который устанавливал повышенную ответственность за совершение деяний, перечисленных в ч. 1 ст. 371¹ УК, способом, представляющим опасность для жизни или здоровья иностранных граждан или лиц без гражданства, либо связанных с жестоким или унижающим их достоинство обращением, либо совершенных повторно, либо группой лиц по предварительному сговору, либо должностным лицом с использованием своих служебных полномочий.

Название ст. 371¹ УК изменилось на «Организация незаконной миграции» после принятия Закона Республики Беларусь от 10 ноября 2008 г. № 451-З «О внесении дополнений и изменений в некоторые законы Республики Беларусь по вопросам противодействия нелегальной миграции, распространению рабского труда, детской порнографии и проституции». Часть 1 была изложена в следующей редакции: «организация либо руководство или содействие деятельности по незаконному въезду в Республику Беларусь, пребыванию на территории Республики Беларусь, транзитному проезду (транзиту) через территорию Республики Беларусь или выезду из Республики Беларусь иностранных граждан или лиц без гражданства (организация незаконной миграции)». При этом, ч. 2 ст. 371¹ УК не претерпела изменений. В данной редакции ст. 371¹ УК мы видим и в действующем УК.

Указанные в ч. 1 ст. 371¹ УК противоправные деяния законодателем отнесены к категории менее тяжких преступлений. Тяжким же преступлением признаны деяния, предусмотренные ч. 2 ст. 371¹ УК. Складывающаяся криминогенная ситуация в Республике Беларусь находится под непосредственным влиянием общего количества незаконных мигрантов, что способствует росту преступлений в сфере миграции, а также приводит к общему увеличению латентной преступности.

Помимо развития уголовного законодательства в сфере миграции, происходило развитие и в системе государственных органов, которые реализуют миграционную политику государства. Так, изначально этими вопросами занималась Государственная миграционная служба при Государственном комитете по труду и социальной защите населения Республики Бе-

ларусь, созданная в июне 1992 г. В 1997 г. для координации деятельности органов государственного управления в области миграции была образована Межведомственная комиссия по вопросам миграции при Совете Министров Республики Беларусь.

Указом Президента Республики Беларусь от 30 декабря 2003 г. № 603 «О некоторых мерах по совершенствованию системы органов и подразделений внутренних дел Республики Беларусь» вопросы регулирования миграционных процессов на территории Республики Беларусь переданы в ведение Министерства внутренних дел Республики Беларусь. На базе Департамента по миграции Министерства труда и социальной защиты и структурных подразделений Министерства внутренних дел образован Департамент по гражданству и миграции Министерства внутренних дел Республики Беларусь.

Согласно положению, Департамент по гражданству и миграции непосредственно и через подчиненные подразделения по гражданству и миграции территориальных органов внутренних дел выполняет не только отдельные функции в сфере миграции и гражданства, но и как специализированное структурное подразделение Министерства внутренних дел Республики Беларусь разрабатывает и осуществляет меры, направленные на реализацию государственной политики в сфере гражданства и миграции, осуществляет контроль за режимом пребывания иностранных граждан и лиц без гражданства в Республике Беларусь, проводит плановые и профилактические мероприятия, направленные на противодействие незаконной миграции, а также иные функции в соответствии с действующим законодательством [5, с. 8].

С целью противодействия потокам нелегальных трудовых мигрантов, а также легализации их трудовой деятельности в данной сфере в рамках Содружества Независимых Государств (далее – СНГ) разработаны организационно-правовые основы сотрудничества государств-участников. Основными законодательными актами в этой сфере являются Соглашение о сотрудничестве в области трудовой миграции и социальной защиты трудящихся-мигрантов (г. Москва, 15 апреля 1994 г.) и Декларация о согласованной миграционной политике государств-участников Содружества Независимых Государств (г. Душанбе, 5 октября 2007 г.).

В 2010 г. наметилась тенденция по взаимодействию в рамках СНГ в формате соглашений между правительствами отдельных стран Содружества, например, Соглашение Республики Беларусь, Республики Казахстан и Российской Федерации от 19 ноября 2010 г. «О сотрудничестве по противодействию нелегальной трудовой миграции из третьих государств», руководствуясь Договором о таможенном союзе и Едином экономическом пространстве от 26 февраля 1999 г.

Названное Соглашение подразумевает осуществление взаимодействия по ряду ключевых направлений в сфере миграционного регулирования, а именно: разработка и реализация согласованной политики по противодействию нелегальной трудовой миграции; осуществление согласованных мер в отношении нелегальных трудящихся-мигрантов, физических и юридических лиц, организующих и/или оказывающих содействие нелегальной трудовой миграции [6, с. 156].

С принятием Закона Республики Беларусь от 30 декабря 2010 г. № 225-3 «О внешней трудовой миграции» для компенсации дефицита внутренних трудовых ресурсов, обусловленного естественной убылью трудоспособного населения, а также снижением престижа рабочих специальностей, белорусские предприятия и организации начали привлекать трудовых мигрантов. Ежегодно органами внутренних дел Республики Беларусь выдается (продлевается) более 13000 специальных разрешений на право занятия трудовой деятельностью в Республике Беларусь. В Беларусь едут мигранты из Китая, Турции, Вьетнама. В связи с событиями на Украине в нашу страну прибыли тысячи беженцев из Донецкой и Луганской областей. Основная масса мигрантов въезжает по рабочим специальностям и трудоустраивается в строительстве, сельском хозяйстве, сфере обслуживания [7, с. 154].

В целях противодействия нарушениям миграционного законодательства и пресечения нелегальных каналов миграции принимаются не только меры, направленные на предотвращение и пресечение нарушений, но и связанные с реализацией процедур депортации, высылки и реадмиссии. В настоящее время в Беларуси вопросы реадмиссии, ввиду сложности заключения двусторонних международных договоров, слабо разработаны и недостаточно широко применяются. Процедура реадмиссии регулируется постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 31 декабря 2010 г. № 1918 «Об утверждении Положения о порядке передачи сопредельным государствам иностранных граждан и лиц без гражданства, нару-

шивших правила приграничного движения, установленные международными договорами Республики Беларусь, или утративших документы, по которым они въезжали в Республику Беларусь по правилам приграничного движения».

Соглашения о реадмиссии с участием Беларуси в настоящее время заключены с Российской Федерацией (2013 г.), Казахстаном (2013 г.), Турцией (2014 г.), Грузией (2015 г.), ЕС (соглашение с ЕС с 04 декабря 2021 г. приостановлено), Арменией (2022 г.).

Исходя из особенностей геополитического и транспортно-географического положения, территория Республики Беларусь представляет повышенный интерес для лиц, задействованных в развитии каналов незаконной миграции в страны Западной Европы, помимо этого, через территорию стран СНГ трафик нелегальных мигрантов на запад осуществляют организованные преступные группы, специализирующиеся на торговле людьми.

Стоит отметить наличие канала вынужденной миграции, обусловленного присоединением стран СНГ к Конвенции ООН о статусе беженцев (Женева, 1951 г.) и Протоколу к ней (1967 г.), которым в настоящее время активно пользуются трудовые мигранты.

Так, с учетом того, что в настоящее время незаконная миграция в страны ЕС остается на достаточно высоком уровне, создается реальная угроза оседания в приграничных районах Республики Беларусь граждан государств Юго-Восточной и Центральной Азии, осуществляющих трудовую деятельность на территории Российской Федерации, а также Северо-Кавказского региона России. Особого внимания заслуживают попытки пересечения белорусской границы со странами Европейского союза (далее – ЕС) лицами, причастными к деятельности террористических и экстремистских организаций, участниками боевых действий в Украине, на Кавказе, Ближнем Востоке, в Центральной Азии [8, с. 76].

Наиболее часто незаконными транзитными мигрантами в страны ЕС становятся граждане стран Азии и Африки (Нигерии, Ганы, Конго, Египта, Ирака, Афганистана, Пакистана, Вьетнама), а также некоторых государств СНГ (Грузии, Молдовы, Украины, Казахстана).

В качестве дополнительного фактора, способствующего развитию каналов незаконной миграции, выступает система организованных и устойчивых диаспор нелегальных мигрантов, как в странах назначения (Франция, Чехия, Германия, Польша и другие), так и в государствах транзита (Украина, Российская Федерация). Именно на базе диаспор функционируют преступные группы, осуществляющие подготовку к незаконному пересечению границы, в том числе и по поддельным документам. Помимо этого имеются также технические возможности изготовления бланков национальных паспортов различных стран, а также их дальнейшая пересылка к местам нахождения нелегальных мигрантов через почтовые службы либо с использованием курьеров. В настоящее время в странах ЕС функционирует разветвленная сеть подпольных лабораторий, оснащенных специальным оборудованием, осуществляющих изготовление поддельных документов, дающих преференции при перемещении по территории союза.

Вместе с тем, подавляющее большинство незаконных мигрантов, задержанных на территории Беларуси, прибывает в республику наземным (автобусным, железнодорожным) транспортом из Российской Федерации, что подтверждается наличием у них виз, регистрации или иных документов, свидетельствующих о проживании иностранца в этой стране. Стоит отметить, что данная категория лиц в подавляющем большинстве преследует цель – пересечение Государственной границы Республики Беларусь вне пунктов пропуска с Литовской, Латвийской и Польской республиками [9, с. 24].

В связи с тем, что миграционный кризис стран ЕС неоднократно ставил под сомнение реализацию идеи европейского единства, в то время как органы ЕС, находясь в поиске решения возникающих проблем, в том числе по сбалансированию интересов стран ЕС [10, с. 109] в области законодательного регулирования незаконной миграции, до настоящего времени так и остаются неурегулированными, что способствует возникновению ряда негативных последствий для Республики Беларусь, выраженных в:

- ухудшение общей криминальной обстановки в стране (коррупция, контрабанда, подделка документов, мошенничество, изготовление фальшивых денежных знаков и торговли ими, незаконный оборот наркотических средств и психотропных веществ);
- возникновение социальных конфликтов в обществе вследствие увеличения количества в стране незаконных мигрантов, образования этнических общин и возникновение проблем с интеграцией иностранных граждан;

– риск ввоза на территорию Беларуси заболеваний, патогенных микроорганизмов и вирусных инфекций;

– снижение уровня правопорядка на миграционных маршрутах и в приграничье, а также формирование угрозы массового прорыва на территорию ЕС в связи с накоплением негативного потенциала среди мигрантов;

– возможность использования миграционных каналов лицами, причастными к деятельности террористических, экстремистских и радикальных организаций;

– финансовые потери государства, связанные с содержанием, депортацией и высылкой незаконных мигрантов в страны своей гражданской принадлежности.

Кроме того, оседание незаконных мигрантов в крупных городах, являющихся промышленными и транспортными центрами, в непосредственной близости к стратегически важным объектам государства, способствует благоприятным условиям для действия преступных групп, спецслужб иностранных государств, международных террористических организаций.

С момента обретения Республикой Беларусь статуса независимого и суверенного государства национальное миграционное законодательство пополнилось более чем 60 разновысокими нормативными правовыми актами со сложными нормативными положениями, избытком бланкетных норм, частой изменчивостью, а также наличием не законодательных нормативных правовых актов, в связи с чем высказывается мнение о необходимости в кодификации миграционного законодательства.

Миграционный кодекс как единый, юридически и логически цельный, внутренне согласованный нормативный акт позволил бы устранить дублирование, пробелы и противоречия миграционного законодательства, ликвидировать устаревшие акты, обеспечить общие подходы к решению проблем в сфере миграции [11, с. 127].

Кроме УК ответственность за противоправные деяния в сфере миграции населения предусмотрена и Кодексом Республики Беларусь об административных правонарушениях (далее – КоАП). В гл. 24 КоАП «Административные правонарушения против порядка управления» закреплены составы административных правонарушений: ст.ст. 24.18–24.21, устанавливающие ответственность за незаконное пересечение Государственной границы Республики Беларусь, нарушение пограничного режима, нарушение режима Государственной границы Республики Беларусь, нарушение режима в пунктах пропуска через Государственную границу Республики Беларусь; в ст. 24.35 КоАП предусмотрена ответственность за нарушение законодательства о правовом положении иностранных граждан и лиц без гражданства и законодательства о внешней трудовой миграции.

С целью противодействия незаконной миграции, а также выявления лиц, пребывающих на территории Республики Беларусь с нарушением требований миграционного законодательства, правоохранительным блоком государства ежегодно проводится комплекс профилактических и оперативных мероприятий по реализации программы «Иностранец», специальных комплексных мероприятий «Нелегал» и «Граница», в рамках которых во межведомственном взаимодействии осуществляется проверка мест пребывания иностранных граждан, отработка канала въезда на территорию республики [12, с. 22].

Данные мероприятия проводятся органами внутренних дел Республики Беларусь, Комитетом государственной безопасности, Государственным пограничным комитетом, Комитетом государственного контроля, а также подразделениями Федеральной миграционной службы Российской Федерации [13, с. 406].

Таким образом, вопросы незаконной миграции находятся в юридическом поле целого ряда правовых дисциплин, таких как, конституционное, административное и уголовное право, что, с учетом наличия большого количества нормативных правовых актов и низкой теоретической разработанности указанной проблематики создает перед правоприменителем барьеры для правильной квалификации деяний, детерминации административного правонарушения и уголовного преступления, что в итоге подтверждает необходимость и актуальность комплексного исследования данной темы, предусматривающей ответственность за организацию незаконной миграции.

Анализ указанных выше правообразующих факторов, положенных в основу законодательного запрета незаконной миграции в различных ее формах и проявлениях, свидетельствует об актуальности и целесообразности его введения, а также является важным шагом на пути

обеспечения охраны общественных отношений в сфере миграции населения в Республике Беларусь, защиты конституционных прав граждан. Совершенствование рассмотренных норм законодательства Республики Беларуси происходило с учетом норм международного законодательства, а также развития национальной системы правового регулирования сферы миграции населения, что дало возможность обеспечения законодательного преследования как лиц, нарушающих установленный порядок миграции, так и организаторов незаконной миграции.

Литература

1. Бородич, А. И. Международное сотрудничество по противодействию организации незаконной миграции / А. И. Бородич, А. А. Подупейко // Вестник Академии МВД Республики Беларусь. – 2019. – № 2. – С. 176–180.
2. Бахур, О. И. Незаконная миграция в современной Беларуси: проблемы уголовной ответственности / О. И. Бахур, Л. А. Васильева // Журнал международного права и международных отношений. – 2005. – № 1. – С. 13–17.
3. Сазон, К. Д. Развитие системы государственных органов Республики Беларусь, ведающих вопросами миграции / К. Д. Сазон // Проблемы борьбы с преступностью и подготовки кадров для правоохранительных органов : Междунар. науч.-практич. конф., Минск, 24 января 2018 г. : тез. докл. – Минск : Академия МВД, 2018. – С. 34–35.
4. Бахур, О. И. Нормы Уголовного кодекса Республики Беларусь, предусматривающие ответственность за незаконную миграцию : становление, развитие и дальнейшее совершенствование / О. И. Бахур // Журнал Белорусского гос. ун-та. – 2019. – № 3. – С. 64–72.
5. Федорако, А. И. Правовой и организационный аспекты противодействия незаконной миграции / А. И. Федорако // Журнал международного права и международных отношений. – 2020. – № 3–4. – С. 3–11.
6. Гребнёва, В. В. Радмиссия как средство международно-правового регулирования миграционных процессов / В. В. Гребнёва // Проблемы борьбы с преступностью и подготовки кадров для правоохранительных органов : Междунар. науч.-практич. конф., Минск, 24 янв. 2018 г. : тез. докл. – Минск : Академия МВД, 2018. – С. 156–157.
7. Денисюк, Н. П. Миграционные процессы в Республике Беларусь и современном мире / Н. П. Денисюк // Веснік Гродзенскага дзярж. ўн-та ім. Я. Купалы. – 2016. – № 1. – С. 153–159.
8. Патриваев, Д. Е. Незаконная миграция в Республике Беларусь: проблемы и перспективы и их решения / Д. Е. Патриваев // Актуальные вопросы оперативно-розыскной деятельности : респуб. науч.-практич. конф., Минск, 2 июня 2017 г. : тез. докл. – Минск : Академия МВД, 2017. – С. 76–78.
9. Мазур, С. В. Анализ правового регулирования борьбы с незаконной переправкой лиц в Республике Беларусь, Республике Молдова и Украине / С. В. Мазур. – Минск : Европейская комиссия, 2008. – 75 с.
10. Мазаник, Е. Н. Предпосылки и последствия миграционного кризиса в Европейском союзе / Е. Н. Мазаник, А. С. Мойсевич // Идеал свободной человеческой личности : от международных пактов о правах человека к современной конституции : Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 16 дек. 2016 г. : тез. докл. – Минск : Академия МВД, 2016. – С. 108–110.
11. Федорако, А. И. Концепция Миграционного кодекса Республики Беларусь / А. И. Федорако // Проблемы борьбы с преступностью и подготовки кадров для правоохранительных органов : Междунар. науч.-практич. конф., посвящ. 100-летию милиции Беларуси, Минск, 10 февр. 2017 г. : тез. докл. – Минск : Академия МВД, 2017. – С. 127–128.
12. Бородич, А. И. Взаимодействие органов внутренних дел с органами пограничной службы в противодействии организации незаконной миграции / А. И. Бородич // 105 лет милиции Беларуси : материалы респ. науч.-практ. конф., Минск, 2 марта 2022 г. – Минск : Академия МВД, 2022. – С. 20–24.
13. Патриваев, Д. Е. К вопросу об актуализации совершенствования оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел в связи с противодействием незаконной миграции в Республике Беларусь / Д. Е. Патриваев // Актуальные вопросы современной юридической науки : теория, практика, методика : сб. материалов II Междунар. заоч. науч. конф., Могилев, 19 мая 2017 г. – Могилев : Могилев. институт МВД, 2017. – С. 406–409.

К вопросу об объективных и субъективных признаках несанкционированного доступа к компьютерной информации

О.Г. ШЛЯХТОВА

В статье приведен анализ объективных и субъективных признаков несанкционированного доступа к компьютерной информации (ст. 349 Уголовного кодекса Республики Беларусь), дано авторское толкование некоторых терминов. Вносятся некоторые предложения по совершенствованию законодательства с учетом современных реалий развития науки и техники.

Ключевые слова: компьютерная информация, несанкционированный доступ, компьютерная система, защита информации, компьютерные данные.

The article contains an analysis of objective and subjective signs of unauthorized access to computer information (Article 349 of the Criminal Code of the Republic of Belarus), the author's interpretation of some terms is given. Some proposals are being made to improve legislation, taking into account the modern realities of the development of science and technology.

Keywords: computer information, unauthorized access, computer system, information protection, computer data.

Введение. В криминалистическом аспекте под объективными и субъективными признаками понимают способ совершения преступления, который характеризуется внешними и внутренними проявлениями поведения субъекта до, в момент и после совершения преступного деяния.

Основная часть. Частью 1 ст. 349 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК) установлена уголовная ответственность за несанкционированный доступ к компьютерной информации, сопровождающийся нарушением системы защиты (несанкционированный доступ к компьютерной информации), совершенный из корыстной заинтересованности либо повлекший по неосторожности причинение существенного вреда.

Под компьютерной информацией понимается «информация, хранящаяся в компьютерной системе, сети или на машинных носителях, обрабатываемая компьютерной системой либо передаваемая в пространстве с помощью любых программно-технических средств» [1, ст. 4].

Определение термина «компьютерная информация» до сих пор является дискуссионным. Хотя разъяснения данного термина есть в ряде нормативных правовых актов, в том числе и международных, но единого мнения по этому поводу и унифицированного толкования он не получил. Такая неопределенность вызывает некоторое беспокойство. К примеру, в Уголовно-исполнительном кодексе Республики Беларусь есть статья, которая предусматривает осмотр компьютерной информации как самостоятельный вид осмотра [2, ст. 204¹]. В связи с этим необходимо четкое понимание, что выступает объектом осмотра.

В.Ю. Стромов полагает, что «под компьютерной информацией законодатель понимает сведения (данные), представленные в форме электрических сигналов, независимо от средств их хранения, обработки и передачи» [3, с. 69]. А.Л. Осипенко утверждает, что «компьютерная информация представляет собой особый вид данных, которые не могут существовать в материальном мире в их первоначальном виде» [4, с. 38].

В данном случае считаем целесообразным рассмотреть технический аспект термина «компьютерная информация». В научной литературе существует мнение, что информация представляет собой данные, закодированные в виде электрических сигналов. Эти данные передаются через каналы связи в форме сообщений, состоящих из символов и знаков. В процессе поступления в компьютер происходит кодирование данных в двоичный код (бинарное представление), в котором они сохраняются. Однако в этой форме данные не могут быть непосредственно восприняты и интерпретированы человеком, и, следовательно, не считаются информацией. Для того чтобы данные стали доступными для человеческого восприятия, осуществляется процесс декодирования, который преобразует двоичный код в форму, понятную человеку, например, текстовую или графическую. Однако даже после декодирования данные требуют дальнейшей когнитивной обработки и субъективной интерпретации для того, чтобы обрести статус информации. Таким образом, данные, которые становятся инфор-

мацией после осмысления человеком, изначально генерируются и обрабатываются с использованием компьютерных технологий. Эти данные сохраняются в оперативной памяти компьютера, передаются через каналы связи, могут быть скопированы, обработаны и модифицированы. Преобразование компьютерных данных в формы, доступные для восприятия, возможно исключительно благодаря использованию программно-аппаратных средств.

Поэтому необходимо сформировать и законодательно закрепить единый подход к определению данного понятия с учётом современных реалий развития науки и техники. Отметим, что в законодательстве зарубежных государств предпочтение отдается термину «данные» (data). В Великобритании к одному из основополагающих нормативных правовых актов, регулирующих правонарушения в информационной сфере, можно отнести Закон 1990 г. «О злоупотреблении компьютером», в котором выделены три вида преступлений, связанных с неправомерным использованием компьютерных технологий: 1) несанкционированный доступ к компьютерным данным; 2) несанкционированный доступ к компьютерным данным с намерением совершить или способствовать совершению дальнейших преступлений; 3) несанкционированное изменение компьютерных данных [5].

Уголовный кодекс Германии предусматривает наступление уголовной ответственности за:

– выведывание данных, особо защищённых от неправомерного доступа, посредством преодоления соответствующей защиты (§202^a) и перехват данных (§202^b), передаваемых любым непубличным способом, т. е. посредством телекоммуникации (телефон, факс, телетайп и пр.) или компьютерной коммуникации (электронная почта и пр.), независимо от избранной формы (Internet, LAN, VPN и пр.) и независимо от кодировки этих данных или её отсутствия;

– фальсификация данных, существенных для доказательств, введение в заблуждение при оформлении правовых отношений посредством обработки данных (§§ 269, 270);

– изменение данных, компьютерный саботаж (§§ 303^a, 303^b) [6, с. 314, 382–383, 406] и др.

В международных стандартах понятие данных раскрывается как «представление фактов, понятий или инструкций в форме, приемлемой для общения, интерпретации, обработки человеком или с помощью автоматических средств» [7], а также как «формы представления информации, с которыми имеют дело информационные системы и их пользователи» [8].

В Модельном Уголовном кодексе для государств-участников СНГ также используется термин «компьютерные данные – любое представление фактов, информации или понятий в форме, подходящей для обработки в компьютерной системе, включая программы, способные обязать компьютерную систему выполнять ту или иную функцию» [9, ст. 286 прим.].

Конвенция о киберпреступлениях содержит следующее определение данных: «компьютерные данные означают любое представление фактов, информации или понятий в форме, подходящей для обработки в компьютерной системе, включая программы, способные обязать компьютерную систему выполнять ту или иную функцию» [10, ст. 1].

Таким образом, компьютерные данные и компьютерная информация – это взаимосвязанные, но не тождественные понятия. Основные различия состоят в следующем:

1) Природа:

– данные – это необработанные, необобщенные факты, сведения, показатели, которые не несут смысловой нагрузки сами по себе;

– информация – это данные, которые были обработаны, систематизированы и интерпретированы для придания им смысла и значения.

2) Форма представления:

– данные обычно представлены в виде текста, чисел, графиков, аудио/видео записей и т. д.;

– информация представлена в форме сведений, знаний, выводов, умозаключений, которые получены по результатам анализа и разъяснения данных.

3) Назначение:

– данные – это исходный материал, из которого получают информацию;

– информация – это сведения, выводы, интерпретации, полученные на основе анализа данных.

4) Ценность:

– данные сами по себе не имеют большой ценности, пока не будут обработаны и осмыслены;

– информация является более ценной, т. к. она несет смысловую нагрузку и может быть использована для принятия решений и совершения действий.

В связи с этим отличие информации от данных состоит в том, что данные – это фиксированные сведения о чем-либо, хранящиеся на определенном носителе. Информация в свою очередь является результатом обработки этих данных. Например, в базах данных хранятся различные данные, а по определенному запросу система управления базой данных выдает требуемую информацию.

С целью унификации подходов к определению термина и применения в деятельности органов, ведущих уголовный процесс, считаем целесообразным в гл. 31 УК вместо термина «компьютерная информация» использовать термин «компьютерные данные».

Также нет и легального определения понятия «компьютерная система». Н.Ф. Ахраменка понимает под компьютерной системой «организационно упорядоченную совокупность массивов информации и информационных технологий, реализующую информационные процессы, образующим элементом которой является хотя бы одна ЭВМ» [11, с. 815]. В.В. Хилюта трактует данное понятие как «электронно-вычислительную машину и связанное с ней оборудование, функционирующее как единое целое для решения вычислительных задач» [12].

В.В. Лосев считает компьютерную систему синонимом автоматизированной информационной системы «в виде комплекса информационных ресурсов, информационных технологий и программно-технических средств, осуществляющих процессы в человеко-машинном или автоматическом режиме» [13, с. 18].

Ю.В. Харчейкина предлагает «для исключения ошибок в правоприменительной деятельности законодателю следует использовать понятие «информационная система», легальное толкование которого содержится в Законе Республики Беларусь «Об информации, информатизации и защите информации» [14, с. 243].

В целом можно согласиться с мнением Ю.В. Харчейкиной, но отождествлять понятия «компьютерная система» и «информационная система» не стоит. В Законе Республики Беларусь от 10.11.2008 г. № 455-3 «Об информации, информатизации и защите информации» под информационной системой понимается «совокупность банков данных, информационных технологий и комплекса (комплексов) программно-технических средств» [15, ст. 1]. Считаем, что компьютерная система и информационная система в целом, взаимосвязанные концепции, но имеющие определенные отличия, которые состоят в следующем:

1) Задачи:

– компьютерная система представлена комплексом аппаратных и программных средств для обработки информации;

– информационная система подразумевает под собой комплексное объединение людей, технологий и процессов для сбора, хранения, обработки, распространения и использования информации.

2) Направленность:

– компьютерная система сконцентрирована на аппаратном и программном обеспечении;

– информационная система кроме технологий охватывает людей, бизнес-процессы и организационные аспекты.

3) Функции:

– компьютерная система выполняет вычислительные, коммуникационные и информационные функции;

– информационная система решает задачи сбора, хранения, обработки и распространения информации для поддержки принятия решений.

4) Применение:

– компьютерная система может быть частью информационной системы;

– информационная система охватывает более широкий спектр организационных задач.

Таким образом, компьютерные системы являются ключевым компонентом информационных систем, но информационные системы включают в себя гораздо больше элементов, нежели только технические средства обработки данных.

Основными компонентами компьютерной системы являются:

1) аппаратное обеспечение (центральный процессор, оперативная память, постоянная память, устройства ввода-вывода (клавиатура, мышь, монитор, принтер), сетевые адаптеры);

2) программное обеспечение (операционная система, прикладные программы (приложения, браузеры, медиаплееры и т. д.), драйверы устройств, системные утилиты);

3) системное программное обеспечение (компиляторы и интерпретаторы, библиотеки, средства разработки).

Таким образом, под компьютерными системами предлагаем понимать комплекс взаимосвязанных аппаратных и программных компонентов, предназначенных для обработки, хранения и передачи информации.

Состав этого преступления материальный. Оно считается оконченным с момента наступления указанных последствий от совершенного действия – несанкционированного доступа к компьютерной информации, сопровождающегося нарушением системы защиты.

Для деяния, предусмотренного ст. 349 УК характерна умышленная форма вины по отношению к совершаемым действиям и неосторожная форма – по отношению к последствиям, поскольку принято считать, что лицо не может заранее предвидеть, какой ущерб последует за деянием, соответственно, желать его наступления также не может.

Статья 1 Закона от 10.11.2008 г. № 455-З «Об информации, информатизации и защите информации» раскрывает содержание понятия доступа к информации как «возможность получения информации и пользования ею» [15].

Согласно Положению о технической и криптографической защите информации, утвержденному Указом Президент Республики Беларусь № 196 от 16.04.2013 г., «несанкционированный доступ к информации – доступ к информации, осуществляемый с нарушением установленных прав или правил разграничения доступа» [16, п. 33]. При этом данное деяние совершается лицом, у которого нет прав на доступ к информации либо лицом, имеющим такое право, но реализовывающее его с нарушением установленного порядка.

Диспозиция ч. 1 ст. 349 говорит о несанкционированном доступе только к компьютерной информации, не указывая при этом на носители, хранящие информацию. Иными словами, можно не иметь доступа к хранящейся информации на компьютере, и при этом иметь доступ к самому компьютеру.

Существует несколько способов несанкционированного доступа: 1) прямой контакт лица с компьютерным оборудованием; 2) дистанционно [17, с. 773].

Такой способ доступа как «с нарушением системы защиты» является обязательным признаком объективной стороны ч. 1 ст. 349. «Защита информации – это комплекс правовых, организационных и технических мер, направленных на обеспечение целостности (неизменности), конфиденциальности, доступности и сохранности информации» [15, ст. 1]. Как видно из определения, меры по защите информации весьма многообразны. Закон Республики Беларусь «Об информации, информатизации и защите информации» к правовым мерам по защите информации относятся заключаемые владельцем информации с пользователем информации договоры, в которых устанавливаются условия пользования информацией, а также ответственность сторон по договору за нарушение указанных условий. К организационным мерам по защите информации относятся обеспечение особого режима допуска на территории (в помещения), где может быть осуществлен доступ к информации (материальным носителям информации), а также разграничение доступа к информации по кругу лиц и характеру информации. К техническим мерам по защите информации относятся меры по использованию средств технической и криптографической защиты информации, а также меры по контролю защищенности информации [15, ст. 29].

Защита информации организуется собственником информации, лицом, осуществляющим распространение и (или) предоставление информации, оператором информационной системы либо владельцем информации.

Способами доступа с нарушением защиты могут быть использование чужого имени/пароля, маскировка под законного пользователя, изменение физических адресов технических устройств, взлом системы защиты, хищение носителя информации и др.

Так как состав этого преступления материальный, то обязательным признаком его объективной стороны является понятие «существенный вред», который может быть материальным и нематериальным. Поэтому само по себе ознакомление с информацией, не образующее состава другого преступления (например, коммерческого шпионажа), преступлением не является.

Понятие «существенный вред» – оценочный признак, определяемый судом с учетом всех обстоятельств конкретного дела. В случае материального характера ущерба логично его оценивать на сумму в 40 и более раз превышающую размер базовой величины на день совершения преступления [1, п. 3 гл. 24]. В случае нематериального характера ущерба существенный вред может выражаться в нарушении прав, свобод и законных интересов гражданина, в нарушении общественных и государственных интересов (например, несанкционированный доступ к информационной сети с целью накопления с информацией, предназначенной исключительно для служебного пользования).

По субъективной стороне преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 349 УК, является неосторожным. Если действие – несанкционированный доступ к компьютерной информации путем нарушения системы защиты – совершается умышленно, то отношение виновного лица к последствиям – неосторожное, что прямо указано в диспозиции рассматриваемой статьи.

Объективная сторона преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 349 УК, характеризуется совершением двух альтернативных действий: 1) несанкционированный доступ к компьютерной информации; 2) самовольное пользование компьютерной системой или сетью.

В этой части статьи не указан способ совершения преступления, являющийся обязательным признаком состава, предусмотренного ч. 1, – с нарушением системы защиты.

Часть 2 ст. 349 предусматривает ответственность за два самостоятельных преступления: несанкционированный доступ к компьютерной информации, повлекший по неосторожности крушение, аварию, катастрофу, несчастные случаи с людьми, отрицательные изменения в окружающей среде или иные тяжкие последствия и самовольное пользование компьютерной системой или сетью, повлекшее по неосторожности те же последствия.

Можем предположить, что признак «самовольности» говорит о несанкционированном доступе к компьютерной системе или сети без разрешения на то владельца, собственника, законного пользователя или уполномоченного лица. По Закону Республики Беларусь от 07.05.2021 г. № 99-З «О защите персональных данных» уполномоченным лицом по защите персональных данных считается «государственный орган, юридическое лицо Республики Беларусь, иная организация, физическое лицо, которые в соответствии с актом законодательства, решением государственного органа, являющегося оператором, либо на основании договора с оператором осуществляют обработку персональных данных от имени оператора или в его интересах» [17, ст. 1].

При доступе к компьютерной информации в первую очередь представляет опасность возможность ознакомления лица с информацией и в связи с этим устанавливается ограничение на доступ к ней. При самовольном пользовании содержание информации может и не представлять для виновного никакого интереса. Общественная опасность данного деяния заключается в том, что лицо пользуется компьютерной системой или сетью без разрешения, самовольно, для удовлетворения каких-либо потребностей и интересов, в результате чего наступают последствия, перечисленные в ч. 2 ст. 349 [18, с. 775].

Под иными тяжкими последствиями понимаются причинение ущерба в особо крупном размере, уничтожение информации особой ценности, нарушение графиков движения транспортных средств, подачи энергоносителей, создание политической или социальной напряженности в обществе и т. п.

Субъективная сторона преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 349, характеризуется неосторожной формой вины по отношению к общественно опасным последствиям в виде легкомыслия или небрежности.

Заключение. Объективная сторона преступления, предусмотренного ст. 349 УК, характеризуется совершением двух альтернативных действий: 1) несанкционированный доступ к компьютерной информации; 2) самовольное пользование компьютерной системой или сетью.

Состав этого преступления материальный. Оно признается оконченным с момента наступления указанных последствий от совершенного действия – несанкционированного доступа к компьютерной информации, сопровождающегося нарушением системы защиты.

Для деяния, предусмотренного ст. 349 УК, характерна умышленная форма вины по отношению к совершаемым действиям и неосторожная форма – по отношению к последствиям, поскольку принято считать, что лицо не может заранее предвидеть, какой ущерб последует за деянием, соответственно, желать его наступления также не может.

Под компьютерными системами предлагаем понимать комплекс взаимосвязанных аппаратных и программных компонентов, предназначенных для обработки, хранения и передачи информации.

С целью унификации подходов к определению понятия и применению в деятельности органов, ведущих уголовный процесс, а также учитывая примеры законодательства зарубежных государств, считаем целесообразным в гл. 31 УК вместо термина «компьютерная информация» использовать термин «компьютерные данные».

Литература

1. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г., № 275-З : принят Палатой представителей 4 июня 1999 г. : одобрен Советом Республики 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Республики Беларусь от 09.03.2023 г., № 256-З // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2023.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : принят Палатой представителей 24 июня 1999 г. : одобрен Советом Республики 30 июня 1999 г. : в ред. Закона Республики Беларусь от 17.07.2023 г., № 286-З // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2023.
3. Стромов, В. Ю. Оптимизация уголовной ответственности за несанкционированный доступ к компьютерной информации / В. Ю. Стромов // Преступления в информационной сфере : проблемы расследования, квалификации, реализации ответственности и предупреждения : материалы Международной научно-практической конференции, Тамбов, 14–15 февраля 2013 г. – Тамбов, 2013. – С. 69–73.
4. Осипенко, А. Л. Государственно-частное партнерство в сфере противодействия киберпреступности / А. Л. Осипенко // Вестник Воронежского института МВД России. – 2016. – № 4. – С. 37–44.
5. Computer Misuse Act 1990 [Electronic resource]. – Access mode : https://www.legislation.gov.uk/ukpga/1990/18/pdfs/ukpga_19900018_en.pdf. – Accessed date : 18.07.2023.
6. Уголовный кодекс Федеративной Республики Германия – Strafgesetzbuch (StGB). Научно-практический комментарий и перевод текста закона ; пер. с нем. П. В. Головненков. – Потсдам, 2021. – 494 с.
7. ISO / IEC / IEEE 24765-2010 Systems and software engineering – Vocabulary: a representation of facts, concepts, or instructions in a manner suitable for communication, interpretation, or processing by humans or by automatic means [Electronic resource]. – Access mode : <https://www.cse.msu.edu/~cse435/Handouts/Standards/IEEE24765.pdf>. – Accessed date : 18.07.2023.
8. ISO / IEC 2382: 2015 Information technology – Vocabulary: a reinterpretable representation of information in a formalized manner suitable for communication, interpretation, or communication, or processing [Electronic resource]. – Access mode : <https://www.iso.org/standard/63598.html>. – Accessed date : 18.07.2023.
9. Модельный Уголовный кодекс для государств-участников СНГ (принят постановлением Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ, 17.02.1996 г.) (с изм. и доп.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://iacis.ru/baza_dokumentov/modelnie_zakonodatelnie_akti_i_rekomendacii_mpa_sng/modelnie_kodeksi_i_zakoni. – Дата доступа : 14.07.2023.
10. Convention on Cybercrime (Budapest, 23.XI.2001) [Electronic resource]. – Access mode : <https://rm.coe.int/1680aeb72a>. – Accessed date : 14.07.2023.
11. Научно-практический комментарий к Уголовному кодексу Республики Беларусь / Н. Ф. Ахраменка [и др.] ; под ред. А. В. Баркова, В. М. Хомича. – 2-е изд., с изм. и доп. – Минск, 2010. – 1064 с.
12. Хилюта, В. В. Хищении с использованием компьютерной техники : история и современность [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://bypravo.ru/hishhenie-s-ispolzovaniem-kompyuternoj-tehniki-istoriya-i-sovremennost/>. – Дата доступа : 13.07.2023.
13. Лосев, В. В. Преступления против информационной безопасности : методические рекомендации к курсу «Уголовное право Республики Беларусь. Особенная часть» / В. В. Лосев. – Брест, 2000. – 45 с.
14. Харчейкина, Ю. В. Терминологические проблемы уголовного закона в сфере защиты информационной безопасности / Ю. В. Харчейкина // Проблемы укрепления законности и правопорядка: наука, практика, тенденции : сб. науч. тр. – Минск : Изд. центр БГУ, 2018. – Вып. 11. – С. 240–247.
15. Об информации, информатизации и защите информации [Электронный ресурс] : Закон Республики Беларусь, 10 ноября 2008 г., № 455-З : в ред. Закона Республики Беларусь от 10.10.2022 г., № 209-З // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2023.
16. Положение о технической и криптографической защите информации [Электронный ресурс] : утверждено Указом Президента Республики Беларусь от 16 апреля 2013 г., № 196 : в ред. Указа Президента Республики Беларусь от 22.06.2023 г., № 178 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2023.
17. О защите персональных данных [Электронный ресурс] : Закон Республики Беларусь, 7 мая 2022 г., № 99-З : в ред. Закона Республики Беларусь от 01.06.2022 г., № 175-З // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2023.
18. Уголовный кодекс Республики Беларусь : научно-практический комментарий / Т. П. Афонченко [и др.] ; под ред. В. М. Хомича, А. В. Баркова, В. В. Марчука. – Минск : НЦПИ РБ, 2019. – 1000 с.

Методологические аспекты реализации концепта «Университет 3.0» в белорусской высшей школе.

Ч. 3. Особенности реализации концепта «Университет 3.0» в белорусском образовании

О.В. Авдейчик¹, В.А. Струк², А.С. Антонов², А.Н. Лесун²

В работе проведен анализ основных методологических подходов к реализации концепта «Университет 3.0». Рассмотрены предпосылки перехода университетов различных странах, задачи по реализации данной модели в высшей школе Беларуси. Показано, что перенос методологии реализации концепта «Университет 3.0», разрабатываемый в технологически развитых странах, малоэффективен и нецелесообразен для трансформирования университетов Беларуси вследствие неэффективной системы интеллектуального обеспечения их деятельности, характеризующейся недостаточным уровнем научно-исследовательской деятельности с получением результатов, обеспечивающих устойчивое социально-экономическое развитие промышленности республики. Реализация концепта «Университет 3.0» на позициях экономоцентризма не способствует формированию гармоничной личности для развития социально-экономической системы.

Ключевые слова: концепт «Университет 3.0», методологическая реализация, экономоцентризм, интеллектуальный потенциал, гармонизация личности.

The paper analyzed the main methodological approaches to the implementation of the concept «University 3.0». The prerequisites for the transition of universities in different countries, the tasks of implementing this model in higher education in Belarus were considered. It has been shown that the transfer of the methodology for the implementation of the concept «University 3.0» developed in technologically developed countries, is ineffective and inexpedient for transforming universities in Belarus due to an ineffective system of intellectual support for their activities, characterized by an insufficient level of research activities with obtaining results that ensure sustainable socio-economic development of the republic's industry. The implementation of the concept «University 3.0» on the positions of economic centrism does not contribute to the formation of a harmonious personality for the development of the socio-economic system.

Keywords: concept «University 3.0» methodological implementation, economic centrism, intellectual potential, harmonization of personality.

С учетом методологических подходов к реализации концепта «Университет 3.0», изложенных в ч. 1, 2 настоящей статьи, рассмотрим особенности его становления в белорусском образовательном процессе.

В работе [1] предложены задачи, которые необходимо решить для перехода к модели «Университет 3.0» в Беларуси. К числу первых относят повышение конкурентоспособности вузов в условиях сужающегося внутреннего рынка [1]. Наблюдающаяся тенденция значительного уменьшения числа студентов и магистрантов [1] указывает на отток их от отечественной системы образования в пользу преимущественно европейских университетов и снижение уровня образовательного процесса в отечественной высшей школе. При этом наблюдается заметное уменьшение числа обучаемых по специальностям, связанным с реализацией современных технологий, в том числе NBIC, в промышленном производстве. Это обусловлено негативными процессами в образовании, связанными со снижением количества исследований в вузах и низким уровнем научной составляющей в обучении студентов и магистрантов.

Белорусские вузы практически не участвуют в ведущих мировых рейтингах. «Недостаточный уровень конкурентоспособности белорусских вузов» обусловлен, на наш взгляд, низким уровнем профессорско-преподавательского состава, в котором число профессоров, имеющих практический опыт научной деятельности, и научных школ, постоянно сокращается. Поэтому в рейтинге принимают участие те ВУЗы, в которых сохранился опыт научно-

исследовательской деятельности ведущими научными школами, позволяющий осуществлять подготовку на современном уровне с использованием новых результатов, опубликованных в журналах с высоким уровнем цитирования.

Для большинства провинциальных вузов характерен невысокий уровень профессорско-преподавательского состава, обусловленный низким вкладом научной составляющей в образовательный процесс, что не позволяет им занимать значимое положение в рейтинге лучших мировых университетов.

На наш взгляд, формализованная оценка деятельности вузов по числу приглашенных иностранных студентов без анализа эффективности учебного процесса и его научного содержания обусловила значительное увеличение числа студентов из республик постсоюзного государства, прежде всего, из Туркменистана. При этом уровень базовой подготовки таких студентов не позволяет им получать современное образование вследствие отсутствия навыков научно-исследовательской работы в ходе обучения.

Одной из задач для перехода к концепту «Университет 3.0» считают «активизацию инновационной деятельности в стране» [1]. Учитывая статистические данные [1], необходимо признать, что показатели инновационной активности промышленных предприятий невысоки и за 2015–2019 гг. составляют по удельному весу отгруженной инновационной продукции от 13,1 до 16,6 %. При этом в статистических отчетах не учитывается доля инновационной продукции промышленных предприятий, имеющая подтвержденную новизну и защищенную патентами Республики Беларусь и развитых стран на изобретение. Это обстоятельство обуславливает отчетность, согласно которой к инновационной продукции относится продукция новая для данного производителя, однако не имеющая потенциала для реализации на внешнем рынке. Даже при такой формализованной статистической отчетности доля инновационной продукции не соответствует современным критериям инновационной деятельности.

Необходимо сохранять, развивать и реализовывать человеческий капитал в вузах [1]. Значительная часть работников высшей школы не занимается системной научной работой. В [1] отмечено, что «... большинство (более 62 %) работников с ученой степенью предпочитает в качестве основной занятости преподавательскую деятельность в учреждениях высшего образования» (выделено нами – О.А., В.С., А.А., А.Л. [1, с. 149 со ссылкой на [15]]). «Большинство работников с ученой степенью» [1] в отечественных вузах не имеют опыта системной научной деятельности в рамках заданий государственных программ, соответствующих стратегии инновационного развития республики на период до 2030 гг. Подобная ситуация, а также низкий уровень финансирования, отсутствие требований, определяющих приоритетное значение научной деятельности в образовательном процессе со стороны университетов, формальные действия по присвоению ученых званий доцента и профессора по наличию публикаций в журналах с низким уровнем цитирования приводят к негативному результату, связанному со снижением доли научной составляющей в материалах для обучения студентов и магистрантов, и игнорированию основной частью преподавателей научно-исследовательской деятельности как основы для осуществления образовательного процесса.

Анализ статистических данных, приведенных в [1], показывает на «... критически низкий показатель наукоемкости ВВП, значение которого за последние 5 лет не превысило 0,60 %, снижение показателей патентной и изобретательской деятельности. В то же время доля сектора высшего образования в научной работе недостаточно высокая, о чем свидетельствуют такие показатели, как внутренние затраты на научные исследования и разработки; персонал, занятый научными исследованиями и разработками; зарегистрированные НИОКР» (выделено нами – О.А., В.С., А.А., А.Л. [1, с. 149]). Следует подчеркнуть, что характерным показателем, характеризующим уровень инновационной деятельности в республике, является число запатентованных решений с подтвержденным уровнем новизны и эффективности практического использования. Число патентов за последние годы при наличии значительного персонала, занятого научными исследованиями, указывает на низкий уровень не только научных работ, но и их практического применения в ведущих отраслях промышленного производства, обеспечивающих реализацию государственной стратегии инновационного функционирования в интересах устойчивого социально-экономического развития.

При этом уровень финансирования НИР в вузах заметно ниже, чем в других организациях, занимающихся научными исследованиями (академических и отраслевых институтах). Это свидетельствует о замедлении в отечественных вузах научно-исследовательского процесса в

интересах инновационного развития республики и низком уровне научного обеспечения этого вида деятельности. Это обстоятельство приводит к тому, что «... из 51 вуза в международном рейтинге SCIMAGO 2020 научно-исследовательских организаций вошло только 3 белорусских ВУЗа – БГУ, БНТУ и БГУИР (из 7026 проранжированных)» (выделено нами – О.А., В.С., А.А., А.Л. [1, с. 149]). По нашему мнению, отсутствие большинства белорусских вузов в международных рейтингах указывает на низкий уровень их научно-исследовательской деятельности, который подтверждается наличием публикаций с высоким уровнем цитирования. Наличие в инфраструктуре отечественных учебных заведений ряда провинциальных вузов, созданных в последние годы на базе различных учебных заведений более низкого ранга, а также ряда вузов частной формы собственности, обусловило снижение требований к выполнению крупных программ по реализации современных технологий, в том числе NBIC-технологий, в различных практических приложениях. О падении уровня исследовательской деятельности свидетельствует и низкий уровень патентноспособных разработок, выполненных в вузах республики, что однозначно указывает на несоответствие ряда ВУЗов требованиям инновационной экономики, базирующейся на знаниях («экономика знаний»), и необходимость внесения изменений в нормативную техническую базу, регламентирующую их деятельность.

Анализ статистических данных [1] свидетельствует о снижении в общем числе профессорско-преподавательского состава вузов лиц, имеющих ученую степень доктора и кандидата наук. При этом необходимо подчеркнуть, что наряду со значительным снижением численности научных работников наблюдается процесс старения, который особенно характерен для лиц, имеющих ученую степень и звание профессор. Это указывает на резкое падение числа научных школ, способности выполнять крупные научные проекты на современном уровне для получения прорывных результатов, в том числе в области NBIC-технологий.

Складывающаяся ситуация с научной составляющей образовательного процесса указывает на невозможность реализации в белорусской высшей школе концепта «Университет 3.0» в соответствии с рекомендациями, изложенными в трудах [2], [3], [6]–[16]. К числу важнейших задач по реализации концепта «Университет 3.0» в высшей школе Беларуси относят «снижение зависимости вузов от бюджетного финансирования и привлечения дополнительных средств для их решения» [1]. По данным работы [3], подавляющее число вузов является государственными и получают бюджетное финансирование. На наш взгляд, все дело в том, что промышленные предприятия не высказывают заинтересованности в современных разработках, позволяющих изменить стратегию инновационного развития, так как существующая формализованная система по отчету за инновационные разработки не учитывает их новизну, патентоспособность. Поэтому существенная часть научных разработок финансируется в рамках бюджетных проектов, не позволяющих реализовать проекты в полном объеме. Характерным признаком научных исследований является низкая заинтересованность иностранных инвесторов в разработках, предлагаемых отечественными исследователями. Это свидетельствует о недостаточном уровне отечественных разработок, которые не позволяют внести принципиальные изменения в сложившуюся систему производственной деятельности и совершить прорывные исследования, которые могут быть использованы для выпуска инновационной продукции нового вида.

В настоящее время концепт «Университет 3.0» в качестве пилотного проекта реализуется в восьми вузах республики.

Анализ нормативных документов [1] показывает, что в проекте реализации концепта «Университет 3.0» предусмотрены преимущественно подготовительные меры по «коммерциализации результатов интеллектуальной деятельности», состоящие в изменении и дополнении в учебно-программную документацию изменений и дополнений, направленных на реализацию аспектов инновационной деятельности и создания объектов инновационной инфраструктуры. При этом не рассмотрены мероприятия по совершенствованию научно-исследовательской деятельности, обеспечивающей создание «объектов интеллектуальной деятельности», которые предназначены для коммерциализации, в том числе с помощью «инновационной инфраструктуры» – научно-технических парков, центров трансфера технологий и др. Практика свидетельствует о резком снижении доли научной составляющей в образовательном процессе большинства вузов и формальном использовании существующих объектов инновационной инфраструктуры для коммерческой реализации результатов интеллектуальной деятельности. Для успешной реализации модели «Университет 3.0» необходимо созда-

ние системной интеллектуальной деятельности, основные принципы которой рассмотрены нами в [4], [5], основанной на интеграционном взаимодействии интеллектуальных потенциалов всех участников инновационного процесса – академических учреждений, образовательных организаций и промышленных предприятий разных форм собственности.

В соответствии с [15] предусмотрены действия высшей школы по реализации пилотного проекта, в том числе разработка дорожной карты, оценки состояния предпринимательской деятельности среди студентов, изменения учебной программы I и II ступени, внедрение новых технологий преподавания и обучения и др. Начиная с 2020 г. запланированы мероприятия по развитию инновационной инфраструктуры и организации инновационной деятельности университетов, участвующих в проекте. На наш взгляд, все «мероприятия, определяющие развитие инновационной инфраструктуры и организации инновационной деятельности в университетах» [1] разработаны, исходя из наличия необходимого интеллектуального потенциала, позволяющего «создавать и развивать проектные команды студентов», создавать «отраслевые лаборатории, стартап-школы и др.», «...повышать эффективность научно-исследовательской, инновационной деятельности». В большинстве вузов такой потенциал практически отсутствует, так как уровень научной деятельности преподавателей, как правило, ограничивается участием во внутренних конференциях, опубликованием тезисов и др. действиями, не имеющими существенной роли в коммерциализации интеллектуальных продуктов. Поэтому реализация модели «Университет 3.0» в университетах не имеет интеллектуального обеспечения, что ставит под сомнения ее практическую реализацию.

В рамках проекта проведены определенные действия основных участников. Однако открытие небольшого числа отраслевых лабораторий, технологических парков и центров трансфера технологий свидетельствует о неэффективной реализации основных требований концепта «Университет 3.0». Создание небольшого числа подразделений инновационной инфраструктуры в университетах не решает основную задачу модели «Университет 3.0», так как в ВУЗах практически отсутствует научная база для такой деятельности. Например, создание в учреждении образования «Гродненский государственный университет имени Янки Купалы» (ГрГУ им. Янки Купалы) филиала кафедры машиноведения и технической эксплуатации автомобилей на базе дилера автомобилей Geely не имеет под собой научных разработок, которые могли бы представлять интерес для этого предприятия. Это направление создания инновационной инфраструктуры эффективно только при наличии значительного числа разработок, имеющих новизну, которые могут быть реализованы на различных промышленных предприятиях различной формы собственности.

Все мероприятия по реализации процесса коммерциализации продуктов интеллектуальной деятельности – стартапы, митапы, конкурсы и др. должны базироваться на собственных результатах научных исследований их авторов, что позволяет сформировать устойчивую базу для практического воплощения требований стратегии инновационного развития. При отсутствии такой базы, что весьма характерно для ряда ВУЗов страны, проведение таких мероприятий формализуется и имеет своей целью отчет перед вышестоящими структурами в реализации стратегии «Университет 3.0».

Анализ основных проблем в реализации концепта «Университет 3.0» в отечественной высшей школе позволил разработать рекомендации по его совершенствованию [1].

В [1] отмечено, что переход к концепту «Университет 3.0» является не простым добавлением новых элементов к сложившейся практике деятельности вузов, а является комплексным процессом, требующим разработки теоретических аспектов. По нашему мнению, переход к концепту «Университет 3.0» для отечественных вузов должен быть обоснованным продолжением реализации основной цели университета – созданием знаний нового уровня, которые создают основы для коммерциализации. При этом для всех преподавателей процесс научно-исследовательской деятельности должен быть обязательной составляющей, которая определяет саму возможность его участия в образовательном процессе. Научно-исследовательская деятельность должна осуществляться в рамках крупных заданий и инновационных программ, которые позволяют создать интеллектуальные продукты с высоким потребительским спросом и высоким уровнем защиты от несанкционированного использования. Текущие проблемы – «распределение нагрузки преподавателей и распределение финансирования» [11] не должны оказывать влияния на «инноваторов, пытающихся воплотить на практике идеи университета как универсума знаний» [1].

К числу мероприятий, способствующих по мнению [1] реализации концепта «Университет 3.0», относятся разработки по «... развитию науки с ориентацией на междисциплинарность, сотрудничество с производством, коммерциализацию. Важно вовлечение в научные исследования максимального числа преподавателей и других сотрудников, учащихся» (выделено нами – О.А., В.С., А.А., А.Л. [1, с. 153]). Предложенные рекомендации о «развитии науки с ориентацией на междисциплинарность, сотрудничество с производством и коммерциализация [1] носит тривиальный характер, так как эти подходы были развиты при разработке системы интеллектуального обеспечения инновационной деятельности (СИОИД), разработанной нами в [4], [5]. Важным фактором этой системы является системная научно-исследовательская деятельность всех «преподавателей, сотрудников и учащихся» с целью формирования у них креативного мышления, позволяющего осуществлять разработку новшеств с высоким уровнем востребованности социальным окружением, в том числе бизнес-средой.

К мероприятиям, способствующим реализации проекта «Университет 3.0», относят совершенствование законодательной базы [1]. В работе [1] отмечают, что «... необходимо законодательно обеспечить возможность создания фондов целевого капитал, формируемых за счет благотворительных пожертвований; спин-офф компаний в рамках университета (некоммерческой организации) и др.» (выделено нами – О.А., В.С., А.А., А.Л. [1, с. 153]). Необходимость создания законодательства в области коммерциализации объектов интеллектуальной собственности, безусловно, позволит осуществлять их реализацию в соответствии с нормативной базой. Однако для успешной коммерциализации объектов интеллектуальной собственности необходима их разработка и защита от несанкционированного использования путем патентования. Только при наличии гаммы объектов интеллектуальной собственности можно будет снизить «зависимость от государства» [1] в их коммерциализации и увеличить экономическую самостоятельность университетов.

Отмечена необходимость разработки собственной модели реализации концепта «Университет 3.0» с учетом «особенности белорусского менталитета, традиций в сфере высшего образования, уровня социально-экономического развития, отраслевой структуры экономики, преобладающих форм собственности, степени рыночных преобразований и др.» (выделено нами – О.А., В.С., А.А., А.Л. [1, с. 153 со ссылкой на [13]]). На наш взгляд, «простое копирование имеющихся успешных зарубежных вузов» [1] при переходе к модели «Университет 3.0» отечественными вузами принципиально невозможно, так как в значительной части учебных заведений отсутствует база для такой деятельности – имеющийся уровень научно-исследовательской деятельности не позволяет создавать интеллектуальные объекты, пригодные для коммерциализации со значимым экономическим эффектом.

К числу важных мероприятий по реализации концепта «Университет 3.0» в Беларуси относят активизацию развития инновационной структуры [15]. Предложенные в [15] направления развития инновационной структуры университетов традиционны и не содержат новых решений, так как основная проблема вузов состоит не в создании «объектов инновационной структуры», а в разработке необходимого числа самих объектов интеллектуальной собственности на базе системной научно-исследовательской деятельности.

Проведенный анализ работ, посвященных трансформированию отечественной высшей школы, показал, что требуется значительное трансформирование всех функций университетов. При это необходимо отметить, что функция предпринимательства в деятельности университетов существовала изначально, поэтому считать ее «новой» [1] необоснованно и противоречит сложившейся системе реализации в промышленности и других секторах экономики. Поэтому расширение этой функции принципиально «не изменит характер и других функций – образовательной и научной» [1], однако увеличение ее в образовательном процессе необходимо для повышения интеллектуальной подготовки специалистов с креативным характером мышления.

Глобальная экономика развивается с использованием научных достижений в практических приложениях различного функционального назначения. Поэтому современную экономику называют экономикой знаний. В экономике знаний институциональной составляющей является система образования, включающая высшие учебные заведения – университеты, обеспечивающие ее квалифицированными кадрами. В последнее десятилетие в технологически развитых странах интенсивно реализуется концепт «Университет 3.0», согласно которому университеты основное внимание в своей деятельности уделяют коммерциализации знаний, полученных в ходе системной научно-исследовательской работы.

Начиная с 2018 г. в Беларуси в соответствии с нормативно-правовой базой реализуется пилотный проект «Университет 3.0», в котором участвуют 8 вузов отечественной высшей школы.

Анализ методологических подходов к реализации концепта «Университет 3.0» в отечественной высшей школе свидетельствует о необходимости трансформирования основных направлений его практического воплощения, характерных для технологически развитых стран с учетом особенностей развития экономики, действующей нормативно-правовой базы, традиций. При этом необходимо сохранить основную функцию белорусских университетов, состоящую в подготовке интеллектуального потенциала для устойчивого социально-экономического развития.

Литература

1. Марахина, И. В., Теоретические и методические основы перехода белорусских ВУЗов к модели «Университет 3.0» / И. В. Марахина // *Белорусский экономический журнал*. – 2021. – № 1. – С. 140–155.
2. Etzkowitz, H. *The Triple Helix : University – Industry – Government. Innovation and Enterprenenship* / H. Etzkowitz, Ch. Zhou. – London : Routledge, 2018. – 342 p.
3. Андриюшкевич, О. А. Формирование предпринимательских университетов в инновационной экономике / О. А. Андриюшкевич, И. М. Денисова // *Экономическая наука современной России*. – 2014. – № 3. – С. 87–104.
4. Интеллектуальное обеспечение инновационной деятельности промышленных предприятий технико-экономический и методологический аспекты / О. В. Авдейчик [и др.] – Минск : Право и экономика, 2007. – 529 с.
5. Авдейчик, О. В. Основы научной и инновационной деятельности : учеб. пособ. / О. В. Авдейчик, Л. Н. Нехорошева, В. А. Струк ; под ред. Л. Н. Нехорошевой, В. А. Струка. – Минск : Право и экономика, 2016. – 489 с.
6. Карпов, А. Современный университет как драйвер экономического роста: модели и миссии / А. Карпов // *Вопросы экономики*. – 2017. – № 3. – С. 58–76.
7. Виссема, Й. Г. Университет третьего поколения : управление университетом в переходный период / Й. Г. Виссема. – М. : Олимп-Бизнес, 2018. – 122 с.
8. Щелкунов, М. Д. Университеты нового поколения / М. Д. Щелкунов // *Вестник экономики, права и социологии*. – 2017. – № 1. – С. 187–192.
9. Кларк, Б. Р. Создание предпринимательских университетов : организационные направления трансформации / Б. Р. Кларк ; пер. с англ. А. Смирнова. – М. : Изд. дом Гос. ун-та Высш. шк. экономики, 2011. – 237 с.
10. Водопьянов, П. А. Концепт постиндустриализма и реальный социальный прогресс / П. А. Водопьянов, Ч. С. Кирвель // *Социология*. – 2011. – № 1. – С. 20–32.
11. Константинов, Г. Н. Что такое предпринимательский университет / Г. Н. Константинов, С. Р. Филинович // *Вопросы образования*. – 2007. – № 1. – С. 49–63.
12. Lang, J. *Creating the climate for innovations* [Electronic resource] / J. Lang // SlideServe, 2019. – Mode of access : <https://www.slideserve.com/yovela/creating-the-climate-for-innovation-powerpoint-ppt-presentation>. – Date of access : 14.04.2023.
13. Бондарь, А. В. Предпринимательский университет как точка роста экономики знаний / А. В. Бондарь, П. А. Лис, В. А. Слиж // *Белорусский экономический журнал*. – 2018. – № 1. – С. 105–122.
14. О состоянии и перспективах развития науки в Республике Беларусь по итогам 2018 года : аналитический доклад / под ред. А. Г. Шумилина, В. Г. Гусакова. – Минск : ГУ «БелИСА», 2019. – 280 с.
15. Марахина, И. В. Развитие инновационной структуры ВУЗа при переходе к модели «Университет 3.0» / И. В. Марахина // *Наука и инновации*. – 2020. – № 12. – С. 64–69.
16. О совершенствовании деятельности учреждений высшего образования на основе модели «Университет 3.0» [Электронный ресурс] : приказ Мин. обр. Респ. Беларусь, 1 дек. 2017 г., № 757 // *Белорусский государственный экономический университет*. – Режим доступа : <http://bseu.by/russian/general/univer3/2017.12.01-757.pdf>. – Дата доступа : 15.08.2022.

¹Гродненский государственный аграрный университет

²Гродненский государственный университет имени Я. Купалы

Поступила в редакцию 14.04.2023

Формирование критериев эффективного управленца предприятием

О.А. БАЛАБАНОВИЧ¹, И.Д. БАЛАБАНОВИЧ²

В статье подводится итог оценки эффективности управленческого персонала предприятия. Авторами проведено масштабное анкетирование специалистов, руководителей и собственников организаций и предприятий Беларуси на предмет выявления критериев наиболее эффективного руководителя. На этой основе в дальнейшем имеется возможность создания многомерной модели управления предприятием и формулировки сети управленческих решений на базе причинно-следственных связей. Обосновывается, что персонал предприятия является краеугольным камнем эффективного функционирования предприятия и стабильного дальнейшего развития, а под умелым управлением может нивелировать большинство внутренних и внешних возмущающих воздействий; рост квалификационного потенциала управленца влияет на рост эффективности функционирования предприятия.

Ключевые слова: управление, эффективность, показатели результативности управления, система управления, управленческий потенциал.

The article summarizes the assessment of the effectiveness of the enterprise's management personnel. The authors conducted a large-scale survey of specialists, managers and owners of organizations and enterprises in Belarus to identify the criteria for the most effective leader. On this basis, in the future it is possible to create a multidimensional model of enterprise management and formulate a network of management decisions based on cause-and-effect relationships. The personnel of an enterprise is the cornerstone of the effective functioning of the enterprise and stable further development, and under skillful management it can neutralize most internal and external disturbing influences; the growth of a manager's qualification potential affects the growth of the enterprise's operating efficiency.

Keywords: management, efficiency, management performance indicators, management system, management potential.

Среда функционирования предприятий представляет собой сложное переплетение самых разнообразных факторов, а проблемы формирования эффективной системы управления предприятием и повышения экономической эффективности хозяйственной деятельности многогранны.

В контексте общего стремления Республики Беларусь и в соответствии с Национальной стратегией устойчивого развития Республики Беларусь до 2035 г. к достижению высоких стандартов уровня жизни населения на основе качественного роста экономики на новой цифровой технологической базе и формирования полноценной конкурентной среды одной из основных целей развития страны является повышение эффективности традиционной экономики посредством внедрения инноваций, оптимизации бизнес-процессов и формирования условий и информационной инфраструктуры [1].

В этих условиях особую роль играет управление предприятиями всех сфер народного хозяйства, которое помогает обеспечить высокую эффективность и результативность их функционирования в интересах удовлетворения социально-экономических потребностей общества, в том числе в соответствии с принципами поддержания устойчивости экономики к внешним вызовам и угрозам.

Для эффективного функционирования предприятия нужно применять не только интуицию и опыт, а обязательно использовать научное обоснование и экономические расчеты для принятия верных управленческих решений. В тоже время значимость управленческого потенциала, как совокупность квалификационных характеристик людей, принимающих решения, играет первостепенную роль при реализации интересов в достижении целей конкретного предприятия, что предполагает оценку эффективности менеджмента, которая в настоящее время является довольно сложной. Наличие большого количества критериев и методов такой оценки, учитывающих различные факторы, влияющие на эффективность, обусловило разработку практических рекомендаций по формированию эффективной системы управления организациями и предприятиями Республики Беларусь.

В соответствии с Программой социально-экономического развития Республики Беларусь на 2021–2025 гг., утвержденной Президентом Республики Беларусь 29.07.2021 г. за № 292, главная цель развития страны на 2021–2025 гг. – обеспечение стабильности в обществе и рост благосостояния граждан за счет модернизации экономики [2]. Для чего необходим поиск новых подходов как к управлению, так и к формированию эффективной системы управления предприятиями.

Для более точного понимания категории «эффективность» нами предпринят критический обзор определений исследуемой категории ряда авторов. Например, с определением эффективности как «количественного показателя, характеризующего скорость изменения величины во времени или чувствительность величины к фактору» [3], мы не можем согласиться ввиду того, что эффективность в самом общем виде – это соотношение результата к затратам, в то время как чувствительность величины к фактору описывается показателем эластичности или корреляцией между факторами, а скорость изменения величины функции во времени описывается производной к этой величине. Таким образом, определение не содержит основной смысл понятия эффективность.

Но всё же большинство ученых и практиков-экономистов под эффективностью понимают соотношение результатов к затратам. С данным утверждением мы также согласны.

Таким образом, целесообразно сделать вывод, что категория «эффективность» достаточно хорошо изучена экономической наукой ввиду первостепенной значимости рассматриваемого понятия и отражает результативность достижения поставленных целей.

Но как понять, что управление достаточно эффективно, и где же грань между эффективностью и неэффективностью? Задавая этот вопрос разным профильным специалистам в рамках проведенного нами анкетирования, мы получили совершенно разные ответы, основанные на понимании каждого, «исходя из своего опыта». Парадокс заключается в том, что ответы-то правильные, с точки зрения опрашиваемого специалиста, но субъективные, ограниченные, раскрывающие только одну из сторон функционирования предприятия. А так как «большое видно на расстоянии», то и объективно обозреть все сферы деятельности предприятия можно, лишь обладая информацией о деятельности предприятия в целом и по всем подразделениям с уровня директората (собственника или руководителя отдела на крупном предприятии).

Сформировался устойчивый стереотип, что эффективность управления предприятием обязательно должна быть измерена «волшебной формулой» и выражена точными данными, а результатом должен быть какой-то коэффициент, отражающий эффективность управления. Так можно измерить эффективности управления инвестициями, капиталом и т. д. Однако для оценки эффективности управления предприятием еще не создан такой единый унифицированный коэффициент. И едва ли будет создан ввиду сложности и многогранности понятия «эффективность управления предприятием».

Общая эффективность управления предприятием, конечно же, будет выражаться численно. Кроме того, для описания такого сложного процесса одного показателя недостаточно. Следует использовать группу показателей, сбалансированных между собой и учитывающих все направления деятельности, описывающих все элементы системы. В единой системе уже можно выстроить многомерную модель управления предприятием и сформировать сеть управленческих решений на базе причинно-следственных связей.

Визуализация системы сбалансированных показателей (ССП) предприятия [4], [5], [6] (рисунок 1) позволяет лучше в ней ориентироваться и управлять развитием предприятия, используя ресурсы более осмысленно.

В такой системе хорошо видно, что в связи с изменением структуры производства или отлично реализованной маркетинговой программой и прочими успешными решениями и изменениями в блоке «бизнес-процессы» произойдут изменения ряда финансовых показателей, являющихся основополагающими как для разработки бизнес-планов, так и для обоснования управленческих решений, а также при оценке деятельности предприятия.

Фундаментом системы сбалансированных показателей предприятия является персонал, на котором будет базироваться всё остальное, как и от заложенного фундамента дома. Именно благодаря эффективной и результативной работе людей и будут правильно протекать бизнес-процессы, сформируется обширная клиентская база, станет возможным достижение высоких финансовых показателей деятельности предприятия.

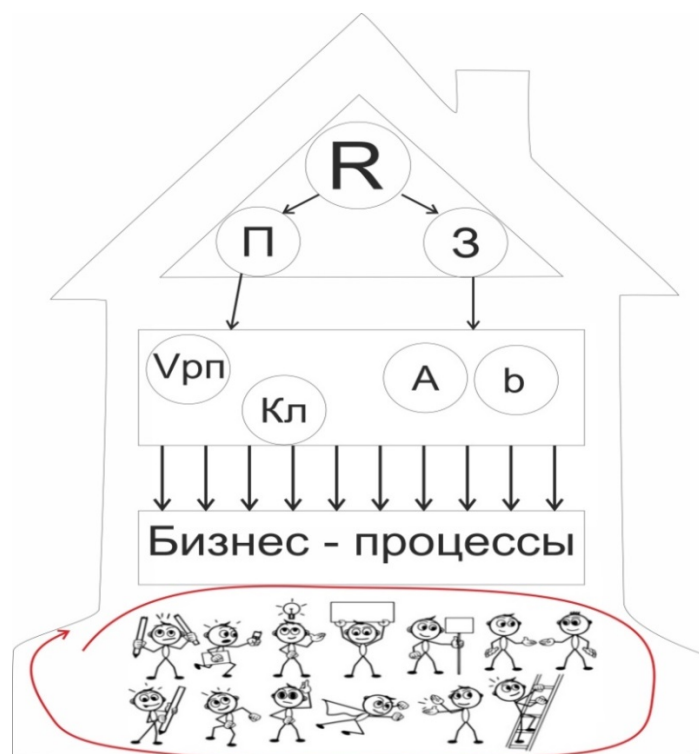

Рисунок 1 – Упрощенная визуализация системы сбалансированных показателей предприятия:
 R – рентабельность, П – прибыль, З – затраты, Vrp – объем реализованной продукции, Кл – клиенты,
 А, b – постоянные и переменные затраты соответственно [собственная разработка]

Таким образом, именно от того, как персоналом будут руководить, и зависит результат деятельности всего предприятия!

Восточные мыслители говорят, что в управлении главное – мудрость. Если изложить это на сегодняшний лад, то главная цель управления – эффективное функционирование предприятия и его развитие, за которым обязательно стоит мудрый руководитель.

Насколько оптимально и целесообразно в сложной ситуации будет принято решение, во многом зависит от опыта и профессионализма руководителя, а также от достоверности, своевременности и полноты информации, которой он располагает. Хорошие менеджеры создают лучшие продукты, предоставляют лучшие услуги, и их компании растут и развиваются быстрее, чем другие. Но идеальных начальников, как и идеальных людей, не существует. Тем не менее, можно выделить ряд признаков хорошего руководителя.

На основании проведенного нами исследования¹, в котором приняло участие 530² респондентов, выделим основные, наиболее часто встречающиеся черты и признаки хорошего руководителя (рисунок 2):

- умение управлять и организовывать рабочий процесс (28 %);
- наличие опыта и знаний (19 %);
- самоорганизация, высокая персональная эффективность (12 %);
- достижение результата (11 %);
- умение брать ответственность на себя (9 %);
- лидер, который ведет за собой (9 %);
- умение мотивировать команду (7 %);
- понимание, что главный ресурс – это его сотрудники (5 %);
- умение контролировать эмоции (3 %);
- уважение и доверие, разделение принципов и ценностей (2 %).

¹ Приказ директора ООО «Большая типография» Балабанович О.А. № 10/01/2020.

² Для данного исследования из более чем 1000 респондентов отобрано 530 (327 специалистов, 126 руководителей, 77 собственников) из различных областей и сфер деятельности.

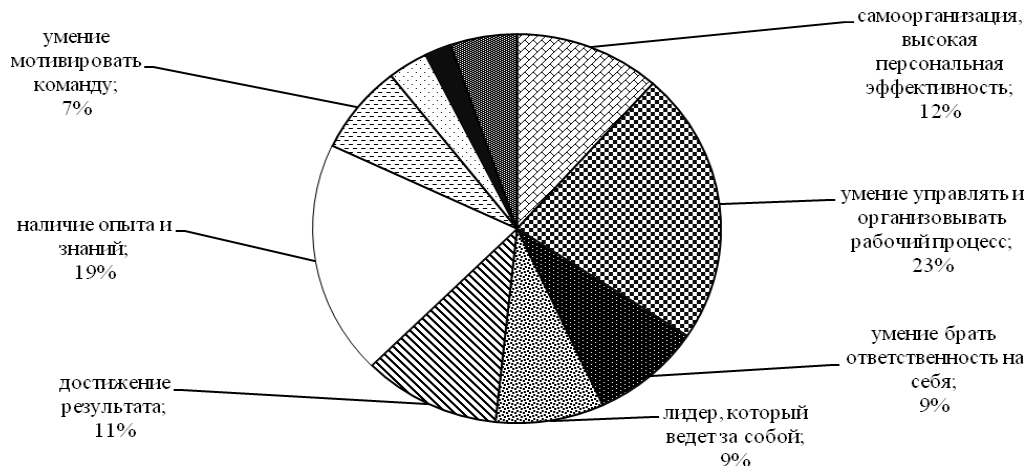

Рисунок 2 – Черты и признаки эффективного руководителя [собственная разработка на основе данных анкетирования]

Наиболее ёмко и целостно всё вышеперечисленное можно выразить одним предложением: «Большой из вас да будет вам слуга» (Мф. 23:11-12).

Важными и значимыми для дальнейшего исследования были результаты опроса руководителей и собственников предприятий, позволившие выделить три основных блока проблем (рисунок 3):

- недостаточность / искаженность информации для принятия решений (42,2 %);
- «прибыль есть, а денег нет»³ (21,4 %);
- сложно найти мотивированный / квалифицированный персонал (17,9 %).

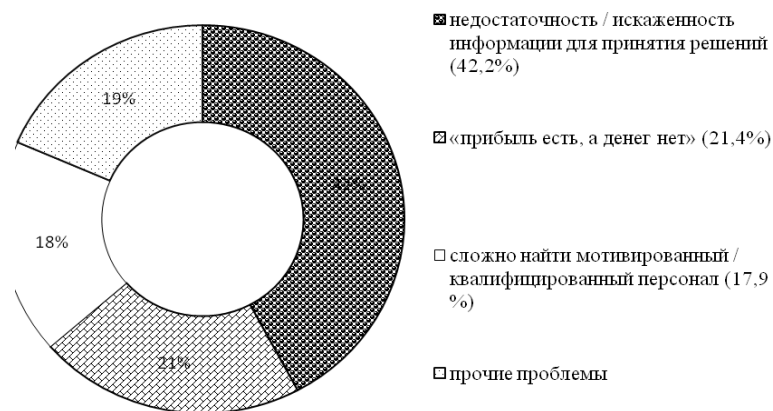

Рисунок 3 – Результаты опроса руководителей предприятий [собственная разработка на основе данных анкетирования]

На последнюю и, на наш взгляд, наиболее важную проблему отчасти есть решение, полученное в результате многолетнего и масштабного исследования российской компании Axes Management [8], доказывающее, что компании с высокой производительностью труда ориентируются не на фонд оплаты труда, а на подготовку (обучение) кадров, при этом выявлена очевидная связь между затратами на обучение и эффективностью работы сотрудников.

Также нами выше приведен обзор образа руководителя, под началом которого люди хотели бы трудиться. Как показали результаты нашего исследования, при выборе кандидатами места работы личность руководителя зачастую бывает более значимой, нежели уровень заработной платы.

³ один из наиболее часто встречающихся из «парадоксов бухгалтерского учета», сформулированный Я.В. Соколовым [7].

Одними из самых ярких фигур в истории управленческой мысли, заложившими фундамент современного менеджмента и достаточно аргументированно обосновавшими в своих трудах реальную значимость конкретного руководителя в конкретной компании, в конкретных условиях, в конкретное время и с конкретной командой, являются Н. Макиавелли, Ф. Тейлор и Генри Форд.

Никколо Макиавелли убедительно доказал, что только понимая и принимая в расчет среду воспитания, сформированные привычки, процесс мышления и мотивы поведения людей, можно быть хорошим управленцем, а также постулат, что чувство страха, испытываемое подчиненным, куда более эффективно для управления, нежели любовь. На этой базе и сформированы его четыре знаменитых принципа.

Фредерик Тейлор многократно обосновывал, что для повышения производительности труда необходима мотивация работника, разработав на протяжении 20 лет свои известные всем менеджерам принципы управления.

Генри Форд создал новый подход к управлению предприятием. Его идеи по созданию конвейерного производства и сегодня используются практически всеми производственными предприятиями.

Концепции автоматизации и стандартизации производства существенно изменили подходы к управлению и продолжают развиваться. Ввиду автоматизации производства и ускорения бизнес-процессов, востребованными стали опыт и интеллект, нацеленность на отличный результат каждого сотрудника.

Здесь интересна позиция И. Адизеса, труд которого по результатам нашего опроса самый читаемый, обосновывающая, что для достижения стабильной эффективности необходимо выполнять четыре функции (производство, администрирование, предпринимательство, интеграция), невыполнение хотя бы одной из указанных функций приводит к «неправильному» менеджменту.

Рассмотрим эти функции подробнее:

- производство – нацеленность на результат не в целом, а на сегодняшний день;
- администрирование (объектно-логическое управление) – обеспечение упорядочивания процессов, происходящих на предприятии (прогнозирование, анализ, планирование и т. д.), ориентация на эффективность; делегирование, координация, контроль;
- предпринимательство – взгляд в будущее, правильное определение стратегических приоритетов; генерация идей, предвидение новых потребностей, изыскание способов их удовлетворения; своевременное внедрение изменений, позволяющих развиваться;
- интеграция – создание атмосферы, обстановки и ценностей; видение потребности в кадровых ресурсах (подбор, расстановка и обучение кадров); мотивация эффективно работать в команде, компенсация их недостатков (поощрение, воодушевление, стимулирование, наказание и т. п.).

Гармоничное сочетание перечисленных функций открывает путь к эффективному управлению, которое возникает тогда, когда найден разумный баланс между применимым отечественными управленцами «администрированием» и «социально-психологическим управлением».

Также И. Адизес утверждает, что руководителя, сочетающего в себе (способного выполнять) все перечисленные функции, не существует, а однобокий подход неэффективен. Данное утверждение вызвало живой спор среди отечественных управленцев, как и неприятие большинством рекомендаций автора, направленных на «индивидуализм», присущий американской и еврейской системе мировоззрения. Тем не менее, мы убеждены, что наиболее ценным компонентом является именно последний блок «интеграция», который и является фундаментом эффективного управления. Так как функцию «интегратора» может выполнить только хороший руководитель, являющийся лидером.

Очевидно, что рост квалификационного потенциала управленца влияет на рост эффективности функционирования предприятия. И проблема интенсификации управления – по-прежнему исключительно актуальна.

Бесспорно, что управленческий потенциал – наиважнейшее слагаемое развития предприятия и его успеха, определяет эффективность его функционирования, и эффективность управления зависит от синергии личности руководителя (его профессиональных качеств), эффективности функционирования системы управления и организации процесса управления.

Таким образом, следует с особым вниманием, с большой ответственностью подходить к вопросам подготовки и назначения кадров, в том числе управленческих, а ресурсы общего образования и профессионального обучения рассматривать как важнейший фактор развития предприятий и повышения экономического потенциала нашей страны.

В дальнейших исследованиях авторов будет сконцентрировано внимание на двух выявленных проблемах, отраженных на рисунке 3: формулировка системы целевых показателей, обеспечивающая комплексную оценку эффективности функционирования предприятия и экономического состояния предприятия в целом, методики оценки их чувствительности к управленческим воздействиям, дающей возможность всесторонне оценить влияние управленческих решений на деятельность предприятия, повышая качество аналитической функции.

Авторские предложения повышают адаптивность менеджмента к изменениям среды функционирования предприятия за счет более высокой гибкости управления. Снижается влияние человеческого фактора, обусловленное субъективностью принимаемых управленческих решений, что позволяет сместить точку концентрации с контроля текущего положения дел на предприятии и сделать акцент на превентивном анализе, прогнозировании развития, что обеспечивает эффективность функционирования предприятия в долгосрочной перспективе.

Литература

1. О разработке проекта Национальной стратегии устойчивого развития Республики Беларусь на период до 2035 года [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Республики Беларусь, 25 мая 2018 г., № 392 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2023.
2. Об утверждении Программы социально-экономического развития Беларуси на 2021–2025 годы [Электронный ресурс] : Указ Президента Республики Беларусь, 29 июля 2021 г., № 292 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.
3. Жеронкин, Р. С. Определение понятия эффективности управления / Р. С. Жеронкин // E-Scio. – 2019. – № 7. – С. 372–378.
4. Балабанович, О. Контроллинг и система управления предприятием : теория и методология / О. Балабанович // Наука и инновации. – 2020. – № 1. – С. 55–59.
5. Ольше, Н.-Г. Оценка эффективности деятельности компании : практ. рук. по использованию сбалансир. системы показателей / Н.-Г. Ольше, Ж. Рой, М. Веттер ; пер. с англ. Э. В. Кондуковой, И. С. Половицы. – М. [и др.] : Вильямс, 2004. – 303 с.
6. Balanced Scorecard / Hrsg. Horvath a. Partner. – 2., uberarb. aufl. – Stuttgart : Schaffer-Poeschel, 2021. – 443 s.
7. Соколов, Я. В. Бухгалтерский учет : от истоков до наших дней : учеб. пособ. / Я. В. Соколов. – М. : Аудит : ЮНИТИ, 1996. – 638 с.
8. AXES [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://axes.ru>. – Дата доступа : 04.03.2023.

¹Белорусский государственный
экономический университет

ГУО «Гимназия № 2 г. Минска»

Поступила в редакцию 03.01.2024

Антикризисное управление деятельностью организаций в Республике Беларусь: законодательный аспект

И.В. ГЛУХОВА

Автор рассматривает вопросы, связанные с новациями в антикризисном законодательстве Республики Беларусь. Произведено уточнение понятий «развитие» и «устойчивость» организации как основы для понимания сущности антикризисного управления ее деятельностью. Особое внимание уделено вопросам инициации процедур несостоятельности / банкротства и проведения санации должника. Произведен аналитический обзор статистических материалов, характеризующих состояние организаций Республики Беларусь, находившихся в различных процедурах несостоятельности (банкротства) в 2022–2023 гг.

Ключевые слова: должник, устойчивость, платежеспособность, неплатежеспособность, несостоятельность, банкротство, санация должника, конкурсное производство, ликвидационное производство, кредитор, экономический суд.

The author considers the issues related to the innovations in anti-crisis legislation in the Republic of Belarus. The concepts of «development» and «sustainability» of an organization have been clarified as the basis for understanding the essence of anti-crisis management of its activities. Particular attention is paid to the issues of initiating insolvency / bankruptcy procedures and reorganizing the debtor. An analytical review of statistical materials characterizing the state of organizations of the Republic of Belarus that were in various insolvency (bankruptcy) procedures in 2022–2023 was carried out.

Keywords: debtor, stability, solvency, insolvency, failure, bankruptcy, debtor's rehabilitation, bankruptcy proceedings, liquidation proceedings, creditor, economic court.

Введение. Экспортноориентированный характер национальной экономики и ее интеграция в систему мировых хозяйственных связей обуславливает активизацию факторов макроэкономической среды, влияющих на деятельность национальных товаропроизводителей. Мировой экономический кризис, санкции, разрушение логистических каналов и необходимость поиска новых аналогичных структур оказывают негативное влияние на деятельность различных субъектов экономики. Это происходит в форме возникновения нестандартных ситуаций, приводящих к сбоям краткосрочного или долгосрочного характера в нормальной деятельности организаций. В последнем случае возникают предпосылки для развития и усугубления кризисной ситуации, включая финансовый кризис, вызванный утратой субъектом хозяйствования платежеспособности. Данное финансовое состояние организации обуславливает необходимость осуществления антикризисного управления организацией. Вопросам традиционного антикризисного менеджмента уделяли внимание многие отечественные и зарубежные ученые-экономисты, включая Г.В. Савицкую, А.П. Смольского, В.С. Кивачука, Е.П. Жарковскую, Э.М. Короткова, Е.П. Кочеткова, А.Н. Ряховскую, Т.Б. Фейлинг, Е.В. Поносову, Н.Н. Левкина и др. [1]–[4].

Субъекты экономики обязаны осуществлять свою деятельность в рамках действующего законодательства страны, которое создает правовое поле для регулирования их различных состояний, включая нахождение в кризисной ситуации. В антикризисном законодательстве Республики Беларусь произошли изменения. 1 октября 2023 г. вступил в силу Закон «Об урегулировании неплатежеспособности» [5], действие которого распространяется на субъекты экономики с данной даты. Процедуры, которые были начаты в областных экономических судах до указанной даты, будут продолжаться осуществляться в рамках Закона Республики Беларусь «Об экономической несостоятельности (банкротстве)» [6]. Поэтому приведение сравнительной характеристики двух нормативно-правовых актов, а также рассмотрение новаций законодательства и их потенциального влияния на организацию антикризисного управления субъектами экономики в будущем являются актуальными.

Основная часть. Выполнение миссии любой организации возможно при наличии финансовых ресурсов, которые позволяют обеспечивать бесперебойное функционирование всех бизнес-процессов и связанное с ним устойчивое развитие. Под развитием понимается формирование в организации, как открытой системе, новых характеристик под влиянием динамических факторов внешней и внутренней среды, которые в будущем позволят ей функционировать на новом качественном уровне. Однако в процессе функционирования субъекта хозяйствования

может быть нарушено экономическое равновесие организации, под которым, как правило, понимают баланс разнонаправленных факторов, определяющих в конечном итоге финансовое состояние организации. Продолжительность дисбаланса и стагнации в организации определяется ее способностью сохранять устойчивость во времени. В данном случае устойчивость – это состояние динамического равновесия, при котором менеджмент организации способен своевременно и гибко реагировать на динамику факторов внешней и внутренней среды в целях адаптации внутренних структур, сохранения их главных параметров или организации «мягкой» трансформации для предотвращения развития кризиса и / или нивелирования его негативных последствий. Такой подход к обеспечению тесной взаимосвязи в цепочке «функционирование – устойчивость – развитие» позволяет формировать программу превентивных мер по предотвращению кризиса в организации на различных фазах ее жизненного цикла и переходах между ними.

Обеспечение устойчивости организации означает ее платежеспособность – способность рассчитаться по всем долговым обязательствам в установленные сроки. Однако в процессе функционирования современных организаций зачастую возникает ситуация, при которой финансовое состояние не позволяет своевременно исполнить различные обязательства при наступлении установленного срока, включая расчеты с поставщиками и подрядчиками, с работниками по выплате заработной платы, бюджетом и внебюджетными фондами. Согласно ст. 1 п. 14 Закона Республики Беларусь «Об урегулировании неплатежеспособности», такое состояние организации трактуется как ее неплатежеспособность [5]. Это может быть временным явлением, когда организация имеет все предпосылки для самостоятельного урегулирования финансовых взаимоотношений с кредиторами. При наличии тенденции усиления неплатежеспособности, характеризующейся наличием хронических неплатежей и претензий со стороны кредиторов, может быть инициирована подача заявления в экономический суд, который обладает правом признания организации несостоятельной и проведения санации для урегулирования сложившейся ситуации. При этом крайней формой неплатежеспособности является банкротство организации, которое трактуется как неплатежеспособность, признанная решением экономического суда с последующим открытием ликвидационного производства, т. е. ликвидацией должника [5].

Одной из новаций Закона Республики Беларусь «Об урегулировании неплатежеспособности» является разграничение права на подачу в экономический суд заявления о несостоятельности или банкротстве, что отражено в ст. 7 данного нормативного акта [5]. В первом случае заявление о признании организации несостоятельной с последующей санацией может подать лишь должник. В ст. 8 п. 3 данного закона определено состояние, при наступлении которого должник обязан подать заявление о банкротстве в суд. Это ухудшение неплатежеспособности организации и, соответственно, отсутствие финансовых ресурсов для произведения расчетов по своим обязательствам в течение 6 месяцев после наступления сроков их исполнения, а также наличие абсолютной неплатежеспособности на 1 января текущего года, при которой общая сумма долга превышает стоимость имущества должника [5]. А представители работника должника, кредиторы, налоговые и таможенные органы, Комитет Государственного контроля и иные уполномоченные государственные органы могут подать заявление о банкротстве должника. При этом определены пороговые значения показателей, которые являются условием для подачи заявления в суд различными субъектами. Следует отметить, что ранее подавалось общее заявление (при отсутствии четких условий для такого основания), и суд выносил решение о придании организации статуса несостоятельной или банкрота.

В качестве основных лиц, инициировавших подачу заявления в экономический суд о несостоятельности (банкротстве) организаций в 2022–2023 гг. выступали непосредственно должник, ликвидационная комиссия, кредиторы, налоговые органы, прокуратура и другие субъекты (таблица 1). Следует отметить, что представленная информация отражает положение дел в рамках действия Закона «Об экономической несостоятельности (банкротстве)», в ст. 8 которого они были определены как «... лица, имеющие право на подачу в экономический суд заявления об экономической несостоятельности (банкротстве)» [6].

Таблица 1 – Структура инициаторов возбуждения дел об экономической несостоятельности (банкротстве) в Республике Беларусь в 1-м полугодии 2022–2023 гг. [7] (в процентах)

Область	Налоговые органы		Должник		Кредиторы		Ликвидационная комиссия	
	1.07.22	1.07.23	1.07.22	1.07.23	1.07.22	1.07.23	1.07.22	1.07.23
Республика Беларусь	24,6	26,7	16,1	15,5	30,4	30,4	28,9	26,8
Брестская область	5,1	6,9	30,7	13,8	15,3	20,6	48,6	58,7

Окончание таблицы 1

Витебская область	24,7	21,5	10,5	20,0	38,8	44,6	26,0	13,9
Гомельская область	32,8	22,9	14,5	20,7	35,5	31,0	17,2	39,2
Гродненская область	6,9	1,8	1,3	9,3	22,2	42,6	69,6	46,3
Минская область и г. Минск	25,5	34,6	17,1	16,0	28,8	20,6	28,6	28,8
Могилевская область	35,2	38,1	15,2	7,9	36,1	46,0	13,5	8,0

Данные таблицы 1 свидетельствуют о том, что структура инициаторов возбуждения дел в экономическом суде претерпела определенные изменения в 2023 г. Основными инициаторами судебных процедур в отношении организаций-должников в Республике Беларусь являлись кредиторы (30,4 %) и ликвидационная комиссия (26,8 %). В ряде областей наметилась тенденция роста числа заявлений, поданных в экономический суд кредиторами в 2023 г. Так, в Гродненской области прирост доли кредиторов составил 20,4 %, Могилевской области – 9,9 %, в Витебской области – 5,8 %. В Гомельской области и Минской области, включая г. Минск, наблюдалась противоположная тенденция и произошло снижение доли кредиторов на 4,5 % и 8,2 % соответственно. Непосредственно должники проявляли достаточно низкую активность в инициации судебных процедур, связанных с определением их дальнейшего функционирования, и их доля в структуре поданных заявлений составила в 2023 г. 15,5 % по Республике Беларусь в целом. И только в Гомельской (20,0 %) и Витебской (20,7 %) областях данный показатель превышал республиканский уровень.

Достаточно высокий удельный вес в структуре инициаторов банкротства занимала ликвидационная комиссия (26,8 % в 2023 г.). Согласно Положению о ликвидации (прекращении деятельности) субъектов хозяйствования [8] собственник имущества (участник, учредитель) имеет право на создание ликвидационной комиссии (ликвидатора), которая осуществляет подготовку и непосредственное проведение ликвидации организации. В ее состав могут входить работники организации, руководитель, собственник (учредитель). При этом следует отметить, что в основе формирования состава комиссии находится факт наличия кредиторской задолженности и степени ее погашения перед кредиторами. Поэтому в случае отсутствия расчета с кредиторами в полном объеме руководитель, собственник (учредитель) не могут выступать в качестве членов ликвидационной комиссии. Официальное утверждение такой комиссии означает переход к ней прав, ответственности, функций по управлению делами субъекта хозяйствования, включая подачу заявления о банкротстве в экономический суд. Наиболее активно данные комиссии создавались в 2023 г. в Брестской области (58,7 %) и Гомельской области (39,2 %), которые инициировали открытие ликвидационного производства.

Как было отмечено ранее, налоговые, таможенные органы, ФСЗН и другие государственные органы в пределах своих полномочий имеют право на подачу заявления о банкротстве в экономический суд в случае неисполнения должником обязательств по своевременной уплате налогов, неналоговых и иных платежей. Их доля в структуре инициаторов экономической несостоятельности (банкротства) в 2023 г. составляла от 1,8 % по Гродненской области до 38,1 % по Могилевской области. При этом число организаций, имевших задолженность по обязательным платежам, значительно возросло в Минской области и г. Минске, Могилевской области.

С точки зрения обеспечения достижения установленных параметров социально-экономического развития Республики Беларусь важно сохранение каждой организации и создание условий для ее нормального функционирования. Это позволяет обеспечивать заданные темпы роста ВВП, формировать бездефицитный бюджет страны, поддерживать высокий уровень занятости и доходов населения, выполнять поставки по государственным и международным договорам и др. Поэтому антикризисное законодательство, в первую очередь, направлено на восстановление платежеспособности организации-должника, которое может выступать в двух формах: досудебной и судебной.

Главой 2 Закона Республики Беларусь «Об урегулировании неплатежеспособности» предусмотрено досудебное оздоровление организации-должника, основной целью которого является выведение организации из состояния неплатежеспособности. В качестве лица-инициатора, проводящего досудебное оздоровление, должен выступать, прежде всего, должник (руководитель организации, ее собственник, учредители (участники)). При этом законодательством предусмотрено участие в данной процедуре государственных органов, «... в подчинении которых находится должник или которые осуществляют управление принадлежащими Республике Бела-

русью или ее административно-территориальным единицам акциями (долями в уставном фонде должника» [5]. В новом Законе обозначен перечень основных мер досудебного оздоровления, к которым отнесены реорганизация должника, трансформация организационной структуры и органов управления должником, достижение компромисса с кредиторами по срокам и условиям погашения задолженности, взыскание дебиторской задолженности и другие меры.

Досудебное оздоровление может производиться в виде досудебной санации. Санатору важно определиться с концепцией санации, которая может быть наступательной или оборонительной. В первом случае организация замедляет свою активность на рынке, что выражается в снижении темпов роста производительности труда, объемов производства и реализации продукции и т. п. Это позволяет обеспечивать функционирование организации на сниженном уровне финансовых потоков в целях сохранения ее устойчивости как социально-экономической системы. При этом речь идет лишь о выживании должника и предотвращении банкротства через адаптацию к сложившимся условиям. Наступательная концепция санации нацелена на обеспечение устойчивости должника через развитие и предполагает его активную трансформацию посредством инвестиционной деятельности, имеющей целью привлечение инвестиционных ресурсов для создания и производства нового продукта, выхода с ним на неосвоенные рынки сбыта для повышения прибыльности и улучшения финансового состояния должника. В конечном итоге любая концепция санации предполагает улучшение платежной дисциплины должника.

Восстановление платежеспособности должника в рамках проведения судебных процедур происходит в процессе судебной санации. В Законе «Об урегулировании неплатежеспособности» санация трактуется как «... процедура, применяемая к должнику в целях обеспечения его эффективной хозяйственной (экономической) деятельности и восстановления платежеспособности, а также для осуществления расчетов с кредиторами в соответствии с установленной очередностью» [5]. При рассмотрении вопросов судебной санации следует отметить еще одну новацию антикризисного законодательства, которая состоит в разделении процедуры конкурсного производства и санации. В Законе «Об экономической несостоятельности (банкротстве)» санация определялась в качестве процедуры конкурсного производства, целью которого было удовлетворение требований кредиторов в соответствии с установленной очередностью и защиты прав, интересов должника посредством его санации или ликвидации [6]. В новой трактовке конкурсное производство осуществляется в целях проверки оснований для признания организации несостоятельной или банкротом, составления реестра требований кредиторов и установления признаков, характеризующих наличие различных видов банкротства или создания условий для препятствования расчетам с кредиторами.

Согласно официальной статистике, предоставляемой Департаментом по санации и банкротству Министерства экономики Республики Беларусь, динамика численности организаций-должников, находящихся в различных судебных процедурах, в 1-м полугодии 2022–2023 гг. по областям страны сложилась следующая (таблица 2).

Таблица 2 – Количество должников, находящихся в процедурах экономической несостоятельности (банкротства) в Республике Беларусь в 1-м полугодии 2022 – 2023 гг. [7]

Область	Защитный период		Конкурсное производство		Санация		Ликвидационное производство	
	1.07.22	1.07.23	1.07.22	1.07.23	1.07.22	1.07.23	1.07.22	1.07.23
Республика Беларусь	19	8	395	283	48	40	901	620
Брестская область	1	1	23	13	10	8	58	50
Витебская область	3	2	59	35	0	0	96	71
Гомельская область	1	0	46	47	17	17	48	66
Гродненская область	0	0	39	28	3	1	65	54
Минская область и г. Минск	14	5	171	136	13	11	544	310
Могилевская область	0	0	57	24	5	3	90	69

Согласно данным таблицы 2, количество saniруемых должников снизилось на 8 субъектов. Наиболее активно санация проводилась в Гомельской области (в 2022 г. и 2023 г. по 7 должников) и Минской области и г. Минске (2022 г. – 11 субъектов, 2023 г. – 13 субъектов). Удельный вес промышленных организаций, находящихся в процедуре санации, в рассматриваемом периоде составил 67,5 % от их общего числа [7]. Второе место в данной структуре

занимали субъекты хозяйствования в строительстве (20 %) [7]. Достаточно негативная тенденция сложилась в Витебской области, характеризовавшаяся отсутствием saniруемых организаций на фоне ликвидируемых должников (2022 г. – 96 субъектов, 2023 г. – 71 субъект).

В целом следует отметить, что подавляющее число судебных дел, связанных с экономической несостоятельностью (банкротством) белорусских организаций, было отмечено в торговле и транспорте, что составило в 1-м полугодии 2023 г. 42,5 % и 13,6 % соответственно [7]. Если рассматривать банкротство как стадию жизненного цикла любого субъекта экономики, то целесообразно обратить внимание на возраст, в котором он входил в процедуру экономической несостоятельности (банкротства). 31,6 % организаций утрачивали свою платежеспособность в возрасте 5–10 лет, 30,2 % – более 10 лет [7]. Это свидетельствует о том, что они не смогли самостоятельно преодолеть возникший стадийный кризис и прибегли к внешней помощи, что во многих случаях приводит не к возрождению организации и выходу из кризиса обновленной, а к прекращению существования. Справочно отметим, что общее количество завершенных дел об экономической несостоятельности (банкротстве) в Республике Беларусь в 1-м полугодии 2023 г. составило 762, что ниже аналогичного периода на 146 дел [7]. При этом в 2023 г. наибольшее число дел было завершено в г. Минске (303) и Гомельской области (105). Это в подавляющем большинстве случаев было связано с завершением ликвидационного производства. Следует отметить замедление темпов роста организаций, находящихся в ликвидационном производстве, по областям (за исключением Гомельской области), т. е. по факту организаций-банкротов.

Заключение. Таким образом, антикризисное управление организацией нацелено на достижение ее динамической устойчивости, которая позволяет сохранять платежеспособность на различных фазах экономического цикла для обеспечения развития и выхода на новый качественный уровень функционирования. Антикризисное законодательство регулирует деятельность должников, способствуя четкой организации антикризисного управления в субъектах хозяйствования и создавая условия для соблюдения и реализации прав всех участников данного процесса: должника, кредиторов, органов государственного управления. Совершенствование антикризисного законодательства с учетом практического опыта позволяет более эффективно подойти к решению проблемы несостоятельности и банкротства белорусских организаций, создавая основы для обеспечения экономического роста в стране и увеличения благосостояния населения.

Литература

1. Смольский, А. П. Антикризисное управление : учеб. пособ. / А. П. Смольский. – 2-е изд., испр. и доп. – Минск : Мисанта, 2017. – 352 с.
2. Коротков, Э. М. Антикризисное управление : учеб. для ВУЗов / Э. М. Коротков. – М. : Издательство Юрайт, 2023. – 406 с.
3. Ряховская, А. Н. Направления повышения эффективности функционирования института банкротства / А. Н. Ряховская // МИР (Модернизация Инновации Развитие). – 2016. – Т. 7, № 2. – С. 173–179.
4. Левкина, Н. Н. Антикризисные стратегии управления ресурсами предприятий в современных условиях РФ / Н. Н. Левкина // Научные исследования и разработки. Экономика. – 2022. – Т. 10, № 3. – С. 65–69.
5. Об урегулировании неплатежеспособности [Электронный ресурс] : Закон Республики Беларусь, 13 декабря 2022 г., № 227-3 // Нац. центр правовой информ. Респуб. Беларусь. – Режим доступа : <https://pravo.by>. – Дата доступа : 10.10.2023.
6. Об экономической несостоятельности (банкротстве) [Электронный ресурс] : Закон Республики Беларусь, 13 июля 2012 г., № 145-3 // Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Режим доступа : <http://www.pravo.by>. – Дата доступа : 15.10.2023.
7. Бюллетень по делам об экономической несостоятельности (банкротстве) в 1 полугодии 2022–2023 гг. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://economy.gov.by/uploads/files/sanacija-i-bankrotstvo/VJuLLETEN-2023-6-mes-publika-tsija.pdf>. – Дата доступа : 16.10.2023.
8. Положение о ликвидации (прекращении деятельности) субъектов хозяйствования [Электронный ресурс] : утв. Декретом Презид. Респуб. Беларусь от 16.01.2013 г., № 2 ; с изм. и доп. от 18.04.2019 г., № 151 // Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Режим доступа : <https://pravo.by>. – Дата доступа : 20.10.2023.

Государственное регулирование здравоохранения в Беларуси: методика оценки

А.Г. ЗЕМЦОВ, Л.П. ЗЕНЬКОВА

На основе обобщения зарубежного опыта функционирования медицины в трансформационных экономиках нами исследованы основные особенности белорусской модели здравоохранения, которые следует учитывать при обосновании эффективного, на условиях частно-государственного партнерства, функционирования рынка в рассматриваемой социальной сфере. Нами сформулированы наши предложения по методике оценки частно-государственного партнерства в Республике Беларусь в рамках показателей оптимального соотношения рынка и государства.

Ключевые слова: здравоохранение, экономические отношения, частно-государственное партнерство.

Based on the generalization of foreign experience in the functioning of medicine in transformational economies, we have studied the main features of the Belarusian healthcare model, which should be taken into account when justifying the effective functioning of the market in the social sphere under consideration, on the terms of public-private partnership. We have formulated our proposals on the methodology for evaluating public-private partnership in the Republic of Belarus within the framework of indicators of the optimal ratio of the market and the state.

Keywords: healthcare, economic relations, public-private partnership.

Введение. Здравоохранение всех развитых стран, в том числе и Республики Беларусь, в настоящее время, находится в процессе системного реформирования, которое протекает в период очередной институциональной трансформации социально-экономических систем. Практически во всех развитых странах под действием цифровизации происходит процесс трансформации экономических отношений. Все это отрицательно сказывается на качестве здоровья и жизни человека, и главное, на качестве человеческого капитала. Поэтому реформы здравоохранения должны рассматриваться в рамках общей трансформации экономических систем. К очередному периоду институциональной трансформации, т. е. к началу XXI в., все существующие системы здравоохранения сводят к трем основным экономическим моделям: платная медицина, основанная на рыночных принципах с использованием частного медицинского страхования, государственная медицина с бюджетной системой финансирования и система здравоохранения, основанная на принципах социального страхования и регулирования рынка с многоканальной системой финансирования.

В рамках процесса обеспечения всеобщей доступности услуг здравоохранения важное значение имеет выстраивание процессов эффективного соотношения частного сектора и государственного [1]. Необходимость обеспечения доступности услуг здравоохранения и их высокого качества обусловлена доказанной мировой практикой непосредственной взаимосвязью между уровнем здоровья граждан и эффективностью их трудовой деятельности.

В Республике Беларусь государство продолжает сохранять определяющую роль в финансировании расходов на систему здравоохранения. Однако наблюдается также тенденция уменьшения доли государственных расходов на здравоохранение и рост частных расходов. Частичную реализацию данной тенденции можно обнаружить в системах здравоохранения некоторых стран СНГ. Это поступательно формирует условия для создания нового типа рыночных экономических отношений в сфере здравоохранения. При этом гарантии для получения бесплатных услуг здравоохранения становятся достаточно ограниченными и сводятся к минимально необходимому перечню услуг [2]. Как верно отмечает И.П. Каткова, система здравоохранения является ресурсоемкой отраслью, занимающей особое место в системе общественного производства [3]. Поэтому элементы рыночной концепции необходимы для развития здравоохранения, включая активизацию частных медицинских организаций. Однако также необходимо вводить и ограничения для платного рынка медицинских услуг. Такие

ограничения выступают существенной необходимостью, поскольку опыт стран, где осуществлялась бесконтрольная коммерциализация системы здравоохранения, свидетельствует о крайне негативном влиянии такого процесса на рост уровня здоровья [3].

На основе обобщения зарубежного опыта функционирования медицины в трансформационных экономиках нами исследованы основные особенности белорусской модели здравоохранения, которые следует учитывать при обосновании эффективного, на условиях частно-государственного партнерства, функционирования рынка в рассматриваемой социальной сфере. Нами сформулированы предложения по методике оценки уровня государственного регулирования в Беларуси в рамках показателей оптимального соотношения рынка и государства в здравоохранении.

Основная часть. Роль государства оценена нами по секторам здравоохранения, по которым, согласно нашим взглядам, необходимо оценивать критерии оптимального соотношения рынка и государства: лечебно-профилактические мероприятия и реабилитация; санитарно-эпидемиологические меры; регулирование лекарственного обеспечения; охрана здоровья матери и ребенка, достижение демографических ориентиров; здоровый образ жизни и проведение экологических мероприятий.

Во всех вышеуказанных секторах относительное соотношение государства и рынка должно соответствовать следующему принципу: максимальный результат (полезность системы здравоохранения для общества). При этом полезность этого направления здравоохранения проявляется в сохранении и приумножении человеческого капитала (продолжительность жизни коэффициент Джини, уровень заболеваемости) при минимальных затратах государственного и частных секторов. Существующая на данный момент группа официальных статистических показателей функционирования системы здравоохранения не построена на этом принципе.

Нами сформулированы предложения по методике оценки степени государственного вмешательства в разрезе следующих направлений: 1) ценообразование в фармацевтической промышленности и сети медицинских учреждений; 2) субсидирование определенных категорий граждан; 3) льготирование доступности лекарств и отдельных медицинских услуг; 4) регулирование взаимоотношений между частными медицинскими учреждениями и государственными службами медицинской помощи; 5) инвестирование в государственный и негосударственный сектора здравоохранения и его совершенствование; 6) регулирование предоставления минимальных услуг согласно социальным стандартам; 7) планирование и прогнозирование ассортимента и объема производства лекарств; 8) территориальное распределение полномочий государственных органов здравоохранения в контексте частно-государственных отношений.

Предлагаем более подробно оценку деятельности государственного и частного секторов в виде системы показателей в разрезе вышеуказанных основных пяти направлений.

1. Обеспечение всеобщей степени доступности медицинских услуг и препаратов. Цены на лекарственные препараты и медицинские услуги являются значимым индикатором степени доступности медицинской помощи. Лекарственные средства – это продукция исключительной социальной значимости. Наличие качественных, эффективных и доступных лекарственных средств в стране – одно из необходимых условий благосостояния и преемственности здоровой нации, что является стратегическим приоритетом любого государства. Именно поэтому процесс государственного регулирования ценообразования на лекарственные средства является неотъемлемой частью правительственной политики в области регулирования обращения лекарственных средств, что обуславливает присутствие в показателе (I_1) соответствующего индекса социальной бедности населения (1).

Данный показатель должен исходить, кроме всего прочего, из сохранения необходимого уровня конкуренции и достигнутого уровня социальной защищенности населения. В то же время данный показатель не должен создавать дополнительной нагрузки на Национальный статистический комитет. Следовательно, речь идет о некоем синтезированном показателе, отражающем доступность препаратов и услуг населению (по ценам – ИПЦ на лекарства и медицинские услуги), а также удельный вес в общем числе организаций медицинского профиля (МСП). Последний субиндекс косвенно характеризует наличие конкуренции на рынке медицинских услуг:

$$I_1 = \frac{\text{темпы роста МСП}}{\text{темпы роста ИПЦ} \times \text{темпы роста доли насел. с доходами ниже БПМ}}. \quad (1)$$

Расчеты, произведенные нами по предлагаемой методике (таблица 1), за 4 года выявили следующие тенденции. Увеличение расчетного коэффициента доступности произошло за счет двух факторов: снижения уровня расслоения населения на богатых и бедных, а также роста конкуренции с госсектором, скорректированный на инфляционный рост со стороны МСП делает лекарства более доступными.

Таблица 1 – Расчетные значения индекса доступности лекарственных средств в здравоохранении Беларуси 2018–2021 гг.

Период	Темпы роста уд. веса МСП, %	Темпы роста доли населения ниже БПМ, %	Темпы роста ИПЦ, %	Расчет I_1
2018	1,00682	0,949	1,00956	1,07089
2019	1,06190	0,893	0,99148	1,17919
2020	1,03370	0,960	1,02579	1,10454
2021	1,04405	0,854	1,02393	1,25155

Источник: собственная разработка на основе официальных данных Национального статистического комитета Республики Беларусь.

Мы согласны с С.Н. Солодовой, что государственное регулирование ценообразования лекарственных средств выражает степень участия государства в определении итоговой цены конкретного лекарственного препарата, специфику реализации социальной политики [4]. По нашему мнению, здесь могут быть вариации: прямое ограничение цен, установления процента потолка роста цен, а также льготирование при покупке лекарственных средств в сети аптек.

В связи с высокой степенью импорто- и экспортной зависимости экономики Республики Беларусь считаем необходимым увязку действующих цен на медицинские препараты с внешними референтными ценами во избежание вымывания дешевых лекарственных средств за границу или бесконтрольного ввоза иностранных препаратов [5].

2. Реализация принципа социальной защиты. Объективным отражением степени государственного регулирования здравоохранения является показатель субсидирования отдельных категорий граждан как формы социальной защиты. В основе субсидирования граждан лежит попытка достигнуть одновременно двух противоположных целей – максимальной защиты населения и рационального использования денежных средств казны.

Целями государства при этом являются максимальная защита малоимущего населения и экономия и рациональное использование денежных средств на эти цели. В данном случае предлагаем следующий показатель субсидирования (I_2):

$$I_2 = \frac{\text{темпы роста доли насел. с доходами ниже БПМ} \times \text{темпы роста ИПЦ на мед. усл. и мед.}}{\text{доля расходов на здравоохранение из конс. бюджета} \times \text{темпы роста рент}}. \quad (2)$$

Анализ показателя (индекса) степени субсидирования населения показывает, что, несмотря на сложившуюся положительную динамику субсидирования здравоохранения, в период кризиса 2020 г. он возрос почти в 2 раза и имел ярко выраженный характер повышенной социальной защиты населения, в последующие годы он резко сократился, отражая свертывание роли государства в этом направлении государственно-частного партнерства.

3. Степень государственного регулирования отношений в подсистеме здравоохранения отражает льготирование приобретения медицинских препаратов и услуг населением как способ государства повысить их доступность. В области льготирования при предоставлении и лекарственных препаратов и медицинских услуг необходимо, на наш взгляд, учитывать удельный вес лиц, чей доход ниже черты бедности (таблица 2). При этом уровень льготирования должен возрастать по мере падения реальных доходов населения на душу населения. Отсюда мы предлагаем следующий комплексный показатель – индекс льготирования (I_3), состоящий из ряда субиндексов (3):

$$I_3 = \frac{\text{темпы роста доли насел. с доходами ниже БПМ} \times \text{темпы роста рентабельности}}{\text{темпы роста реальных доходов на душу населения}}. \quad (3)$$

Таблица 2 – Расчетные значения индекса субсидирования населения 2018–2021 гг.

Период	Темпы роста доли населения с доходами ниже БПМ, %	Темпы роста ИПЦ на мед. и мед. услуги, %	Доля расходов на здравоохранение из консолидированного бюджета, %	Темпы роста рентабельности, %	Расчет I_2
2018	0,949	1,034	0,148	1,130	5,870
2019	0,893	1,000	0,153	0,903	6,473
2020	0,960	1,051	0,164	0,549	11,231
2021	0,854	1,029	0,190	1,393	3,327

Источник: собственная разработка на основе официальных данных Национального статистического комитета Республики Беларусь.

Анализ показывает, что на протяжении исследуемого промежутка времени (последние 4 года) наблюдается снижение индекса I_3 субсидирования и датирования предприятий. Кроме того, следует учесть, что рентабельность официально рассчитывалась Национальным статистическим комитетом для объединенной сферы – здравоохранения и социальной. Необходимо отметить, что рост рентабельности медицинских учреждений приведет к расширению финансовых возможностей по льготированию доступности медицинских услуг. Поэтому соответствующий частный показатель в индексе I_4 мы посчитали возможным отнести в числитель.

4. В условиях рыночной экономики главной целью государственного регулирования является соблюдение интересов населения (особенно социально незащищенного), контроль над недопущением ущемления прав общества и человека интересами субъектов экономической деятельности [6].

Как показывает мировой опыт, государственные учреждения здравоохранения зачастую работают неэффективно, поэтому целесообразен перевод их на рыночную основу, но в определенных рамках. В связи с этим предлагаемый по данному направлению показатель (I_4) отражает эффективность взаимодействия государственной и частной медицины. В показателе следует учесть следующие субиндексы: доля убыточных медицинских учреждений в общей их численности, темпы роста задолженности медицинских учреждений по кредитам и займам и уровень рентабельности системы здравоохранения в целом. Кроме того, инвестирование в основной капитал также здесь присутствует, так как при повышении эффективного взаимодействия рынка и государства расширяются каналы финансирования. Как следствие роста эффективности взаимодействия государства и рынка растет доля МСП, поэтому мы посчитали необходимым отразить этот процесс также в показателе I_4 (4):

$$I_4 = \frac{\text{темпы роста инвестиций в основной капитал} \times \text{темпы роста рент.} \times \text{темпы роста МСП}}{\text{темпы роста убыточных мед. предприятий} \times \text{темпы роста задолж. по кредитам}}. \quad (4)$$

Анализ предлагаемого индекса I_4 за последние четыре года позволили сделать следующие выводы. Роль государства отражена здесь в создании единых для всех хозяйствующих субъектов «правил игры», благоприятствующих развитию предпринимательства в стране. Государство определяет и внедряет регулирующие меры путем издания мотивированных законодательных и нормативных актов, способствующих развитию рыночной конкуренции, и контролирует выполнение этих правил; защищает права собственности и свободу хозяйственной деятельности [7].

5. Следующим направлением развития государственного регулирования является инвестирование в медицинские учреждения и повышение их отдачи. По результатам инвестирования в государственный сектор доля МСП должна, согласно логике, уменьшаться при прочих равных условиях. Исходя из этого содержания показателя I_5 , определяющего эффективность отдачи инвестиций при условии сохранения доли частного бизнеса и уровня конкуренции в рассматриваемом секторе экономике, предлагается нами в следующем виде (5):

$$I_5 = \frac{\text{темпы роста ВДС здравоохранения} \times \text{темпы роста МСП}}{\text{темпы роста инвестиций в основной капитал}}. \quad (5)$$

В контексте критерия эффективности инвестиций рассматриваются как затраты в указанную сферу, так и результаты. Результатом можно считать валовую добавленную стоимость. Но так как в официальной статистике нет деления валовой добавленной стоимости на частный и государственный сектора, то возможно в данном случае скорректировать числитель коэффициента на удельный вес малого и среднего предпринимательства в этой сфере (чем больше МСП в системе здравоохранения, тем больше возможностей инвестировать в эту сферу).

Воздействие мер государственной политики на уровень частных расходов, как правило, носит целенаправленный характер и соответствует формальным целям регулирования, но в отдельных случаях может сопровождаться значимыми дополнительными эффектами, и здесь мы согласны с автором О.А. Зарубиной [8].

Безусловно, не все аспекты государственного регулирования можно формализованно учесть. Тем не менее, дальнейшая модель развития системы здравоохранения должна меняться и соответствовать каждому новому состоянию экономической системы общества. На данном этапе каждый из секторов здравоохранения требует своей концептуальной модели построения, так как в условиях трансформации национальной экономической системы из административно-командной в рыночную постепенно нарастают элементы рыночных отношений, однако последние находятся в незавершенном виде и требуют государственного регулирования и поддержки. Ресурсы государственного бюджета ограничены. В связи с этим встает вопрос о концептуальной цели развития каждого из секторов в условиях ограниченности финансовых ресурсов. Поскольку сектора профилактики и реабилитации не столь важны, как лечебно-диагностический, то здесь возможно допущение частного сектора медицинских услуг в большей степени на принципах хозрасчета и самоокупаемости. Роль государства в данном случае будет сводиться лишь к косвенным инструментам воздействия: таможенными льготами при ввозе импортных препаратов, налоговыми льготами части прибыли, идущей на модернизацию. Однако такие сектора здравоохранения, как поддержка материнства и детства, диагностика требуют (в текущей демографической ситуации Беларуси и усилившейся эмиграции) другого концептуального подхода – реализации модели «всеобщей доступности». Отсюда и построение политики государственного регулирования будет несколько другим, основанным на прямых инструментах воздействия: регламентации цен, перечней медпрепаратов всеобщей доступности, прямом субсидировании. В любом случае, развитие частного сектора в здравоохранении настоятельно требует ускорения цифровизации системы, централизации и унификации ее информационных потоков. Только в этом случае возможен прозрачный государственный контроль над этой социальной подсистемой.

Заключение. При разработке и реализации государственной политики необходимо учитывать общие социально-экономические условия, не подлежащие контролю со стороны государства по меньшей мере в кратко- и среднесрочной перспективе, но оказывающие влияние на частные расходы (не дискреционные факторы). Среди значимых недискреционных факторов выделяются относительная стоимость услуг здравоохранения, доход и механизм его распределения, возрастная структура, уровень образования, культурные предпочтения общества.

Государство в Беларуси при помощи квот, тарифов, таможенных пошлин контролирует импорт медицинских препаратов и услуг. Это является тактической целью государства. Однако такие меры не должны негативно сказываться на внутреннем рынке. Стратегическая цель государства по оптимизации государственного вмешательства состоит в нахождении разумного сочетания двух задач: наполняемости внутреннего рынка качественными импортными препаратами, недопущения их дороговизны и поддержки отечественных производителей медпрепаратов, реализации стратегии импортозамещения.

В Республике Беларусь одним из важнейших направлений развития системы здравоохранения выступает обеспечение доступности здравоохранения, всеобщей защищенности. Достижение целей, предусмотренных данным типом концептуальной модели функционирования, невозможно без проведения мероприятий, направленных на повышение расходов государства на систему здравоохранения и привлечение частного капитала. Мелкие предприятия в области медицинского бизнеса уже широко распространены в стоматологии, фармации и предоставлении специализированных медицинских услуг, их деятельность требует от государства целенаправленной реализации указанной модели, комплексной системы мер регулирования частного бизнеса в медицине.

Дальнейшее развитие сектора частного предпринимательства в сфере медицины и медицинских товаров требует грамотного сочетания усилий органов местного самоуправления, региональных властей, а также установления четких общенациональных гарантий и их обеспечения.

Необходимо учитывать, что соотношение государства и рынка должно давать максимальный положительный результат для функционирования системы здравоохранения и проявляться в сохранении и приумножении человеческого капитала (продолжительность жизни коэффициент Джини, уровень заболеваемости) при минимальных затратах государственного и частных секторов.

Литература

1. Восколович, Н. А. Доступность услуг здравоохранения как основа социальной защищенности населения / Н. А. Восколович // Народонаселение. – 2021. – Т. 24, № 2. – С. 88.
2. Мажинская, М. А. Экономические отношения в системе здравоохранения [Электронный ресурс] / М. А. Мажинская. – Режим доступа : https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/34223/1/Мажинская_Экономические%20отношения.pdf. – Дата доступа : 26.12.2023.
3. Каткова, И. П. Преждевременная смертность : тенденции и перспективы снижения в контексте целей устойчивого развития России / И. П. Каткова, В. В. Локосов, С. И. Рыбальченко // Проблемы современной экономики. – 2018. – № 2 (58). – С. 93.
4. Солодова, Р. Н. Государственное регулирование ценообразования лекарственных средств в России – законодательная база, обзор международного опыта и взгляд в будущее / Р. Н. Солодова, А. М. Соколова // Современная организация лекарственного обеспечения. – 2019. – № 3. – С. 1–18.
5. Кашаева, Е. А. Особенности ценообразования на российском фармацевтическом рынке / Е. А. Кашаева, Ю. В. Павлова // Бюллетень медицинских интернет-конференций. – 2016. – Т. 6, № 1. – С. 126.
6. Горбунов, Р. А. Особенности государственного регулирования национальной политики в сфере здравоохранения / Р. А. Горбунов // Образование и наука без границ : социально-гуманитарные науки. – 2022. – № 17. – С. 84–87.
7. Бабанский, А. А. Государственное регулирование предпринимательской деятельности / А. А. Бабанский // Новые парадигмы общественного развития : экономические, социальные, философские, политические, правовые, общенаучные тенденции и закономерности : материалы Международной научно-практической конференции, Новосибирск-Тихорецк-Саратов, 28 декабря 2015 г. : в 4-х ч. – Новосибирск-Тихорецк-Саратов : ООО «Академия управления», 2016. – Ч. 1. – С. 69–71.
8. Зарубина, О. А. Факторы и значение частных расходов в здравоохранении / О. А. Зарубина, Н. Н. Сисигина // Фармакоэкономика. Современная фармакоэкономика и фармакоэпидемиология. – 2016. – Т. 9, № 4. – С. 24–30.

Использование искусственного интеллекта в экономике и обществе: направления, проблемы и регулирование

О.В. ПУГАЧЕВА

Актуальность исследования определяется необходимостью выявления основных трендов развития рынка искусственного интеллекта и нейросетей в мире, в России и Беларуси, а также возможностей, направлений и угроз использования искусственного интеллекта и нейросетей для решения разнообразных задач в различных сферах экономики и общества. С этой целью рассматриваются основные проблемы и опасности использования нейросетей и направления законодательного регулирования развития искусственного интеллекта.

Ключевые слова: искусственный интеллект, нейросети, экономика, угрозы, безопасность, регулирование.

The relevance of the research is determined by the need to identify the main trends in the development of the market of artificial intelligence and neural networks in the world, in Russia and Belarus, as well as the opportunities, directions and threats of using artificial intelligence and neural networks to solve various problems in various spheres of economy and society. To this end, the main problems and dangers of using neural networks and directions of legislative regulation of artificial intelligence development are considered.

Keywords: artificial intelligence, neural networks, economy, threats, security, regulation.

Введение. Исследования использования искусственного интеллекта (ИИ) и нейросетей в экономике и обществе имеют большое значение для развития современных технологий, создания инновационной экономики, повышения эффективности бизнеса, улучшения качества жизни людей. Актуальность исследования определяется следующими возможностями ИИ:

- автоматизировать рутинные задачи, оптимизировать процессы и повышать эффективность работы бизнеса, способствуя увеличению производительности и конкурентоспособности компаний;
- принимать обоснованные решения на основе анализа фактов и статистики, что помогает улучшить стратегическое планирование, прогнозирование и оптимизацию бизнес-процессов;
- обрабатывать большие объемы данных и выявлять сложные закономерности, что позволяет улучшить точность прогнозов, сократить время принятия решений и повысить качество аналитики;
- разрабатывать новые технологии, методы анализа данных и подходы к решению сложных задач, способствуя инновационному развитию экономики и общества;
- создавать социальные преимущества в области здравоохранения, социальной защиты, образования и других сферах, позволяя улучшить качество жизни людей, предотвращать болезни, повышать доступность услуг и улучшать социальное благополучие.

Поэтому является важным анализ показателей развития рынка искусственного интеллекта, выявление основных направлений его использования и возникающих проблем в этой области, формулирование вопросов регулирования применения ИИ.

Показатели развития рынка искусственного интеллекта. Рынок искусственного интеллекта становится процветающей отраслью, приносящей все больше преимуществ бизнесу.

В 2023 г. стартапы в области искусственного интеллекта в мире привлекли на его развитие приблизительно 27 млрд долларов, что является рекордным результатом. Предыдущее максимальное значение этого показателя на уровне 11 млрд долларов было отмечено в 2021 г. Это данные исследования компании PitchBook, опубликовавшей его результаты в конце декабря 2023 г. [1].

В отчете говорится, что из 27 млрд долларов примерно две трети предоставлены корпорациями Microsoft, Google и Amazon. В частности, Microsoft вложила 10 млрд долларов в компанию OpenAI – разработчика нейросети ChatGPT, а также участвовала в раунде финан-

сирования ИИ-стартапа Inflection AI на сумму в 1,3 млрд долларов. Кроме того, Google и Amazon вместе выделили 6 млрд долларов на поддержку фирмы Anthropic, которая специализируется на разработке больших языковых моделей (рисунок 1) [1].

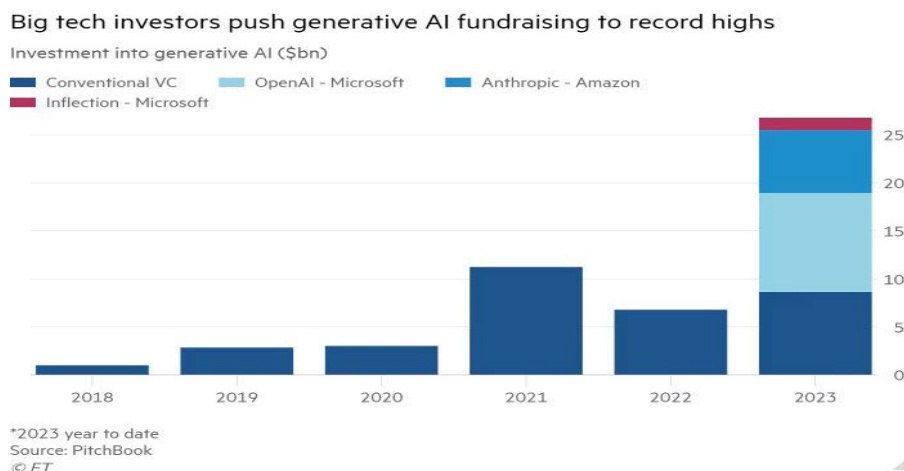

Рисунок 1 – Инвестиции в развитие искусственного интеллекта в 2018–2023 гг.

Обобщенные показатели, характеризующие рынок ИИ, его пользователей, решаемые проблемы, рынок труда, прогнозы его развития и возникающие риски, приводятся в таблице 1 [2].

Таблица 1 – Обобщенные показатели, характеризующие развитие рынка ИИ в 2023 г.

Показатель	Значение	Источник
Прогноз экспертов относительно объема рынка генеративного AI в 2032 г.	\$1,3 трлн (по итогам 2022 г. рынок оценивался в \$40 млрд).	Отчет Bloomberg
Количество людей, еженедельно использующих ChatGPT	100 млн человек	Сэм Альтман, CEO OpenAI
Число разработчиков, которые работают над приложениями, созданными на платформе OpenAI	2 млн человек	По данным OpenAI
Количество представителей зумеров (людей, рожденных между 1995 и 2001 гг.), использующих генеративный AI	70 %	Отчет Salesforce
Количество контента, которое к 2026 будет создано с помощью генеративного AI	90 %	Отчет Правоохранительного агентства ЕС
Сколько времени генеративный AI сэкономит специалистам по продажам и рекламе	1 месяц в год	Отчет Salesforce
Количество ИТ-руководителей, ожидающих, что генеративный AI вскоре будет иметь заметную роль в их организации	86 %	Отчет Salesforce
Количество художников, считающих, что существующие законы об авторском праве неадекватны из-за генеративного AI	89,2 %	По данным Book An Artist
Число специалистов, считающих, что генеративный AI ИИ в течение 3 лет вызовет разрушительную конкуренцию	75 %	По данным McKinsey
Критический показатель автоматизации, при котором определенная должность может полностью исчезнуть из-за AI	25 %	По данным Института Кеннана

Данные о развитии рынка ИИ в Российской Федерации показывают, что по количеству генеративных моделей искусственного интеллекта страна занимает четвертое место в мире. Объем российского рынка ИИ по итогам 2022 г. превысил 650 млрд рублей, что на 18 % больше, чем в 2021 г. Более 1000 российских компаний ведут разработки в этой сфере [3].

По данным института статистических исследований и экономики знаний (ИСИЭЗ) НИУ ВШЭ, 65 % обследованных организаций применяют ИИ в экспериментальном режиме, изучая и оценивая возможности новых решений для бизнеса. Около 3/4 респондентов используют ИИ

совместно с другими цифровыми технологиями. В половине случаев применяются различные виды промышленного программного обеспечения, включая системы автоматизированного проектирования, управления процессами и другие. Более 27 % организаций применяют ИИ наряду с технологиями интернета вещей, а 38 % – во взаимосвязи с коммуникационными сервисами, обеспечивающими взаимодействие с клиентами и решение маркетинговых задач. Наиболее востребованы продукты на основе технологий компьютерного зрения и распознавания и синтеза речи (78,7 % и 62 % ответов респондентов соответственно). Активно применяются и рекомендательные системы на основе больших данных (40,7 %), обеспечивающие функции прогнозирования развития ситуаций, и поведения объектов, например, при обслуживании оборудования и транспортных средств. По оценкам экспертов ИСИЭЗ, чаще всего ИИ-решения оптимизируют управленческие задачи (продажи и маркетинг, финансовый и бухгалтерский учет), в меньшей степени – производственные процессы. В меньшей степени (около 10 %) респонденты применяют интеллектуальные системы управления для автоматизации сложных процессов, которые трудно контролировать традиционными методами.

Уровень использования основных групп технологий ИИ (в % от числа организаций-пользователей ИИ) в России в 2023 г. приводится на рисунке 2 [3].

Рисунок 2 – Уровень использования основных групп технологий ИИ (в % от числа организаций-пользователей ИИ) в 2023 г.

Кроме того, проведенные аналитические исследования с августа 2022 г. по февраль 2023 г. показали, что количество пользователей нейросетей в России выросло в пять раз, а продолжительность взаимодействия с ИИ – в три раза [4].

Что касается Республики Беларусь, то по данным Белстата об использовании информационно-коммуникационных технологий населением и коммерческими организациями в 2022 г. [5], технологии искусственного интеллекта составили только 3,6 % от общего количества используемых организациями ИКТ. Отмечается, что за последние пять лет в Республике Беларусь активно растет интерес к нейросетям у государственных структур, крупного бизнеса и населения. Так, в 2022 г. показатель их востребованности в стране увеличился в десять раз, а за два последних года – в двадцать раз [6].

Направления использования искусственного интеллекта и нейросетей в экономике и обществе. Основные направления использования искусственного интеллекта и нейросетей в экономике приводятся в таблице 2 [7].

Таблица 2 – Основные направления использования искусственного интеллекта и нейросетей в экономике

Направления использования ИИ	Возможности и функции
Прогнозирование и анализ рыночных трендов	Искусственный интеллект и нейросети могут помочь в прогнозировании изменений на финансовых рынках, анализе рыночной динамики и определении оптимальных стратегий инвестирования.
Автоматизация торговли	Автоматизированные системы торговли, использующие искусственный интеллект, могут проводить операции на финансовых рынках с высокой скоростью и точностью, учитывая большое количество данных и факторов.

Окончание таблицы 2

Риск-менеджмент	Искусственный интеллект может быть использован для анализа и оценки рисков в инвестиционных портфелях, определения оптимального уровня риска и разработки стратегий по его управлению.
Персонализация финансовых услуг	Нейросети могут помочь банкам и финансовым компаниям создавать персонализированные предложения для клиентов на основе анализа их поведения, предпочтений и потребностей.
Борьба с мошенничеством	Искусственный интеллект может использоваться для обнаружения мошеннических операций на финансовых рынках и в банковской сфере, а также для защиты данных и личной информации клиентов.
Оптимизация бизнес-процессов	Нейросети могут помочь компаниям оптимизировать свои бизнес-процессы, улучшить управление запасами, прогнозировать спрос на товары и услуги, а также оптимизировать ценообразование.
Анализ текстовых данных	Искусственный интеллект может быть использован для анализа новостей, отзывов клиентов, социальных медиа и других текстовых данных, чтобы выявлять тенденции и оценивать влияние событий на экономику.

Выделяют следующие основные направления использования искусственного интеллекта и нейросетей в отраслях и сферах деятельности:

– здравоохранение. Искусственный интеллект и нейросети могут помочь в диагностике заболеваний, оптимизации лечения, прогнозировании эпидемий, анализе медицинских данных и разработке новых лекарств;

– образование. Искусственный интеллект и нейросети могут использоваться для автоматизации процессов обучения, персонализации учебных программ, анализа успеваемости студентов, разработки инновационных методик обучения и создания учебных помощников на основе искусственного интеллекта;

– транспорт. Искусственный интеллект и нейросети могут применяться для оптимизации транспортных маршрутов, управления транспортными потоками, разработки автономных транспортных средств, прогнозирования трафика и обеспечения безопасности на дорогах;

– сфера обслуживания. В этой сфере искусственный интеллект и нейросети могут использоваться при создании чат-ботов для обработки запросов клиентов, автоматизации процессов обслуживания, персонализации предложений, анализа отзывов и улучшения качества обслуживания;

– энергетика. Применение искусственного интеллекта и нейросетей может обеспечить оптимизацию потребления энергии, управление сетями электропитания, прогнозирование спроса на энергию, разработку энергоэффективных технологий и уменьшение негативного воздействия на окружающую среду;

– сфера культуры и развлечений. Рекомендательные системы для фильмов, музыки и книг, создание виртуальных ассистентов для музеев и выставок, анализ поведения пользователей для предложения персонализированного контента – это возможный перечень использования искусственного интеллекта в рассматриваемой сфере;

– сельское хозяйство. В этой области возможны мониторинг состояния почвы и растений, оптимизация процессов полива и удобрения, прогнозирование урожайности, разработка инновационных методов сельского хозяйства на основе данных искусственного интеллекта.

В настоящее время выделяют следующие основные тенденции в сфере ИИ [3]:

1. Стремление государств к технологическому суверенитету в условиях взаимных ограничений, когда отдельные страны закрывают доступ к своим разработкам.

2. Усиление борьбы за кадры, приводящее, в том числе, к подготовке собственных специалистов через систему высшего образования по специальностям, связанным с разработкой ИИ.

3. Развитие безопасного искусственного интеллекта. Это делает необходимым учет этических аспектов применения искусственного интеллекта.

4. Склонность научных исследователей в различных технологических областях использовать всё более мощные большие языковые модели и генеративный ИИ. По оценкам экспертов, в ближайшие 10 лет такие технологии могут добавить к мировому ВВП около 7 трлн долларов.

5. Рост экономического эффекта от использования искусственного интеллекта. По экспертным оценкам, к 2030 г. в мировой экономике он превысит 15 трлн долларов.

Таким образом, использование ИИ в экономике и обществе имеет как перспективы, так и проблемы.

Проблемы использования искусственного интеллекта. Опасности, связанные с использованием нейронных сетей, могут быть достаточно серьезными. Основные из них следующие:

– хакерские атаки. Искусственные нейронные сети могут быть использованы хакерами для выпуска более сложных и адаптивных вирусов, создания фальшивых документов, а также для мошенничества при онлайн транзакциях;

– недостаточность проверки данных. Нейронные сети работают на основе обучения на данных в условиях, когда могут существовать недостатки в проверке и контроле этих данных, что может привести к неправильным выводам или к получению недостоверной информации;

– принятие решений без объяснения. Нейронные сети могут принимать решения без объяснения своего решения, что может создать риски в отношении ответственности в бизнесе и в обществе в целом;

– сбои в обучении. Любые сбои или ошибки в процессе обучения могут вызвать серьезные проблемы в работе нейронной сети, что может привести к неверным выводам или даже риску для жизни (например, в случае с нейронными сетями, используемыми для управления автономными автомобилями);

– личные данные. Данные, используемые для обучения нейронных сетей, часто содержат чувствительную информацию, которая может быть использована для неправильных целей, если попадет к недобросовестным лицам;

– использование искусственного интеллекта может привести к чрезмерной автоматизации производственных и бизнес-процессов. В результате могут возникнуть угрозы потери рабочих мест и создания общества, в котором компьютеры замещают человеческие роли, что в свою очередь может вызвать социальные проблемы.

Регулирование развития технологий искусственного интеллекта. В контексте поиска финансовой выгоды от использования ИИ следует учитывать, что помимо экономических эффектов существуют ещё и социальные, институциональные и другие. Поэтому важно подобрать правильный подход к регулированию этой технологии.

Существует несколько подходов к регулированию использования искусственного интеллекта:

– приоритет придается саморегулированию со стороны бизнеса;

– гибридный, когда акты законодательного и нормативного регулирования комбинируются с саморегулированием;

– ограничительный подход, при котором регулирование сосредоточено на рисках и ограничениях.

Законодательство, регулирующее использование искусственного интеллекта и нейросетей в бизнесе и обществе, отличается в разных странах и регионах. Основные направления законодательного регулирования включают защиту личных данных, этику ИИ, безопасность и ответственность:

1. Защита личных данных. В Европейском Союзе защита данных регулируется Общим регламентом по защите данных (GDPR), который устанавливает строгие требования к сбору, хранению и использованию персональных данных. В США также существуют различные законы на уровне штатов, такие как Калифорнийский закон о защите потребителей в интернете (ССРА).

2. Этика искусственного интеллекта. Этот аспект законодательства еще находится в разработке во многих странах. В 2021 г. Европейский Союз предложил первое в мире законодательство по искусственному интеллекту, которое регулирует использование ИИ и устанавливает стандарты для «высокорисковых» используемых систем.

Некоторые отраслевые группы и организации, в частности в Китае, пытаются сформировать и ввести принципы этического регулирования использования нейросетей, которые призваны обеспечить этическое использование нейросетей и защитить права и интересы пользователей [8]. Эти принципы сформулированы следующим образом:

– принцип прозрачности, который предполагает, что нейросети должны быть понятными и объяснимыми для пользователей;

– принцип ответственности, который подразумевает, что создатели и владельцы нейросетей несут ответственность за их использование и возможные последствия;

- принцип справедливости, который требует, чтобы нейросети не дискриминировали людей на основе расы, пола, возраста и других характеристик;
- принцип безопасности, который подразумевает, что нейросети должны быть защищены от злоупотреблений и кибератак.

3. Безопасность и ответственность. Вопросы безопасности и ответственности в области ИИ традиционно сложны из-за природы принятия решений с использованием ИИ. Законодательство в этой области еще находится в разработке, но обычно центральной фигурой при обсуждении этих вопросов являются производители, которые могут привлекаться к ответственности в случае неправомерного использования нейросетей. Например, YouTube разработал новые правила в отношении дипфейков. С 2024 г. по требованиям платформы контент, созданный нейросетями, обязательно должен быть отмечен специальной маркировкой [9]. За несоблюдение правил будут наказывать отключением монетизации или удалением видео, но уровень вредности контента будет оценивать сам YouTube.

Заключение. В результате исследования проанализированы важные показатели развития рынка ИИ, выявлены основные сферы деятельности, в которых исследуемые технологии находят применение в настоящее время, сформулированы проблемы в обеспечении безопасности и защиты личных данных в условиях все более широкого применения искусственного интеллекта. Поэтому важно обеспечить тщательное регулирование и качественную этику искусственного интеллекта для минимизации этих рисков и угроз. Безопасность данных, разработка объяснимого ИИ и надежного управления рисками – все это должно стать приоритетными областями в использовании нейронных сетей в экономике и обществе.

Литература

1. Искусственный интеллект (мировой рынок) [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://www.tadviser.ru/index.php/>. – Дата доступа : 02.03.2024.
2. Искусственный интеллект в цифрах и фактах [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://trends.rbc.ru/trends/industry/657963559a79474dd4bc9b88>. – Дата доступа : 02.03.2024.
3. Искусственный интеллект (рынок России) [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://www.tadviser.ru/index.php>. – Дата доступа : 04.03.2024.
4. Число пользователей нейросетей в России выросло в пять раз за полгода [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://www.vedomosti.ru/technology>. – Дата доступа : 06.03.2024.
5. Информационное общество в Республике Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/index_77679/. – Дата доступа : 08.03.2024.
6. За год популярность нейросетей в Беларуси выросла в 10 раз [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://providers.by/2023/04/digest/>. – Дата доступа : 08.03.2024.
7. Пугачева, О. В. Использование искусственного интеллекта в бизнесе / О. В. Пугачева // Актуальные вопросы современной экономической науки : теория и практика : сб. науч. ст. – Гомель : ГГУ им. Ф. Скорины, 2023. – Вып. 2. – С. 209–212.
8. YouTube адаптирует свою политику к предстоящему всплеску видео с искусственным интеллектом [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://techcrunch.com/2023/11/14/youtube-adapts-its-policies-for-the-coming-surge-of-ai-videos/>. – Дата доступа : 11.03.2024.
9. Правовой фреймворк для использования нейросетей : как государства могут регулировать искусственный интеллект [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://www.cossa.ru/news/322021/>. – Дата доступа : 11.03.2024.

Внешнеэкономическая безопасность Республики Беларусь в сфере внешней торговли

Н.С. ШАЛУПАЕВА

Разработан авторский подход к определению понятия внешнеэкономической безопасности страны. Обоснована система индикаторов внешнеэкономической безопасности страны в соответствии с авторским подходом к структурированию данного понятия на три основные сферы: обеспечение внешнеторговой безопасности, внешнеинвестиционной безопасности и внешней платежеспособности страны. Проведена оценка внешнеэкономической безопасности Республики Беларусь в сфере внешней торговли на основе анализа основных индикаторов.

Ключевые слова: экономическая безопасность, внешнеэкономическая безопасность, внешняя торговля, иностранные инвестиции, внешняя платежеспособность страны.

The author's approach to defining the concept of the country's external economic security has been developed. A system of indicators of a country's external economic security is substantiated in accordance with the author's approach to structuring this concept into three main areas: ensuring external trade security, external investment security and country's external solvency. An assessment of the external economic security of the Republic of Belarus in the sphere of foreign trade has been carried out based on the analysis of the main indicators.

Keywords: economic security, external economic security, foreign trade, foreign investment, country's external solvency.

Введение. Внешнеэкономическая безопасность является одним из важнейших приоритетов экономического развития любого государства. В национальном законодательстве Республики Беларусь определение внешнеэкономической безопасности не закреплено (см. [1], [2]), однако ее обеспечение обозначено как один из основных национальных интересов страны в экономической сфере (см. [1]).

Различные подходы к определению данного понятия присутствуют в работах белорусских авторов, в том числе М.В. Мясниковича, С.С. Полоника, В.В. Пузикова [3, с. 37], В.А. Абрамовича [4, с. 94], А.В. Денисевича [5, с. 20], Е.А. Ляха [6, с. 103], Е.В. Тулейко [7, с. 1149].

Анализ существующих подходов к определению внешнеэкономической безопасности показал, что большинство ученых сводит ее сущность к внешнеторговой деятельности страны. Остальные аспекты и проблемы внешнеэкономической безопасности рассматриваются, как правило, в рамках анализа экономической безопасности в целом или ее отдельных структурных элементов (инвестиционная, финансовая, научно-техническая безопасность). Однако данный подход в современных условиях доминирующего влияния международного производства на развитие экономик стран мира не позволяет комплексно оценить угрозы и вызовы внешнеэкономической безопасности стран, что предопределило необходимость обоснования авторского подхода к определению и структурированию понятия внешнеэкономической безопасности страны.

Основная часть. Таким образом, правомерно заключить, что в экономической литературе не представлено определения, структуры и индикаторов внешнеэкономической безопасности, которые учитывали бы все основные сферы внешнеэкономической деятельности страны, что предопределило необходимость разработки авторского подхода к данному вопросу.

Представляется правомерным дать следующее определение внешнеэкономической безопасности страны.

Внешнеэкономическая безопасность – состояние экономики, при котором гарантированно обеспечивается защищенность национальных интересов Республики Беларусь во внешнеэкономической сфере от внутренних и внешних угроз, создаются условия для оптимальной интеграции национальной экономики в систему международных экономических отношений.

Целью обеспечения внешнеэкономической безопасности представляется целесообразным считать сохранение экономического суверенитета страны, рост конкурентоспособности

национальной экономики и защиту интересов отечественных производителей с учетом изменений мировых экономических процессов.

Анализ существующих подходов к определению показателей внешнеэкономической безопасности страны также показал, что большинство ученых сводит их к индикаторам внешнеторговой деятельности страны. В связи с этим представляется целесообразным расширить систему индикаторов внешнеэкономической безопасности страны в соответствии с авторским подходом к структурированию внешнеэкономической безопасности страны, включающей три основные сферы (подробнее см. [8]):

- 1) обеспечение внешнеторговой безопасности;
- 2) обеспечение внешнеинвестиционной безопасности;
- 3) обеспечение внешней платежеспособности страны.

Таким образом, предлагается следующая система индикаторов внешнеэкономической безопасности страны:

- 1) в сфере внешнеторговой безопасности:

- экспортная и импортная квоты;
- коэффициент покрытия импорта экспортом;
- отношение сальдо торгового баланса к ВВП;
- степень товарной диверсификации экспорта и импорта;
- индекс условий торговли;

- 2) в сфере внешнеинвестиционной безопасности:

- отношение объемов привлекаемых прямых иностранных инвестиций к ВВП страны;
- отношение объемов экспорта прямых иностранных инвестиций к ВВП страны;
- доля привлекаемых прямых иностранных инвестиций в общих инвестициях в основ-

ной капитал.

- 3) в сфере обеспечения внешней платежеспособности страны.

– международные резервные активы в процентах к краткосрочному валовому внешнему долгу;

- величина валового внешнего долга на душу населения;
- валовый внешний долг в процентах к ВВП;
- валовый внешний долг в процентах к годовому объему экспорта товаров и услуг;
- обслуживание валового внешнего долга в процентах к объему экспорта товаров и услуг.

Проведем оценку внешнеэкономической безопасности Республики Беларусь в сфере внешней торговли на основе анализа основных индикаторов. В таблице 1 приведены основные показатели внешней торговли товарами Республики Беларусь.

Таблица 1 – Основные показатели внешней торговли товарами Республики Беларусь в 1995–2023 гг., млн долл. США

	1995	2000	2005	2010	2015	2020	2023
Оборот внешней торговли товарами	10 367	15 972	32 687	60 168	56 952	61 946	82 932
экспорт	4 803	7 326	15 979	25 284	26 660	29 179	39 840
импорт	5 564	8 646	16 708	34 884	30 292	32 767	43 092
сальдо	-761	-1 320	-729	-9 600	-3 632	-3 588	-3 252
со странами СНГ	6 704	10 469	18 202	34 172	32 419	36 263	51 509
экспорт	3 027	4 399	7 060	13 636	14 076	17 844	27 193
импорт	3 677	6 070	11 142	20 536	18 343	18 419	24 316
сальдо	-650	-1 671	-4 082	-6 900	-4 267	-575	2 877
со странами вне СНГ	3 663	5 503	14 485	25 996	24 533	25 683	31 423
экспорт	1 776	2 927	8 919	11 648	12 584	11 335	12 647
импорт	1 887	2 576	5 566	14 348	11 949	14 348	18 776
сальдо	-111	351	3 353	-2 700	635	-3 013	-6 129

Источник: составлено автором на основе данных Национального статистического комитета Республики Беларусь.

Данные таблицы показывают положительную динамику роста объемов внешней торговли товарами республики. За период с 1995 г. ее объемы выросли в 8 раз, при этом экспорт

рос более быстрыми темпами по сравнению с импортом, что говорит о результативности импортозамещения в стране.

Тем не менее, основным риском в сфере развития внешней торговли Беларуси остается негативное сальдо внешней торговли товарами. Следует отметить нестабильную динамику данного показателя. Так, по итогам 2023 г. оно сложилось отрицательным в размере -3252 млн долл. США, что в 3 раза меньше показателя 2010 г., но на 3153 млн долл. США больше уровня 2022 г. Важно отметить, что, начиная с 2022 г., в торговле товарами со странами СНГ формируется положительное сальдо (2877 млн долл. США по итогам 2023 г.), причем происходит это за счет существенного прироста экспорта в эти страны.

С позиции обеспечения внешнеэкономической безопасности положительным моментом является то, что в разрезе укрупненных групп товаров сальдо внешней торговли потребительскими товарами вышло в 2021 г. на положительную величину, а отрицательное сальдо складывается по инвестиционным и промежуточным товарам, импорт которых потенциально может способствовать последующему развитию экспорта страны (таблица 2).

Таблица 2 – Внешняя торговля Республики Беларусь по укрупненным группам товаров, млн. долл. США

Показатель	2017	2018	2019	2020	2021
Инвестиционные товары					
экспорт	3 390,20	3 483,70	3 455,40	3 235,50	4 136,50
импорт	3 650,70	4 055,30	4 286,50	3 768,20	4 178,70
сальдо	-260,50	-571,60	-831,10	-532,70	-42,20
Промежуточные товары					
экспорт	18 123,50	21 700,40	20 240,50	16 426,00	23 881,80
импорт	22 419,60	25 379,00	24 834,00	20 017,10	27 020,50
сальдо	-4 296,10	-3 678,60	-4 593,50	-3 591,10	-3 138,70
Потребительские товары					
экспорт	6 934,30	7 392,60	7 752,40	7 913,90	9 608,30
импорт	7 692,80	8 466,90	9 227,30	8 311,50	9 292,60
сальдо	-758,50	-1 074,30	-1 474,90	-397,60	315,70

Источник: данные Национального статистического комитета Республики Беларусь.

Что касается внешней торговли услугами, то в этой сфере стабильно наблюдается положительное торговое сальдо как со странами СНГ, так и со странами вне СНГ, при этом со странами вне СНГ прирост данного показателя за 5 лет составил 68 % (таблица 3).

Таблица 3 – Внешняя торговля услугами Республики Беларусь, млн. долл. США

Показатель	2017	2018	2019	2020	2021
Внешнеторговый оборот услуг	12 731,4	14 244,1	15 494,1	13 634,6	15 972,4
со странами СНГ	4 545,6	4 867,4	4 951,4	3 847,3	4 453,1
со странами вне СНГ	8 185,8	9 376,7	10 542,7	9 787,3	11 519,3
Экспорт	7 905,2	8 838,0	9 641,9	8 787,6	10 302,8
со странами СНГ	2 674,0	2 751,7	2 813,5	2 215,0	2 629,2
со странами вне СНГ	5 231,2	6 086,3	6 828,4	6 572,6	7 673,6
Импорт	4 826,2	5 406,1	5 852,2	4 847,0	5 669,6
со странами СНГ	1 871,6	2 115,7	2 137,9	1 632,3	1 823,9
со странами вне СНГ	2 954,6	3 290,4	3 714,3	3 214,7	3 845,7
Сальдо	3 079,0	3 431,9	3 789,7	3 940,6	4 633,2
со странами СНГ	802,4	636,0	675,6	582,7	805,3
со странами вне СНГ	2 276,6	2 795,9	3 114,1	3 357,9	3 827,9

Источник: данные Национального статистического комитета Республики Беларусь.

В соответствии с предложенной системой индикаторов одним из показателей внешнеэкономической безопасности в сфере внешней торговли является отношение сальдо внешней торговли товарами и услугами к ВВП. При этом критерием обеспечения безопасности считается значение данного показателя не менее -5 %. В Республике Беларусь по итогам 2021 г.

отношение сальдо внешней торговли товарами и услугами к ВВП составило 5,8 % (таблица 4). Таким образом, можно заключить, что в части сбалансированности внешней торговли внешнеэкономическая безопасность Республики Беларусь обеспечена.

Таблица 4 – Отношение сальдо внешней торговли товарами и услугами Республики Беларусь к ВВП, %

Показатель	2017	2018	2019	2020	2021
Отношение сальдо внешней торговли товарами и услугами к ВВП	0,2	1,5	-0,6	3,2	5,8

Источник: данные Национального статистического комитета Республики Беларусь.

В современных условиях интенсификации конкуренции на мировых рынках и быстрых изменений в технологиях и жизненных циклах товаров важнейшим направлением обеспечения внешнеэкономической безопасности страны, безусловно, становится развитие внешней торговли высокотехнологичными товарами и услугами.

В 2021 г. доля высокотехнологичных товаров и среднетехнологичных высокого уровня в общем объеме экспорта Республики Беларусь составила 31,7 %, а в общем объеме импорта страны – 32,8 %. В свою очередь доля именно высокотехнологичных товаров в общем объеме экспорта товаров республики в 2021 г. составила только 2,9 % (таблица 5). При этом доля импорта высокотехнологичных товаров за рассматриваемый 5-летний период увеличилась на 1,7 п.п. и составила в 2021 г. 8,5 %.

Таблица 5. – Структура внешней торговли Беларуси по уровню технологичности и наукоемкости товаров, %

Показатели	2017	2018	2019	2020	2021
Экспорт					
доля высокотехнологичных товаров в общем объеме экспорта, %	2,7	2,7	3,0	3,6	2,9
доля среднетехнологичных товаров высокого уровня в общем объеме экспорта, %	27,9	28,0	29,1	30,3	28,8
Импорт					
доля высокотехнологичных товаров в общем объеме импорта, %	6,8	7,7	8,8	9,6	8,5
доля среднетехнологичных товаров высокого уровня в общем объеме импорта, %	21,6	24,4	25,4	26,8	24,3

Источник: составлено автором на основе данных Национального статистического комитета Республики Беларусь.

Следует отметить, что в структуре промышленного производства республики на высокотехнологичные производства приходится около 3,1 % [9], что косвенно свидетельствует о более высокой импортоемкости высокотехнологичных отраслей республики по сравнению с другими отраслями. Кроме того, приведенные данные говорят о том, что Республика Беларусь на данный момент является скорее заемщиком технологий на мировом рынке, нежели их поставщиком.

Позитивной тенденцией является то, что наблюдается заметный рост доли экспорта наукоемких высокотехнологичных услуг в общем объеме экспорта товаров и услуг республики – с 3,5 % в 2015 г. до 7,8 % в 2020 г., при некотором снижении в 2021 г. (рисунок 1).

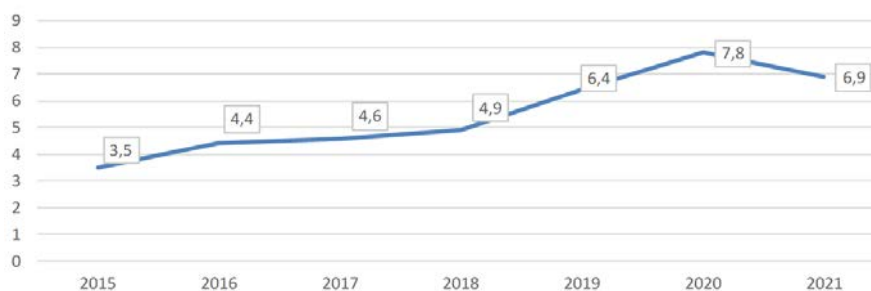

Рисунок 1 – Доля экспорта наукоемких высокотехнологичных услуг в общем объеме экспорта товаров и услуг Республики Беларусь, %

Источник: составлено автором на основе данных Национального статистического комитета Республики Беларусь.

Важным индикатором с позиции обеспечения внешнеэкономической безопасности являются условия внешней торговли страны.

Таблица 6 – Индекс условий внешней торговли товарами Республики Беларусь, 2018–2021 гг.

	Экспорт		Импорт		Индекс условий торговли
	индекс средних цен	индекс физического объема	индекс средних цен	индекс физического объема	
Всего					
2018	110,1	105,3	106,9	105,0	1,03
2019	97,4	99,8	98,1	104,7	0,99
2020	88,5	100,1	91,3	90,9	0,97
2021	124,2	110,3	121,3	105,1	1,02
страны СНГ					
2018	103,5	103,6	107,9	106,9	0,96
2019	99,8	103,5	98,0	101,0	1,02
2020	92,5	99,6	86,9	88,1	1,06
2021	118,2	113,3	129,7	108,5	0,91
страны вне СНГ					
2018	120,0	107,4	105,4	101,9	1,14
2019	93,9	95,5	98,5	110,7	0,95
2020	82,9	100,7	97,8	95,2	0,85
2021	133,9	106,0	110,1	100,4	1,22

Источник: рассчитано автором на основе данных Национального статистического комитета Республики Беларусь.

Расчет индексов условий торговли республики в период 2018–2021 гг., представленный в таблице 6, показывает, что данный показатель стабильно близок к единице. Однако следует отметить, что в разрезе различных групп стран-партнеров он заметно отличается. Наиболее выгодные условия торговли складываются со странами вне СНГ.

Заключение. Таким образом, правомерно заключить, что разработанный авторский подход к понятию внешнеэкономической безопасности страны, а также разработанная система индикаторов внешнеэкономической безопасности позволяют учесть все основные сферы внешнеэкономической деятельности страны и комплексно оценить состояние, угрозы и вызовы ее внешнеэкономической безопасности.

Оценка внешнеэкономической безопасности Республики Беларусь в сфере внешней торговли на основе анализа основных индикаторов позволяет сделать вывод о том, что в части сбалансированности внешней торговли внешнеэкономическая безопасность Республики Беларусь обеспечена. Тем не менее, основным риском в сфере развития внешней торговли Беларуси остается негативное сальдо внешней торговли товарами. Что касается внешней торговли услугами, то в этой сфере стабильно наблюдается положительное торговое сальдо как со странами СНГ, так и со странами вне СНГ, при этом со странами вне СНГ прирост данного показателя за 5 лет составил 68 %.

Анализ развития внешней торговли высокотехнологичными товарами и услугами Республики Беларусь показал, что доля высокотехнологичных товаров в импорте существенно превышает их долю в экспорте страны и в структуре промышленного производства республики. Это косвенно свидетельствует о более высокой импортостойкости высокотехнологичных отраслей республики по сравнению с другими отраслями. Кроме того, приведенные данные говорят о том, что Республика Беларусь на данный момент является скорее заемщиком технологий на мировом рынке, нежели их поставщиком.

Позитивной тенденцией является то, что наблюдается заметный рост доли экспорта наукоемких высокотехнологичных услуг в общем объеме экспорта товаров и услуг республики – в 2 раза в период с 2015 по 2021 гг.

Расчет индексов условий торговли республики показывает, что данный показатель стабильно близок к единице. Однако следует отметить, что в разрезе различных групп стран-партнеров он заметно отличается. Наиболее выгодные условия торговли складываются со странами вне СНГ.

Литература

1. Об утверждении Концепции национальной безопасности Республики Беларусь [Электронный ресурс] : решение Всебелорусского народного собрания, 25 апреля 2024 г., № 5 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – Режим доступа : <https://pravo.by/document/?guid=11031&p0=P924v0005>. – Дата доступа : 01.09.2024.
2. О рассмотрении проекта новой Концепции национальной безопасности Республики Беларусь [Электронный ресурс] : постановление Совета безопасности Республики Беларусь, 6 марта 2023 г., № 1 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – Режим доступа : <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=P223s0001>. – Дата доступа : 20.03.2023.
3. Мясникович, М. В. Управление системой обеспечения экономической безопасности / М. В. Мясникович, С. С. Полоник, В.В. Пузиков. – Минск : ИООО «Право и экономика», 2005. – 264 с.
4. Абрамович, В. А. Внешнеэкономическая безопасность в контексте совершенствования белорусского законодательства / В. А. Абрамович // Вестник Высшего Хозяйственного Суда Республики Беларусь. – 2008. – № 16. – С. 93–102.
5. Денисевич, А. В. Проблемы правового регулирования обеспечения внешнеэкономической безопасности государства / А. В. Денисевич // Журнал международного права и междунар. отношений. – 2006. – № 1. – С. 20–26.
6. Лях, Е. А. Внешнеэкономическая безопасность Беларуси в современных условиях / Е. А. Лях // Беларусь 2030 : государство, бизнес, наука, образование : мат. 2-ой Межд. науч. конф., Минск, 29 мая 2015 г. – Минск, 2015. – С. 102–104.
7. Тулейко, Е. В. Подходы к обеспечению внешнеэкономической безопасности национальной экономики в условиях тенденций и рисков глобальной экономики / Е. В. Тулейко // Экономическая безопасность. – 2022. – Т. 5, № 4. – С. 1145–1162.
8. Шалупаева, Н. С. Внешнеэкономическая безопасность страны : авторский подход к структурированию понятия [Электронный ресурс] / Н. С. Шалупаева // Современные проблемы обеспечения экономической безопасности : материалы I Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 20 апр. 2023 г. / Белорус. гос. ун-т ; редкол.: А. А. Королёва (гл. ред.) [и др.]. – Минск : БГУ, 2023. – С. 156–158.
9. Шалупаева, Н. С. Развитие внешней торговли высокотехнологичными товарами и услугами как направление обеспечения внешнеэкономической безопасности Республики Беларусь / Н. С. Шалупаева // Стратегия развития экономики Беларуси : вызовы, инструменты реализации и перспективы : сб. науч. ст. : в 2-х т. / редкол.: Д. В. Муха [и др.] ; Национальная академия наук Беларуси; Институт экономики НАН Беларуси. – Минск : Право и экономика, 2023. – Т. 2. – С. 58–62.

Экономика спорта: понятие, структура, модели развития

А.В. ШИШКО

В статье подвергается детальному изучению такой новый вид экономики, как экономика спорта. До сих пор нет четкости в этом понятии. Большинство ученых рассматривает спорт либо как совокупность физических упражнений, либо как сферу деятельности. В статье критически осмыслены различные подходы к «экономике спорта», выделены концептуальные модели развития спорта как сферы человеческой жизнедеятельности. Особое внимание уделено роли государства, источникам финансирования этой социальной сферы.

Ключевые слова: экономика спорта, физическая культура и спорт, самоокупаемость, концептуальная модель спорта, государственное финансирование.

The article examines in detail such a new type of economics as the economics of sports. There is still no clarity in this concept. Most scientists consider sports either as a set of physical exercises or as a field of activity. The article critically comprehends various approaches to the «economics of sports» and highlights conceptual models for the development of sports as a sphere of human life. Particular attention is paid to the role of the state and sources of financing for this social sphere.

Keywords: economics of sports, physical culture and sports, self-sufficiency, conceptual model of sports, government funding.

Введение. В результате изучения авторских публикаций на тему роли и функции спорта в экономической системе обнаружено, что понятие «спорт» трактуется по-разному. Т.К. Курбатова отмечает, что «экономика физической культуры и спорта – это наука, изучающая методы практических задач, в сфере спортивных отношений, связанных с материальными, трудовыми и финансовыми ресурсами на уровне спортивных организаций и общества в целом. Физкультура эффективно воздействуют на экономическую сферу государства – на внешнеэкономические связи и другие показатели экономики» [1].

На наш взгляд, в этом определении имеется ряд недостатков:

1. Ограниченность только спортивными отношениями, так как современная экономика спорта включает в себя отношения торговли, трансферы, финансирования и оказания банковских услуг, медицинских услуг, организации развлекательного бизнеса, маркетинга и рекламы, непосредственно производства товаров.

2. Перечисление (материальных, финансовых, трудовых ресурсов) неуместно, так как все производительные силы и так включают в себя материальные, производственные, ин-формационные и финансовые ресурсы. Их можно включить в качестве традиционного перечня в любые определения, но не в качестве отличительного признака.

3. В определении отсутствует цель спорта как вида хозяйственной деятельности.

Исследователь С.В. Алтухов указывает, что возможно «деление современной постиндустриальной национальной экономики на три сектора», причем сферу спорта он относит «к третичному сектору – сфере услуг» [2]. Однако рассматривать сферу спорта как непроду-ственную сферу мы считаем неправильным. На наш взгляд, экономика спорта на современ-ном этапе охватывает несколько отраслей экономической деятельности, начиная от произ-водства спортивного инвентаря, символики, спортивного питания, торговли инвентарем, раз-влекательного бизнеса, медицинских услуг, организации мероприятий и заканчивая цифро-вой экономикой. В связи с этим экономика спорта частично охватывает производственную и частично непроду-ственную сферы. Кроме того, сохранение физкультурой и спортом, раз-витие человеческого капитала как ресурса производства позволяет трактовать эту часть эконо-мики как производственную. Поэтому мнение С.В. Алтухова о том, что экономика спорта относится только к производственной сфере, является поверхностным.

Экономика спорта основана на рыночных отношениях. В связи с этим можно рассмат-ривать несколько рынков, которые указаны у С.В. Алтухова (производство спортивных това-

ров и услуг, спортивная медицина, спонсорство и реклама и другие) [2]. Следует отметить, что такой перечень далеко не полон. В связи с развитием IT-сферы, необходимо обратить внимание на рынки с так называемой дополненной реальностью AR/VR цифровой экономики, на организацию производства на основании искусственного интеллекта.

В.В. Галкин утверждает, что экономика спорта включает финансирование, экономическое управление и процесс создания процедур взаимодействия на рынке спортивной промышленности [3]. Однако, на наш взгляд, эта точка зрения не полна и не точна:

– учтены только финансовые ресурсы и не указаны трудовые, финансовые и информационные ресурсы;

– почему-то речь идет только о рынке спортивной промышленности, хотя можно выделить рынки спортивного питания, спортивной медицины, спортивного образования, маркетинга и рекламы и другие;

– учет в экономике спорта только экономических процедур взаимодействия ограничивает всю совокупность производственных отношений экономики спорта, так как можно выделить нормативно-правовые, административные процедуры, а не только экономические.

Таким образом, экономику спорта можно рассматривать как часть экономической системы, основанной на хозяйственной деятельности по совершенствованию человеческого капитала, а также как объект государственного регулирования.

Нами проведен сравнительный анализ точек зрения авторов-исследователей на сферу спортивно-хозяйственной деятельности Беларуси, России, Азербайджана, Казахстана и других стран. В результате обобщения мировой практики и теорий можно выделить 4 основных концепции формирования производственных отношений и их роли в экономике спорта:

1. Концепция социальной справедливости (конечная цель – равноценность доступности физической культуры и спорта);

2. Концепция физиологической годности (конечная цель – улучшение демографической ситуации);

3. Концепция сохранности человеческого ресурса (конечная цель – максимальное обеспечение общественного производства качественными трудовыми ресурсами);

4. Концепция самокупаемости (конечная цель – получение максимальной прибыли из экономики спорта).

Охарактеризуем основные элементы и критерии функционирования сферы спорта как вида хозяйственной деятельности.

Концепция социальной справедливости. Приверженцами этой концепции являются: Т. Гоббс, Дж. Локк, С. Милль [4]. Эта концепция ставит во главу угла в области финансирования *общедоступность* физической культуры и спорта для населения несмотря на их социальный статус и уровень жизни, равноценную доступность для всех за счет государственного бюджета. Однако следует учесть, что с развитием частного сектора степень общедоступности массового спорта уменьшается.

Рассмотрим общедоступность в половозрастном и профессиональном разрезе.

Всю совокупность экономических отношений в сфере двигательной активности и экономики спорта можно условно разделить на два больших сегмента – сферу некоммерческого спорта и область спортивного бизнеса. Пересечение сфер влияния и соответственно экономических отношений коммерческого и некоммерческого спорта образуют смешанные формы функционирования с частичным бюджетным финансированием, дополняемые собственной предпринимательской деятельностью.

Пропорции всех указанных на схеме областей могут варьироваться в широких пределах. Все зависит от выбора людей и оформившейся политической системы. В одних странах доминирует частный бизнес и саморегулирующиеся спортивные организации, в других – поддерживаемый государством массовый и профессиональный спорт (рисунок 1).

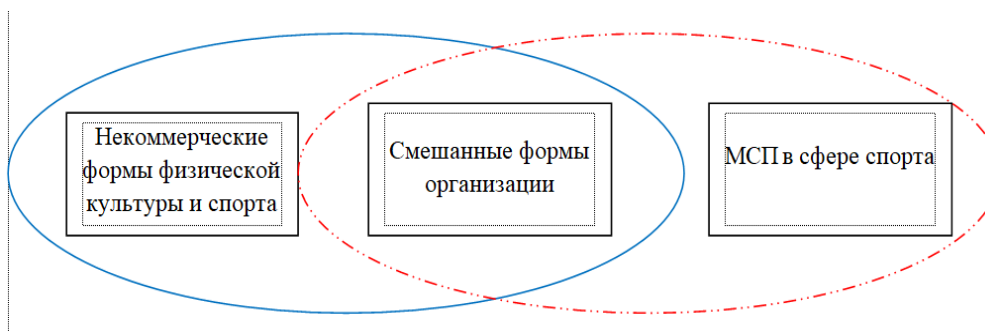

Рисунок 1 – Схема институциональной организации спорта в Беларуси [5]

Тем не менее, экономические отношения в такой модели, построенной на концепции социальной справедливости, дифференцируются в половозрастном разрезе пользователей. Дети из всех слоев населения имеют больше всего привилегий для бесплатных занятий физической культурой и спортом или за небольшую плату. Даже на текущий момент, как бы ни были развиты рыночные отношения, во всем мире спорт как социальная сфера услуг является общедоступным в средних учебных заведениях.

Потребление услуг спорта и физкультуры преследует в этом случае физиологическое развитие индивидов для увеличения двигательной активности и развития физических качеств человеческого капитала, преодоление проблемы гиподинамии в эпоху всеобщей компьютеризации и цифровизации, а также формирование общенационального уровня дисциплины, культуры поведения, ценностей человеческой жизнедеятельности. В этом случае потребление услуг спорта и физкультуры осуществляется в рамках нормативно-правовой базы, закрепляющей централизованное государственное финансирование этой сферы и обязательное включение в учебные программы детских дошкольных и школьных учреждений, средних специальных и высших учебных учреждений. При этом возможно сосуществование рынка услуг физкультуры и спорта в рамках частного бизнеса, но как дополняющий, а не основной сегмент экономических отношений.

Исходя из этой концепции и ее результатов важно, чтобы занятия физической культурой и спортом в школах, ссузах, вузах и других финансировались не только из республиканского и местных госбюджетов, но и смешанных фондов, при этом конечной целью было бы не только сохранение принципа социальной справедливости, но и традиций, культуры, патриотического воспитания и ответственности как качественных характеристик человеческого капитала. Следовательно, в моделях функционирования физкультуры и спорта, основанных на концептуальной основе социальной справедливости, возникает 2 дополнительные необходимые функции государства: контроль, регулирование частного бизнеса в сфере спорта и идеологическая работа с пользователями услуг данной сферы в частном секторе.

Реализация такой концепции на практике происходит через механизм государственного финансирования (бесплатного набора) в специальные учебно-спортивные учреждения (далее – СУСУ), такие как ДЮСШ, СДЮШОР, ЦОР, ЦОП в группы начальной подготовки. Особое внимание со стороны государства требует регулирование масштабных инвестиций в такие виды спорта, где априори предполагается эксплуатация дорогостоящего инвентаря для занятий (теннис, хоккей, фигурное катание) [1], так как передача таких видов спорта в частный сектор автоматически вызовет рост тарифов на их потребление из-за высокой остаточной амортизации оснащения физкультурно-оздоровительных учреждений.

В мировой практике эта концепция функционирования сферы спорта редко используется, является дополняющей и второстепенной, имеются лишь некоторые случаи фискального финансирования фирм и организаций, из государственной казны. Обычно примеры ее реализации свойственны для сфер, где физическая компонента человеческого капитала необходима для выполнения общественных функций, реализации общенациональных интересов. Например, в органах внутренних дел работники занимаются не только физической культурой, но и осваивают виды единоборств, которые им необходимы для исполнения прямых должностных обязанностей [2]. В случае профессиональной занятости на обычном производстве в рамках данной концепции возможно сочетание корпоративно-частного партнерства с госу-

дарством в «дорогостоящих» видах базовой физкультурно-оздоровительной деятельности: предоставление на определенных условиях или бесплатно помещений, спортивного инвентаря, финансирование абонементов малоимущим и многодетным домохозяйствам или работникам с низкой среднемесячной зарплатой.

Часто в рамках концепции социальной справедливости разрабатываются государственные программы, включающие финансирование строительства открытых площадок, где каждый желающий, независимо от возраста, может заниматься физическими упражнениями бесплатно. Кроме того, спортивные организации практикуют постоянные акции помощи детям и взрослым, имеющим ограниченные двигательные возможности, с бесплатными занятиями.

Физическая культура и спорт как сфера экономической деятельности в рамках данной концепции играет важную социальную функцию. Например, после перенесенных заболеваний, которые связаны с нарушением опорно-двигательного аппарата, сердечными болезнями, пневмонией и т. п., необходима лечебная физкультура (ЛФК) для восстановления человеческого капитала. В процессе занятий ЛФК приобретаются навыки использования естественных факторов природы с целью закаливания, с лечебными и профилактическими целями, что дает возможность считать занятия ЛФК обучающе-педагогическим процессом, создающим или восстанавливающим частично утраченный ресурсный потенциал экономики [3]. В этом случае потребление услуг сферы спорта с общественной точки зрения требует финансовой компенсации из средств государства и быть полностью бесплатным и для нуждающихся.

В связи с трансформацией белорусской экономики по пути социально-ориентированной экономической системы государство берет на себя функцию финансирования такого сегмента сферы физической культуры и спорта полностью.

Однако существенными недостатками такого концептуального подхода являются:

1. Ограниченность государственных финансов;
2. Возможность «уравниловки» в доступе к возможностям физической культуры и спорта как социального ресурса, в то время как разные люди нуждаются в этих услугах по-разному.

Концепция физиологической годности. Сфера физической культуры и спорта имеет массовый объект охвата, но не преследует целью охватить всех носителей человеческого потенциала. Цель такого подхода – в сохранении генофонда нации, соблюдении здорового образа жизни, культурного наследия, патриотизма и идеологических устоев.

В рамках данной концепции финансирование доступности большого спорта ограничено, учитывает необходимость сохранения физической формы всех носителей человеческого капитала, но только на *начальном этапе* подготовки. В связи с этим возникает необходимость реализации дополнительной государственной функции – комплексного, систематизированного выявления индивидуальных возможностей пользователей этими услугами, установления соответствия между предрасположенностью индивида к конкретной психомоторной деятельности и требований избранного вида спортивной дисциплины. Следовательно, здесь необходима продуманная иерархическая система государственного контроля.

В данной концепции рамки финансирования государством потребления услуг спорта ограничены результативностью самого спорта. Так называемый «большой» спорт тут уже реализует принципы рыночной экономической системы, имеет целью не сохранение генофонда, а получение материального вознаграждения за спортивные результаты. Однако и в данном случае наличие у спортсмена хорошего спортивного результата подключает материальный интерес частного бизнеса к его дальнейшему продвижению, карьерному росту (из личных средств граждан или прибыли корпораций). Незначительные спортивные результаты вынуждают финансировать деятельность спортсмена из консолидированного госбюджета.

Следовательно, в зависимости от того, насколько хороший результат показывает спортсмен и насколько он здоров, настолько в нем заинтересованы частный бизнес и государство для заключения контракта на спортивную подготовку. Недостатком такого подхода является порой обратный результат – ущерб здоровью ради высоких достижений в спорте.

Концепция сохранности человеческого ресурса для производственного процесса. При данном подходе конечной целью является оказание услуг не профессионального, а массового спорта и физической культуры для максимального использования в процессе общественного воспроизводства сохраненного потенциала человеческого ресурса. Общедоступный

или массовый спорт, «спорт для всех», отражает определенную сферу активности и ориентирован на оказание социальной услуги максимально большому количеству различных социально-демографических групп общества, занятых в экономике. Эта социальная сфера деятельности дает возможность совершенствовать физические, соматические качества и двигательные способности персонала фирм; овладевать отдельными жизненно необходимыми умениями и навыками; способствовать активному восстановлению после работы; укреплять психическое и социальное здоровье, предотвращая конфликтные ситуации в трудовых коллективах и продлевать активный период реализации трудового потенциала на протяжении жизни [6]. В данном случае государство принимает на себя функции финансирования массового распространения спорта, но среди трудоспособного населения.

Однако за пределами государственной финансовой поддержки остается экономически неактивное население (безработные, домохозяйки, рантье и другие). При этом государственное финансирование осуществляется дифференцированно в разрезе следующих сегментов:

- школьно-студенческий спорт (ориентирован на формирование базовой физической культуры и общую физическую подготовленность в системе физического воспитания молодежи);
- профессионально-прикладной (или рабочий) спорт (выступает в роли инструмента подготовки к определенной профессии, например, военное и служебное многоборье, пожарно-прикладной спорт, различные виды восточных единоборств в частях специального назначения);
- физкультурно-кондиционный (профилактический) спорт (является средством поддержания необходимого уровня работоспособности, повышения физической подготовленности людей, которые задействованы в трудоемких производственных операциях или малоподвижных монотонных, но интенсивных операциях);
- оздоровительно-восстановительный (рекреативный) спорт выступает в роли средства реализации разового комплексного отдыха после аккордного завершения сложного производственного задания, рекреации и оздоровления организма, долгосрочного сохранения определенного уровня работоспособности [7].

Каждый из этих видов направлен на подготовку и оздоровление организма, в отличие от спорта высших достижений, во время которого чаще всего спортсмены преодолевают запредельные нагрузки, снижающие потенциал человеческого капитала. Именно поэтому в мировой практике ученые считают, что массовый спорт – наиболее эффективное средство оздоровления нации. Здесь очевидна тенденция повышения роли государства в финансовой и административной поддержке всевозможных форм организации деятельности массового спорта и физической культуры [8].

Концепция рыночности (самокупаемости). К настоящему времени в области спортивного предпринимательства проделана большая работа, что позволило получить ряд важных идей для спортивных менеджеров, предпринимателей и ученых. Спорт может быть катализатором предпринимательства, инноваций и творчества [9].

Малые предприятия в сфере спорта формируют здоровую рыночную конкурентную среду, множат человеческий капитал, являющийся опорой общественной системы, способны быстро и эффективно решать проблемы специфической подготовки и совершенствования человеческого капитала.

Важнейшим следствием перехода физической культуры и спорта на принципы рыночной экономики стала трансформация в формах собственности, что привело к появлению наряду с государственными негосударственных и коммерческих форм физической культуры и спорта.

По мнению Ф. Хайека [9], предприниматель, как хозяйствующий субъект, характеризуется особым поведением, стремлением обнаружить различные возможности получения прибыли, еще не замеченные конкурентами.

МСП в сфере спорта как субъект хозяйствования представлен различными коммерческими формами физической культуры и спорта: частные спортивные клубы, сфера фитнеса, торговля спортивными товарами и услугами, спортивные СМИ, лиги и федерации, букмекерский бизнес, киберспорт, организации спортивного маркетинга и ивентинга, OTT-платформы, разновидности цифровой экономики, спортивные каналы, федерации по видам спорта, не имеющие государственного финансирования, профессиональные спортсмены. И этот перечень можно продолжать долго, так как спортивная коммерческая сфера развивается очень быстрыми темпами.

Одно из главных преимуществ предпринимателей в сфере спорта – это то, что частный бизнес постоянно развивается для того, чтобы повысить свой доход. Изучают новые рынки сбыта, не отвергают информационные технологии, следят за всеми инновациями в сфере спорта. Одним словом, предприниматель постоянно старается развиваться.

Правда, эксперты опасаются, что в скором времени спорт станет ориентироваться лишь на прибыли и забудет о человеческом ресурсе. Все будет подчинено принципам бизнеса и утратит ценность для человека, что означает большую угрозу для спортивных организаций, поскольку будет труднее удовлетворять потребности целевых групп.

Заключение. Тем не менее, при таком концептуальном подходе не следует игнорировать интерес корпораций и частного бизнеса к сохранению трудового потенциала высококвалифицированных работников или сотрудников с редкой специализацией и навыками, создающего объективную основу для частно-государственного партнерства в финансировании, планировании и контроле массового спорта на предприятиях.

На практике соотношение финансовых взносов государства, корпораций и населения в развитие массового спорта в разных странах отличается. В социально ориентированных экономических системах более значительную долю на себя берет государство, в либерально ориентированных экономиках – корпорации и население, что позволяет нам выделить несколько отличающихся друг от друга моделей организации физической культуры и спорта. Например, в США, детско-юношеский спорт финансируется не за счет государства, а за счет спортивных федераций или самих родителей [8].

Литература

1. Kurbatova, T. K. The of physical culture and sport in economics / T. K. Kurbatova, K. D. Koshechkina // *OlymPlus (Humanitarian version) : international scientific and practical journal.* – 2022. – № 1 (14). – P. 59–62 (In Russ.).
2. Алтухов, С. В. Спортивная отрасль, экономика спорта и Росспортнадзор / С. В. Алтухов // *Право и экономика : междисциплинарные подходы в науке и образовании : в 4 ч. : IV Моск. юрид. форум. XII Междунар. науч.-практ. конференция (Кутафинские чтения) : материалы конф. / ред. В. Н. Синюков ; Моск. гос. юрид. ун-т им. О.Е. Кутафина (МГЮА).* – М. : Проспект, 2017. – Ч. 4. – С. 260–270.
3. Галкин, В. В. Экономический фактор в спорте / В. В. Галкин, В. И. Сысоев. – М. : Инстра, 2009. – 259 с.
4. Григорьева, Н. С. Социальная справедливость : эволюция понятия и практики [Электронный ресурс] / Н. С. Григорьева // *Контуры глобальных трансформаций : политика, экономика, право.* – 2008. – № 6. – Режим доступа : <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnaya-spravedlivost-evolyutsiya-ponyatiya-i-praktiki>. – Дата доступа : 10.03.2024.
5. Ольховский, Р. М. Оказание социально ориентированными НКО услуг в сфере физкультуры и спорта / Р. М. Ольховский, А. В. Жбанникова // *Государственная служба.* – 2017. – № 6. – С. 52–56.
6. Гафиатулина, Н. Х. Здоровьесберегающие модели профессиональной социализации студенческой молодежи в условиях социальной неопределенности [Электронный ресурс] / Н. Х. Гафиатулина // *Инженерный вестник Дона.* – 2013. – № 3. – Режим доступа : <http://www.ivdon.ru/magazine/archive/n3y2013/1824>. – Дата доступа : 10.03.2024.
7. Матвеев, Л. П. Общая теория спорта : учеб. кн. для завершающих уровней высш. физкультурного образования / Л. П. Матвеев. – М. : Воениздат, 1997. – 304 с.
8. Карлина, А. А. Совершенствование процесса разработки и реализации муниципальных программ как механизма стратегического управления социально-экономическим развитием / А. А. Карлина, Н. А. Устина // *Вестник современных исследований.* – 2018. – № 7.3 (22). – С. 442–447.
9. Hayduk, T. The Future for Sport Entrepreneurship [Electronic resource] / T. Hayduk // *Sport Entrepreneurship and Public Policy.* – 2020. – Access mode : https://www.researchgate.net/publication/336830916_The_Future_for_Sport_Entrepreneurship. – Access date : 15.03.2024.

Ответственный секретарь: *О.Г. Шляхтова*. Корректоры: *Е.Н. Федорова, И.А. Хорсун*

Подписано в печать 03.10.2024. Формат 60 × 84 1/8. Бумага офсетная.
Ризография. Усл. печ. л. 17,90. Уч.-изд. л. 15,59. Тираж 20 экз. Заказ № 480.
Цена свободная

Издатель и полиграфическое исполнение:
учреждение образования
«Гомельский государственный университет
имени Франциска Скорины».

Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя,
распространителя печатных изданий № 3/1452 от 17.04.2017.
Специальное разрешение (лицензия) № 02330 450 от 18.12.2013.
Ул. Советская, 104, 246028, Гомель.